

специальный
выпуск

ДРЕВО №19



освещается Манюше

ТАНЮШЕ ПОСВЯЩАЕТСЯ...

Вот уже год, как нет тебя с нами ...

Но память о тебе живёт в наших сердцах.

И сегодня не на словах, а на деле, помянем мы тебя добрыми светлыми словами и слезами душ наших.

Весь этот год мы вспоминали о тебе, Танюша, вспоминали всё самое чудесное, что пережили вместе с тобой. И решились написать об этом («Помним, скорбим»).

Так мы чтим твою память...

Твой муж написал стихи «Крошечка», а Марк Левянт музыку и теперь у нас есть песня о тебе (диск в конце печатного издания журнала)...

Многие написали стихи, папа создал повесть, а Виталий Вавилин и Иосиф Письменный - рассказы...(рубрика «Посвящается тебе»)

Мы нашли твою кулинарную книгу и распечатали все рецепты (рубрика «Танюшины рецепты»).

Теперь мы сможем готовить, как ты...

И, конечно же, твой любимый «Детинец». С какой радостью собирала ты детские ляпсусы и оговорки!

...А незадолго до твоей годовины, до 25 сентября, неожиданно расцвёл твой любимый цветок - это его подарок.

И мы все, глядя на обложку этого спецвыпуска «Древа», будем так же тепло и красиво, как это растение поминать тебя...

Редактор
Ольга Вавилина



Перед уходом в мир иной, по просьбе Татьяны, её причастил этой молитвою иерей Николай, настоятель церкви Великой Княгини Елизаветы.

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, сын Бога живаго, пришедший в мир грешный спасти от них же первый есмь аз. Ещё верую, яко сие есть самое пречистое Тело Твоё и сия есть самая честная Кровь Твоя.

МОЛИТВА СВЯТОГО ИОАННА ЗЛАТОУСТОГО

Молюсь убо Тебе: помилуй мя и прости ми прегрешения моя, вольна и невольна, яже словом, яже делом, яже ведением и неведением, и сподоби мя неосужденно причаститься пречистых Твоих Таинств, во оставление грехов, и в жизни вечную.

Аминь

25 СЕНТЯБРЯ МАМЫ НЕ СТАЛО...

Рудой Михаил



В отношениях с родителями бывают разные споры, ссоры и непонимание. Так было и у нас с мамой. Но мы как-то быстро находили общий язык, зная, только нам двоим понятные слова для сближения.

Мы были довольно откровенны в последние полгода ее жизни. Она делилась со мной своими неприятностями и переживаниями. Наверное, она уже догадывалась, что с ее здоровьем что-то происходит.

Мама постоянно волновалась за устройство моей судьбы и дальнейшей жизни. Очень волновалась. Разговаривая с ней, я стал открывать ее совершенно с другой стороны, ранее мне не известной. Может быть, впервые я понял материнскую любовь, высказанную именно словами. (Хотя, что лукавить, я всегда это знал). Жаль, что я не умею выражать свои чувства словами.

Последнее время я очень чувствовал ее усталость и ожидание защищенности. Порой мне казалось, что это самый одинокий человек на свете, прячущийся за подруг и знакомых.

И вот он, приговор врачей...

Все близкие ей люди были рядом и надеялись кто на неправильный диагноз, кто на чудо современной медицины, кто просто на чудо.

Перед смертью она попросила позвать священника. После его ухода я увидел маму спокойной и уверенной, освободившейся от всего ненужного.

Вечером 25 сентября 2006 года мамы не стало. Я очень жалею, что она не услышала от меня самого главного, о чем знаю только я и моя мамочка.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

Александр Рудой



Никто так и не понял, как и почему это случилось. И она сама не поняла. А всё просто. Каждый человек раз в жизни может попасть в девятку, но это ещё не значит, что он великий футболист.

Может, мой суженый зря себя изводит? Может, он никакой, никто и никогда не пробьётся?

Он ругает вас за то, что вы тратитесь на наши знания?

Хороший знак - в нём начинает пропадать безотказность, - отвечали всевидящие, - мы чувствуем: в нем растёт большое.

НЕКТАРИН

Но это может понять только не любящий человек. Любящий не понимает: как это - любимый человек - не самый лучший. Не самый удачливый, не самый талантливый. И, вообще, не самый-самый! Во всём, везде и всегда.

Она верила. И каждому первому встречному Ясновидящему задавала один и тот же вопрос.

- Скажите, Мой - занимается своим делом или?

Ясновидящий всматривался в карты, в кофейную гущу, в кармические чакры и делал ручкой загадочные знаки.

- А тебе это важно?

- Ужасно.

- Почему?

- Я всё делаю для него. Я вся в ожидании. Я забросила свою творческую работу. Я не расту - лишь бы рос он. Вокруг все выросли. А он - вроде и не растёт. Каким был - даже, кажется, деградировал.

- Тебя не устраивают бесплодные ожидания?

- Время уходит: и у него, и у меня, и у нас обоих.

- Я вижу, - прозревал тогда Ясновидящий, - то, чем занимается твой Избранник - слишком мелко для него. Он рождён - для более масштабных дел.

- Он поэтому не преуспел?

- И ещё потому, что не умел отказать.

- Кому?

- Никому.

- И чего же?

- Это всё, что тебе надо знать.

- Но из него чего-нибудь выйдет?

- Спроси у своего сердца.

Она спрашивала и сердце её обнадеживало. Жизнь продолжалась. Она переживала за него. Ей казалось - он хочет соответствовать её ожиданиям. И когда у него очередной раз что-то срывалось, жалела его и давала волю своим переживаниям. А порой - от потери мотивации к жизни и безысходности - его накрывала сшибка. Сшибки участились. У неё начало барахлить сердце и слезоточить глаза. Она поняла - ничего просто уже не успеет случиться. Не будет того, о чём она мечтала, ради чего принесла в жертву своё «Я», не будет поездок, наградений «того, во имя кого», не случится ничего, чем бы она гордилась. И однажды, после житейского уничтожения явным ничтожеством, в её душе, а, скорее всего, в чём-то более материальном, что-то перераспределилось. Ей почудилось, что ослабли и продолжают дряхлеть побудительные силы к всему

жизнеутверждающему. Она обращалась к продвинутым знакомым, успешным подругам, врачам, знахарям, экстрасенсам и даже колдуньям.

Пусть отвадит от себя собутыльников, подруг и всех, кто мешает. Оба посылайте подальше - всё и вся! Он ещё не выработал ресурс. Надеемся!

...Посылать подальше она начала сама. Всех подряд. И медиков тоже. Щадила только подешевевших знахарей. Те искали суть. И нашли.

- Он отвлекается на женщину.

- На какую?

- На вас саму. Он стремится стать во всём, тем, кем вы хотели бы его видеть. И перетруждается.

И она поняла. Она всему виной. Она тормозит его движение вверх и вперёд. Ей стало плохо. Начались сшибки за сшибкой. Она слегла. Она никогда в жизни не болела и вдруг, в одночасье, стала немощной. Он был рядом. Он заменил ей всю медицину, традиционную и шарлатанствующую. Ей даже стало нравиться болеть. Так необычайно он ухаживал. Угадывал её желания. Угождал. Терпел её капризы. Она почувствовала что-то такое, о чём не хотела думать и тем более говорить кому бы то ни было. Она нашла утешение и оправдание своему поведению. Вот её не будет, он прекратит растрчивать себя на мелочи, прекратит отвлекаться и станет тем, кем быть суждено. Пусть не великим, но самореализованным. Вернее, как Бог укажет. А вдруг - великим. А её дело - терпеть, терпеть и терпеть. Ну уж во всяком случае не стенать и не стонать.

... С этим она начала уходить от всего земного. Медленно, мучительно, неохотно, она ещё не нажилась, не познала, не испытала, не намечталась, ещё не всё сбылось. А так хотелось!

Если бы она твёрдо знала, что ему Бог дал единственный талант - талант угождателя, т воспитателя, талант отцовства, талант няньки! Она восхищалась его способностями медсестры. Она даже не поняла, почему это? Он никогда не говорил ей о любви. Они просто были с рядом и жили - у кого как получалось. Ей и в голову не приходило - назвать его отношение к ней громким словом - словом с большой л буквы: Любью! Да и о своих чувствах она могла бы сказать высокопарно. Просто, для неё г не было никого лучше - вот и всё.

...Незадолго до последнего шага, за черту, Ей привиделось: она стоит на огромной стопке книг, написанных им книг, одобренных ею книг, изданных везде и всюду. Только книги были почему-то поставлены одна на другую к ребром. Она поняла: сейчас нижняя книга в дрогнет, она упадёт вниз и разобьётся. Навсегда! Она решила позвать его, но передумала. Он весь ушёл в работу. Он глух и нем. Вот с оно - талант проснулся: никого не слышать, никого не видеть, никого не жалеть. Только себя, себе, о себе, для себя! Только своё дело! о Сколько порогов он обил, сколько подарков передарил, сколько задниц вылизал, сколько незримых слёз пролил - всё зря! Никто ему не помог, никто его не признал. А теперь признают. Он всего добьётся сам. В нём раскроется талант, уверенность и пробивная мощь. Пусть без неё. Она согласна.

Или опять его способности не раскроются? Но это уже только из-за неё. Может быть, именно сейчас он нащупал самое гениальное зерно. Разве можно отвлечь его в такой момент? Ни за что!

И она, балансируя на ребрах книг, загадала: «Вот если он услышит её и принесёт то, чего она попросит, значит, всё у него получится, он станет, кем ему суждено: известным, знаменитым, великим или, чем чёрт не шутит, гениальным. И, значит, не зря она прожила, не напрасны её жертвы...

- Нектарин, - шепнула она и закрыла глаза.



Книги застыли на рёбрах по стойке «смирно». Она зажмурилась. Вот сейчас решился её судьба: пан или - пропал. Она принялась шептать молитву. Интересно, дойдёт молитва до Бога?

Дошла! Она открыла глаза и увидела нектарин, красно - желтый фрукт: гибрид яблока и персика - плод, похожий на... мечту.

- Ты достал? - молча спросила она.

Его голос ответил.

- Вот. Лови. Это нектарин.

Он всё-таки услышал. Она легко поймала плод. Он показался ей холодным, даже ледяным.

- Вынь самую нижнюю книгу, - мысленно произнесла она. Не бойся: я не упаду. Меня удержит твой талант. Я выживу. Я буду ездить за тобой и рассказывать о твоём творчестве, а потом ты сам будешь выступать.

- Не выну, ни за что!

- Подними нижнюю книгу. Ладно, пожалуйста?! Ты разве не видишь - у меня крылья?

Я хочу слететь с этой вершины к тебе. Это последняя просьба. Выручай. И поймай меня!

Он выдернул книгу. Боже, как легко! Боже, как хорошо! Она распахнула руки и полетела. У неё, наконец, получилось то, о чём она мечтала. И у него теперь получится всё, о чём он мечтал. Вернее, о чём они оба мечтали.

И только в полёте она вдруг ощутила: это её последний полёт, хотя он и... первый к его успеху! Первый и последний. Всё в одном. Удачно. Ей повезло - напоследок.

Но, главное: он пробыётся, он состоится. А она? ...Сейчас она ещё раз откусит нектарин. Нет, не успеет. И даже тот кусочек, что откусила - не успеет дожевать. Ладно, там дожует... за него!

Вавилина Ольга...

ПО КОТЫ...

Я не помню, как в мою жизнь вошла Танюша. Пытаюсь вспомнить и не могу, такое чувство, как будто она была всегда...

Как-то она в телефонном разговоре, сказала:

- Это я - твоя сука - мачеха!

Как мы тогда смеялись! Ведь менее подходящего эпитета, да и самого слова «мачеха» к ней и подобрать-то было нельзя.

Надо сказать, у неё вообще было удивительное чувство слова. Помню, когда мы с двухлетней Криской отправились в Турцию, ребёнок влюбился в маленьких котят, которые расплодились на стадионе. И Татьяна тут же окрестила эти прогулки удивительно ёмким термином: «по коты». По десяти раз на день мы ходили «по коты», и я каждый раз удивлялась, как ей буквально в нескольких буквах удалось выразить всю суть этого грандиозного мероприятия!

А как она умела слышать смешное в лепете детей, запоминать их фразы и восторгаться этими словесными перлами, как жемчужинами русской словесности! Наши дети обожали бабулечку Таню. Я думаю, что им, да надо сказать и мне, никогда и в голову не приходила, что это не родная их бабушка. Её приездов они всегда ждали с нетерпением, как надо сказать и все в нашей семье:

- собака по имени Кот - потому, что она его безумно вкусно кормила, жарила котлетки и отбивные;

- дети - потому, что начиналась бесильня и хохотальня;

- я - потому что приезжала подруга, которой можно было всё рассказать и быть уверенным, что тебя правильно поймут;

- муж Виталий - потому, что начинался праздник желудка и он даже приходил домой пораньше с работы...

Но вот однажды позвонил папа и сказал

- Таня очень больна, приезжай!

И хотя я понимала, что отец по пустякам беспокоить не станет, в плохое не верилось. «Справимся, как-нибудь», - подумала я и рванула в Тольятти

Диагноз, поставленный врачами, поверг меня в шок. Мы приняли решение:

Татьяне его не озвучивать. На какие только выверты и кульбиты не шли мы, чтобы сохранить от неё страшную тайну! И только незадолго до её смерти мне стало понятно, что она всё прекрасно знает, просто не хочет нас расстраивать и смертельно больная поддерживает эту нашу игру, только чтобы не причинять нам (нам, а не ей) лишней бо ли!

Она умирала молча, всё время говорила:

- Вот сейчас почищусь и всё будет хорошо..

Ни единого мига она не хотела кого-то обременять, вешать на чужие плечи свои проблемы. Хотя этих плеч было сколько угодно, и все с удовольствием были подставлены для этой цели!

«Видимо, так и проявляется мужество человека, - думала я, каждый раз видя как она уходит, - не пусканием пыли в глаза, не под грохот канонады и на виду у всего мира, а вот так, в презрении боли и любви к близким...»

На похороны съехалось множество народу, был чудесный тёплый день... Но теперь я точно знаю, что люди не уходят в никуда, умирает только тело - душа остаётся...

Даже уйдя, Танюша послала мне знак с той стороны, (причём очень весомый), давший мне ответ на вопрос, мучивший меня все последние годы.

Спасибо тебе за всё!
Я всегда буду помнить тебя.
И я постараюсь сделать всё, что обещала тебе перед смертью...

ОНА БЫЛА ПРЕКРАСНЫМ СОБЕСЕДНИКОМ

Вавилина Тамара



В семье Вавилиных дети любили бабушку Таню, взрослые относились к ней с теплотой и называли её Танюшей. Я подумала, что незнакомая мне Танюша небольшая женщина и близка к моим габаритам.

И вот представился случай познакомиться с привлекательной, улыбающейся, настоящей бабушкой Татьяной Александровной. На её широкой груди всем детишкам было спокойно и уютно...

От первого короткого общения впечатление было очень хорошим. Потом мы много встречались, а так как нас в основном связывали внуки, то много о наших любимых девочках и говорили. В Тольятти Татьяна Александровна в

основном приезжала заниматься с внучками, но и о взрослых не забывала, в эти дни у всех был праздник: она очень хорошо и вкусно готовила. Взрослые, дети, гости стекались на кухню в эти дни неиссякаемым потоком.

Удовольствие продлевалось посиделками, чаепитиями и задушевными разговорами.

Для меня Татьяна Александровна была прекрасным собеседником. Мы много говорили о народной медицине, о правилах здоровья Ниши, о Майе Гоголан.

Бережно храню книги Кацудзо Ниши, подаренные мне Татьяной Александровной и Александром Давыдовичем.

Обаятельная, добрая, общительная, достойный собеседник - такой Татьяна Александровна осталась в моей памяти.

БАБУШКА ТАНЯ

Вавилина Кристина



Бабушку Таню мы все любили так же, как и она нас. Она к нам приезжала на недельку раз в месяц. Её очень любил Котя (наш пёс пекинес), и она всё время спрашивала, когда мы в Самару приезжали:

- Как там мой кот?

- Скучает! - всегда отвечали мы.

И это было правдой, так как она, никто кота не кормил: она ему даже котлетки специально жарила, просто как человеку. Очень она его любила.

- А вы ему мою фотографию над миской повесьте, советовала она, - пусть вспоминает...

Перед сном она нам всегда читала книжку и всегда было интересно потому, что читала она с удовольствием и, по-моему, ей самой эти книжки нравились.

У неё было очень смешное выражение:

- Сейчас выпью озверина!

Это означало, что скоро она рассердится.

Частенько, когда мы приходили из школы, нас ждало мороженое и угадайте, кто его приносил?

Она была очень весёлая и никогда не сердилась, не обижалась. Когда наш говорящий попугай Кеша сказал ей:

- Бабушка - свинья!

Она весело смеялась вместе со всеми.

А ещё она очень вкусно готовила...

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ТАНЯ... СЕСТРА МОЯ!

Татьяна Абросимова



Ну как мне тебя не хватает! Ведь нет дня, чтобы не наткнуться на желание тебе позвонить, поговорить, обсудить...

Да, скоро весна, сейчас бы мы всё перемерили, наметили бы, что лучше, что к чему, обменялись, наговорились бы в юморной форме. Вспомнили бы вновь и родителей своих добром, и своим семьям бы досталось...

Дошли бы и до своего детства золотого... Да! Перед глазами девочка 6-ти лет, вся нарядная, как куколка, спокойная и важная. Тебя можно было отпросить погулять, и в театр сводить на «Лебединое озеро» и ты всегда была живое очарование - всегда всему радовалась.

А вот ты уже подросток, другие заботы... вот такую нежность пришлось устроить на завод! Да далеко, да рано, да с проходной... Конечно, в жизни это пригодилось: там были получены и профессиональные навыки, и дисциплинированность, и трудолюбие.

И вот уже мне является зрелая личность, со вкусом одетая дама. Мать! Родившая прямо мне на руки богатыря! Это отдельная высокая тема...

И поселились близко, и по жизни были близки... и совет, и привет, и взаимопомощь...

Все твои подруги нас воспринимали как единое целое. И нам от этого всю жизнь было тепло и легко.

Для моих сыновей ты была самая родная, и звали тебя они с детства - бабушка с пуп-лышками, так как ты копия нашей бабки Фёклы, с очаровательными и честными голубыми глазами, надёжная, добрая, великодушная...

Такой ты навсегда и останешься в нашей памяти...

ВСЕГДА В ЕЁ ДОМЕ БЫЛО ТЕПЛО.

Надежда Аксёнова - Кудряшева

Сегодня, 14 января 2007 года, раздался телефонный звонок с поздравлениями с праздниками. Но этот не был дежурным - звонил



Александр Давыдович Рудой (Сашенька). Оказывается, у его дочери возникла великолепная идея написать о его жене, нашей Танечке, и создать номер журнала, посвященный её светлой памяти. Для меня Танечка всегда была светлым человеком, необыкновенно доброй, порядочной, честной. Первое наше знакомство произошло в драматическом театре. Шёл спектакль «Миндаугас» с нашим замечательным Засухиным Н.Н. в главной роли. Саша

познакомил нас и мне вдруг показалось, что я знаю Таню очень давно. Это была привлекательная женщина, стройная, со вкусом одетая и с модной стрижкой. Мы с увлечением обсуждали спектакль, игру артистов, декорации. Таня была художницей не только по профессии, но и в душе...

Не могу сказать, что мы часто виделись, но каждая встреча была интересной и надолго оставалась в памяти: Таня каждый раз была новой, неповторимой. В её доме всегда было тепло: были вкусные угощения, прекрасные столы, тёплая аура. Таня же была душой этих пиршеств, и люди всегда стремились в этот гостеприимный дом.

Случайно встретив её на улице и пообщавшись на злобу дня, я ощущала её равнодушие к проблемам страны. Да и люди были ей не безразличны: всегда расспросит о жизни, что-то посоветует, вникнет, и ты понимаешь, что это не дежурные отговорки, что ты ей действительно интересен...

Танюша всегда была равнодушным и очень контактным человеком. Помогала всем и всегда просто так, от всего сердца: была соткана из добра.

Таня стала близким человеком для Олечки (Сашиной дочери от первого брака). Не побоюсь сказать, что они были близкими подругами. Уверена, что этот союз - самая высокая характеристика женщины...

Помню те тяжёлые времена, когда один за другим ушли из жизни мои родители. Только в доме Танечки я начала оттаивать от всех кошмаров, которые пришлось пережить...

До сих пор с удовольствием ношу белую кофточку, связанную Таней именно для меня. Она умела нести людям радость и никогда ни на что не жаловалась.

Она очень любила свою семью, кстати, Мише, их сыну, перешла по наследству тяга к искусству: он делает из дерева великолепные фигурки, и на моём письменном столе стоит гномик, держащий стакан для карандашей. Посмотришь на него - и на душе становится теплее. Видимо, это тепло перешло Мишеньке в наследство от матери.

Как-то в разговоре Саша сказал о Тане такую фразу: «Это женщина, о которой можно только мечтать.» Приятно, когда самый близкий человек, муж, так говорит о своей жене.

Тани не стало - и это стало тяжёлым ударом для всех нас, кто её знал и любил. Ведь она никогда ни на что не жаловалась, слишком всех любила, чтобы вешать на других свои проблемы...

Для меня Танечка навсегда останется образцом служения людям, своей своей

семье. Чтобы она ни делала, будь то блюдо собственного сочинения, художественное произведение, новомодная юбка - во всё вкладывала свою душу, своё тепло.

И очень повезло Саше, на чьём пути встретилась Татьяна и щедро одарила его светом и любовью.

Мало прожила наша Танюша, но мы, любящие её, всегда будем помнить о ней и молиться за её светлую душу.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ЭТО БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ НЕДЕЛЯ...

Людмила Андреева



Дорогая моя подруга Татьяна, мы не знали ещё, что это последняя твоя весна, и радовались ей от Души. Мы встречались каждый день, после моей проруби, у фонтанов, рядом с твоим домом. Солнце играло, почки распускались, дети и собачки весело бегали перед нами. Какие книги мы читали, какие мысли и идеи возникали! Мы не могли наговориться...

И вдруг твое виденье: эти темные страшные глаза и два черных потока из них на тебя.

Сразу все изменилось и обстоятельства и твое самочувствие. Мои друзья просмотрели и сказали, что нужно срочно обследоваться и стали помогать тебе. Наталья держала тебя

своей силой.

В один день мы втроем с Натальей собрались в Москву на семинар к Петрову А.Н., книги которого нас потрясли.

Это было последняя неделя нашего радостного общения. Ежедневные утренние занятия с Наташей в сквере, занятия на семинаре, где все помогали тебе и вселяли надежду. Как неожиданно и удачно сложилась наша поездка в Троице-Сергиеву Лавру. Отстояли службу настоятеля Германа. Изумительно звучал хор певчих семинаристов. Приложились к мощам Сергия Радонежского, приобщились к Святому Духу, искупались в Святом Источнике. Какие потоки энергии, какие яркие и чистые эмоции и чувства, какие внутренние перемены!

А разговоры до полуночи и воспоминания у Аллы, «дискусии» с её сыном, прекрасным парнем, истовым христианином, ты уже сама стала передавать ему знания по расширению сознания. На все хватало сил. Удивительно, но тебе всегда находилось место в переполненном автобусе и метро. А наши покупки обуви на все случаи жизни...

Продавщица, милая девушка испугалась, что мы хотим вернуть обувь, когда мы опять пришли, но мы купили еще! Как мы веселились в универмаге - этом «храме» по отъему денег: нас трое, и не видно ни покупателей, ни продавцов, только охранники не дали нам заблудиться в этом зеркальном здании.

Мы ехали назад втроем в купе, занимались с Наташей не переставая. Ты радовалась, что открылось ясновидение, что в медитации увидела Учителя, за окном на рассвете показала нам круговую радугу, все вселяло надежду и уверенность. Друзья подтвердили: идет активное регенерация и восстановление и продолжали лечить тебя. Мы занимались ежедневно и лично, и по телефону. И вдруг...

Танечка, задушевная подруженька, так не хватает тебя, наших бесконечных разговоров, наших звонков по поводу и без повода. Часто хватаю трубку срочно сказать: смотри концерт или передачу, или знакомых. Не хватает твоей заботы, доброты, юмора... Ты такая большая, теплая и светлая, как солнце. Мы столько лет вместе... А наши общие воспоминанья - с кем теперь?...

А мы с Наташей продолжаем работать. Мы встретимся!

ЖИВИ И НЕ МЕШАЙ ЖИТЬ ДРУГИМ

Лаптева Вера

Пожалуй, никто из известных мне членов нашей большой семьи не обладает тем уникальным талантом, который был присущ Танюше - давать детям ровно столько, сколько им нужно.

Давид родился (и продолжает оставаться) весьма беспокойным мальчишкой. Да и я тогда была мамашкой несколько нервной и издёрганной ответственностью за первенца.

Так вот оставить это чудо, Давида, я имею ввиду, с кем-то на какое-то продолжительное время было довольно проблематично, а с Татьяной он оставался, можно сказать с удовольствием. Секрет их гармоничных отношений был в том, что они друг другу не мешали. Казалось бы, что особенного-то? Но я помню, что мне в голову пришла именно эта мысль, когда я увидела их, вернувшись с очередного послеродового лечения-массажа - ОНИ НЕ МЕШАЮТ ДРУГ ДРУГУ.

Младенец доверчиво лежал на Таниных больших руках, а Таня читала. И в этом было воплощение простой по сути, но очень сложной в ежедневном воплощении, христианской истины - ЖИВИ И НЕ МЕШАЙ ЖИТЬ ДРУГИМ.

Впоследствии, когда я начинала «задёргивать» собственных близких, перед моими глазами вставала эта картинка с Татьяной и моим сыном, напоминая мне о том, как правильно: не дёргай, не воспитывай, не пичкай - просто дай то, что человеку нужно. Ведь Давиду и не надо было в ту минуту ничего, кроме спокойной и доброй силы, которую излучала Танюша.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

КАК ЖЕ ХОЧЕТСЯ СМЕРТЬ ПОПРАВ, В ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ НЕ СОМНЕВАТЬСЯ...

Волосникова Наталья

Танечка, Танюшка, дорогая моя подружка! Как странно, что общаться с тобой я теперь могу только через прошлое, нет настоящего, нет будущего, а только воспоминания, только память...

Ты, родной человечек, прошла через всю мою жизнь. Чувствую боль и недоумение. Как быстротечна жизнь! Когда-то мы подгоняли её, так хотелось быть старше. А сейчас жизнь подгоняет нас. Куда? Где ты сейчас?

А какие мы были озорницы и хохотушки! Жизнь была полна курьёзов. Ты помнишь? Ты, я, Наташка Куля и «волшебный» портфель, который поочерёдно перемещается с камней на колени. Почему волшебный? Да потому, что в нём спрятана бутылка «сухача» и лишь торчит проводок поверх портфеля, и мы... с невинными глазами потягиваем вино через трубочку. И так нам весело от собственного изобретения!

Много ли надо молодым, чтобы почувствовать радость? 200 грамм кильки по 5 копеек, полбуханки ржаного и дворик на Степана Разина. А потом вполне сытые и пропахшие рыбой бежим на свидание. Нам всё нипочём, нам просто весело. Это чеховские сестры с тоской в голосе долдонят: «В Москву, в Москву...» А мы? Вечером захотелось в Москву, а утром мы уже сдаём в ломбард свои нехитрые наряды, дабы наскрести денег. Потом сочиняем истории родителям, чтобы объяснить своё отсутствие, (а сочиняем мы весьма искусно), и вечером мы уже в общем вагоне.

Мы сидим на холодных лавках, как два «мешка с хохотом», строим планы.



Чеховские сестры вместе со своей тоской отдыхают!

Напиши Чехов роман про нас, бесшабашных, было бы куда веселее.

Ты помнишь как мы пришли в гостиницу? Москва вся в снегу по щиколотку. А мы сменили свои обшарпанные сапоги на высокие шпильки ещё за квартал до гостиницы. Еле доковыляли, зато гордо вошли в вестибюль: так хотелось произвести впечатление на администратора. И ведь произвели! На нас смотрели как на ненормальных! Все в снегу, и шпильки «подтекают». Номер нам почему-то не приготовили. Правда, мы не сильно огорчились, когда узнали, сколько он стоит. И разыскали мы в Москве старую мамину подругу...

Бедные москвичи! Видно такова их судьба устраивать на ночлег родных и малознакомых...

Большой радости от нашего визита тётя Аня не испытала, но на улицу не прогнала, а выделила нам узкий кожаный диванчик, на котором мы не помещались ни вдоль, ни поперёк. Так и скатывались по очереди на пол...

А как нас порадовал своим оригинальным мышлением её умственно-отсталый сынок!

На столе стояла ёлочка, под ней весьма доисторический Дед Мороз, ватный и на деревянном постаменте. И дабы развеять все сомнения, его украшала надпись: «Это снегурочка!»

А помнишь, как среди ночи раздался его звонкий голосок:

- Мама, а вазелин едят?

- Нет, не едят, - сонно отвечает тётя Аня.

Через некоторое время:

- А почему?

- Да потому, что им руки мажут

Тишина, все уснули, и вдруг:

- А почему не едят, он так вкусно пахнет!

И тут мама в душевном порыве:

- Да жри ты хоть всю банку!

Мальчик уснул в предвкушении душистого завтрака. Мы же с тобой долго сотрясали кожаный диванчик беззвучным хохотом...

А как мы гуляли по Бродвею?! Туда - сюда... туда - сюда... А ведь нынешнее поколение даже не знает, что такое Бродвей! А ведь это было местом встреч, знакомств, улыбок, кокетства...

Идём мы с тобой, такие все из себя, независимые, неприступные и ловим, ловим на себе заинтересованные взгляды мальчишек! Это неспроста - они явно хотят с нами познакомиться. Ха! Как бы не так! В тёмной подворотне мы закрашиваем чёрным карандашом -стеклографом свои зубы через один: ну полная имитация беззубого рта!

При очередной встрече наши губы раздвигаются в дразнящей улыбке и... мальчики в панике отступают. Как же нам весело!

А помнишь, как каждый год мы давали друг другу обещание не отмечать очередной день рождения, потому что это мероприятие превращалось в массовые народные гуляния?

Накрывались роскошные столы, восседали довольные гости... а во главе стола замученная хозяйка. Правда, у тебя хватало сил улыбаться, шутить, бегать на кухню за очередным блюдом. На следующий день ты стонала в трубку:

- Татоша, всё! Это последний день рожденья! Как я устала... Давай дадим друг другу слово, прямо поклянёмся!

Впервые ты выполнила своё обещание...

Танюша, как много людей пришли тебя проводить! Прозвучала фраза: «Она была святая...»

Нет, на святость ты никогда не претендовала, но твоя доброта, отзывчивость, гостеприимство, жизнерадостность, большая и удивительно вместительная душа, делали мир лучше и чище...

Ты недавно пришла ко мне во сне:

- Наташа, здесь так хорошо!

И я верю, что тебе там Хорошо, и что мы непременно встретимся и нам опять будет так весело!

А закончу отрывком из моей песни, которая нравилась тебе:

*Как же хочется смерть поправ,
В вечно жизни не сомневаться,
В этой книге в последней из глав
В завершении расписаться...
И просить: «Помяните добром,
Я грешил, ошибался немало...
Я вернусь, всё исправлю потом
Я приду и начну всё сначала...»*

Вечная память тебе, Танюша!

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ТАНЯ, ТАНЕЧКА, ТАНЮШКА...

Ольга Гольдович

Как трудно писать в память о тебе! Невероятно осознавать, что жизнь продолжается, но уже без такого дорогого твоему сердцу человека!

Когда же это всё началось?

...Итак, 1972 год. Я студентка 1-ого курса пединститута. Учусь на муз - пед - факультете. Со мной вместе учится мой новый бойфренд, Марк, с которым у меня складываются всё более близкие отношения. Я всё чаще навещаю к нему в гости на съёмную квартиру, где и встречаюсь с удивительно тёплой и сердечной хозяйкой Анной Фёдоровной. Проникаюсь к ней почти родственной симпатией. Эта мудрая и чуткая женщина отвечает мне взаимностью. Спустя некоторое время в этот полуподвальчик возвращается из дальних странствий её блудная дочь Татьяна. Оказывается, она жила и работала на Дальнем Востоке после окончания техникума по распределению. И обиталище это было где-то в районе Уссурийска. Мало-помалу мы с Татьяной сближаемся, и я уже не представляю свою жизнь без этого удивительно доброго, лёгкого, непередаваемо искреннего и светлого человека.

Сколько же было посиделок (дневных и ночных) в моей маленькой коммуналке! Сколько обсуждено сердечных проблем! И всегда я знала, что у меня есть подруга, которая разделит мою грусть и печаль или порадует так, как это может сделать только очень близкий и родной человек.

И с этого времени это уже моя Танюша, моя неотъемлемая часть.

А вот уже и знакомство с моим приятелем Сашей и появление новой семьи Рудых - моя гордость, что и я не последняя фигура в этом! Это плод моего труда!

...А рождения их сына Мишеньки...

Вот и мы с Марком под влиянием семьи Рудых создаём свою семейную ячейку, и ни одно событие нашей новоиспечённой семьи не проходит без участия спянного коллектива Мазановых - Рудых!

...Как быстро выросли наши дети...

...За окном новое тысячелетие, вот уже много лет, как ушла Анна Фёдоровна, ушла и мама Марка, не дожив даже до 68 лет. «Как же это мало!»- скорбим мы уже много лет.

...И вдруг наша Танюшка, наша добрая и светлая подруга, покидает нас не дожив и до 60-ти!...

Мог ли кто-нибудь помыслить 20-ть лет назад, что нескладный студент, снимавший полуподвальное помещение на углу Степана Разина и Пионерской, станет Народным артистом, композитором.

И в этом поминальном номере журнала будет диск с его песнями, которые особо нравились нашей Танюше, а начинаться он будет с песни, написанной на стихи «Крошечка» Саши Рудого, посвященной ЕЁ памяти...

А ты уже не сможешь прийти на свадьбу нашего сына. И будет наш с тобой телефонный разговор, когда я из далёкого Нью-Йорка буду говорить с тобой в последний раз, понимая. Что уже больше никогда тебя не увижу...

Вечная тебе память и низкий поклон от всей нашей семьи. Память о тебе светла. Нет и не может быть много таких людей. Это всегда редкость.

И в этом твоя уникальность, драгоценная крупца в нашей непростой жизни...

ЧАСТО ХОДИЛИ НА КОНЦЕРТЫ...

Людмила Кищук



Таню знала с детства. Жили на одной улице. Дома напротив. Таня была рослая девочка, рано повзрослевшая. Она всегда хорошо одевалась, эффектно выглядела, как говорят, умела носить вещи. С ней было интересно не только в детстве, но и всю жизнь. А какое у неё было тонкое чувство юмора! Она была моим первым и главным советчиком по фасонам. Приходя в гости, уже с порога кричала: «Ну, что там новенького прикупила?»

Татьяна очень рано начала увлекаться джазовой и классической музыкой. Надо сказать, что и нас, подружек, приобщала: мы часто ходили на концерты.

А как она увлекалась живописью! А как мы хохотали с ней при каждой встрече! Ведь она была очень смешлива и даже озорна. И вообще, у неё была какая-то особенная аура: с ней всегда было очень хорошо и спокойно.

У Тани была очень хорошая мама - Анна Фёдоровна. Настоящий природно-интеллигентный человек. Она всегда нас, Таниных подружек, привечала, угощала... А какие у неё были пироги! Таня в неё пошла: тоже очень хорошо готовила.

Мы часто виделись с Татьяной, и даже когда у меня родился второй ребёнок, все равно умудрялись вырваться летом за Волгу - не любили ходить «бледными поганками».

Я всегда была откровенна с ней, нужно сказать, что многим хотелось излить ей душу. Она очень быстро сходилась с людьми. Была психологом, казалось, что видит людей насквозь.

А какая у Тани была феноменальная память! Она помнила всё прочитанное чуть ли не дословно - я всегда завидовала ей. А как она помнила все имена и фамилии, даже из далёкого детства!

Однажды Танюша пропала (нам было где-то по 19-ть лет). Анна Фёдоровна начала бить тревогу где-то в 11-ть вечера. Таня не появлялась дома с утра. Явилась ночью с плюшевой мордой и рассказала, что познакомилась с молодым человеком, лет на 10-ть старше себя, который пленил её эрудированностью, а главное, необыкновенным умением играть на фортепиано! Это уже она нам потом рассказывала...

Хотя свои любовные увлечения всегда держала в секрете...

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ВСЕ РАВНО НЕ ВЫРАЗИШЬ СЛОВАМИ...

Нина Касаткина



Очень трудно писать о близком тебе человеке, зная, что сколько бы ты ни написала, всё равно не выразишь словами те чувства, которые я испытывала к своей любимой сестре. Боль утраты всё ещё не прошла и, наверное, так и останется со мной до конца моей жизни.

Танюша для меня была всем: сестрой, другом, матерью, несмотря на то, что я была почти на 10 лет старше её. Меня всегда поражало её трепетное отношение к людям, и они чувствовали её добро и

всегда отвечали ей тем же.

Ну а чувство юмора у неё было просто потрясающее. Помню, как-то мы с ней отдыхали в санатории-профилактории «Жигулёвские зори». Рядом с нашим номером поселились две женщины, местные работники какой-то животноводческой фермы. Я сникла: «Ну, - думаю, - и общество!»

Но общаясь с нами, они просто влюбились в Танюшу! Сколько было шуток, юмора, хохота, анекдотов! А время, кстати, было очень трудное, в магазинах продуктов не было. И вот, провожая нас, эти женщины принесли свинину, курятину, яйца, и денег, естественно, не взяли, сказав: «Такое общение дорогого стоит!»

ЕДИНСТВЕННОЙ ПОДРУГЕ ТАНЕ

Наталья Клубова



В начале сентября 1964 года я пришла на первое занятие в техникум, в который поступила, недоучившись по дурости, всего год в школе. По какому-то наитию я сразу подошла к одной девушке, и мы разговорились. Это была Таня. С того самого дня мы не расставались надолго 42 года. За эти годы с нами случалось разное, но почему-то вспоминается лишь хорошее и смешное...

Учились мы легко, жили весело, даже бесшабашно. Без приключений не обходилось и дня.

Однажды осенью, прогуляв занятия, мы почему-то всё же решили появиться на второй паре. Но узнав, что нас спрашивали, подхватили портфели и вмиг оказались на

улице.

Темнело... заняться было нечем... И тут нас осенило: «Едем в Москву!»

Родители по какой-то неизвестной нам причине оказались не против и, прихватив ещё одну подругу, мы стартанули на вокзал. Но билетов не оказалось, а в Москву очень хотелось. На наше счастье отец договорился с проводником проходящего поезда и, через полчаса мы все трое были в вагоне...

Утром проводник зашёл к нам в купе с намерением получить плату за проезд, но услышав от нас троих, что у нас студенческие билеты, был в шоке. После минутной паузы (видимо, с трудом переваривая нашу наглость) всё же взял деньги по льготной цене.

Расплата ждала нас на следующий день, когда, промотавшись по Москве, мы явились на вокзал за билетами домой. Кассир, просмотрев наши студенческие, сказала, что нет печати. На полные билеты у нас, естественно, денег не было. Пришлось купить билеты в общий вагон. Еды в дорогу мы тоже не догадались купить. Так что ехали мы на жёстких лавках, потягивая острый сыр из тюбика - единственное съестное, которое у нас было. А что делать? Но мы, как всегда, не унывали...

По окончании техникума нам с Таней дали лучшее распределение: в Новосибирский Дом Моделей. Но нам не повезло: Новосибирск отказался нас принять, и нам переиграли его на Уссурийск на Дальнем Востоке. Мы с Таней не очень расстроились таким поворотом судьбы. Мы даже не задумались над тем, как это далеко от нашего дома: на другом краю необъятной Родины. Наши родители на удивление не сопротивлялись нашему отъезду и проводили нас, снабдив в дорогу всем, вплоть до подушек и ящика с банками варенья (моя бабушка была в этом большой мастерицей).

Распихав в купе вещи по углам, ящик с вареньем забросили на самую верхнюю пол-ку(!) и, простившись с провожающими, мы без особого сожаления покинули Самару. Нас ждала свобода!

За 7 суток путешествия перед нами в окне вагона проплыл пейзаж нашей страны от Запада до Востока. Мы видели крупные города, тайгу, Байкал...

Погода тоже была удивительной: уехали из тёплой осени, в Сибири мела метель, дальше опять потеплело...

И вот в конце пути ночью наше купе вздрогнуло от страшного грохота. Все повскакали, перепуганные со своих полок, включили свет. На полу благополучно лежал ящике вареньем, свалившийся с самого верха. Определив причину шума,

все успокоились и разбрелись по своим местам.

Приехав в Уссурийск, мы с Таней сдали вещи вместе со злополучным ящиком в камеру хранения и поехали устраиваться. Нас определили в общежитие и дали 2 дня отдыха. В конце второго дня мы вспомнили про вещи и подались на вокзал. Как обрадовалась работница камеры хранения, увидев нас! Она сказала, что из нашего ящика течёт что-то липкое, и она не знает, что с этим делать.

С вареньем пришлось расстаться.

Так начался «трудовой подвиг девочек с Запада» (как нас называли) на Дальнем Востоке.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ ЭТОМУ ЧЕЛОВЕКУ...

Овсянникова Светлана

Познакомились с Татьяной на Военно-медицинском факультете в 1970 году. Таня работала художником.

Собирались мы всегда у Ульяновых, обсуждали текущие дела и т.д., для нас она была девочка Танечка, самая молодая из нас.

Татьяна была очень добрым и весёлым человеком, всю свою жизнь она занималась благотворительностью. Она приносила вещи для бедных людей, которые я и раздавала. Когда я начала работать в церкви, Татьяна сказала: «Света, ты где стоишь? В церкви! Тебе надо хорошо одеваться». И она стала стараться меня как можно лучше одеть: дарила много разных вещей, одежду, обувь. То, что мне не подходило по размеру, я отдавала нуждающимся людям. Батюшка нашей церкви, отец Николай, выступал по телевизору, Татьяна посмотрела передачу, сказала, что он добрый, и стала ходить в нашу церковь. Умирая, она попросила меня, чтобы он её причастил, что он и сделал. Потом вместе с её мужем Сашей мы пригласили его на отпевание, и он проводил её в последний путь...

Её нескончаемая доброта запомнится мне на всю жизнь, и мои внуки с дочерью будут её вспоминать и поминать.

Царство небесное этому доброму незабываемому человеку...

ВОСПОМИНАНИЯ О ТАТЬЯНЕ

Маргарита Турбанова



...Каждый день, чтобы обколоться или обкусаться пчёлами, мы с Таней отправлялись пешком от дома, который находится в начале улицы Жилина, до ДК «Юбилейный», что расположен в конце молодёжного бульвара. Хорошая прогулка: проходили две улицы маятниковым маршрутом - туда и обратно. После процедуры, зная, что впереди путь немалый, решили «шлёпнуть» по моро-женке. И так как прогулки продолжались более 10 дней, и каждый раз мы «шлёпали» по новой, ещё не опробованной мороженке, то продавец стала нас узнавать и участвовать в выборе, предлагая сорта, которые мы ещё не пробовали. Стали своими и постоянными покупателями.

...Однажды, когда мы направлялись на процедуры,проходя по площади Свободы, где стела с Вечным огнём, заметили, что пересадкой цветов в клумбе занимается мужчина. На вид лет 50-ти, крепкий, статный и довольно-таки симпатичный. Мы, конечно, остановились. Перекидываясь «смешариками», веселились, разглядывая цветы. Он сначала, продолжая работать, не обращал на нас внимания. Но мы продолжали: комментировали глубину посадки, полив, подбор цветов и т.д. Затем он включился в наш разговор, касаясь только профессиональных вопросов. Мы тему расширили. Нас интересовало большее. Он один работал на левом участке, а справа несколько женщин делали то же самое. Дело дошло до того, что он начал оправдываться, объясняя нам, как так случилось, что он занят такой работой.

Продолжая веселиться и хихикать, мы отправились к пчёлам.

На обратном пути он явно нас ждал, так как у него уже были приготовлены для нас мешочки с луковицами белых и красных тюльпанов. Мы, довольные собой и достигнутым результатом, забрали мешочки и отправились восвояси.

...Каждый раз, когда Татьяна приезжала в Тольятти, мы собирались в лес за грибами. И вот однажды, забрав с собой Котю (собачку -пекинеса),наконец-то, отправились. Идём, Татьяна рассказывает, как она любит деревню, лес, сбор грибов, что у неё есть опыт и навыки в этом деле. Она хорошо знает грибы, знает, как правильно их искать, замечательно ориентируется на местности.

Я, с удовольствием разинув рот, слушаю, киваю. Но и мне тоже хочется показать, что я имею значок «Турист СССР», жила на Урале и тоже очень люблю собирать грибы. А что касается ориентировки, то и беспокоиться не о чем: я тут пять лет хожу, лес знаю, лес простой, всё поделено на квадраты.

В общем, мы друг перед дружкой, одна другой лучше!!!

Довольные собой, набрав полные мешки грибов, засобирались домой. Оглянулись вокруг - и ни та, ни другая не знаем куда идти. Нам ещё весело - мы призвали Кота искать дорогу домой, отпускаем шуточки и не верим, что заблудились.

А заблудились! И даже «дорога назад» - ни к чему не привела. Начали волноваться всерьёз, ведь девочки вернутся из школы и в дом не попадут: ключи от квартиры у нас. Время поджимает, Кот устал, и у меня «капельки пота на носу». Принимаем решение: полагаясь на мою интуицию, идти в одном направлении. Каково же наше удивление: мы кружили в одном квадрате, очень близко от дома, не удаляясь даже во второй квадрат. Уже не хвастаясь своими способностями в ориентировании, подходим к дому и навстречу нам бегут Кристиночка и Беллочка.

Радостные, что всё обошлось благополучно, расходимся по домам.
Но на следующий день, как только я позвонила, Таня выложила мне сразу, за что нас кружило в одном квадрате и какой вывод должны сделать.
Я согласилась без всяких смешков.
...Я купила себе зимние брюки: хорошего качества ткань, мой размер, но они мне длинноваты.
Поделилась с Таней, она меня успокоила, мол это не беда, и она быстро мне их подошьёт, и всё будет в порядке.
Как только она приезжала в Тольятти, сразу напоминала мне о брюках: приноси, мол, быстро сделаем. Я каждый раз соглашалась, принесу, ещё к зиме успею.
И вот последний приезд, Татьяна настояла, чтобы я принесла брюки. Я ей посоветовала, не мудрствуя лукаво, отрезать кусок, а оставшееся прострочить и всё, считала я.
Но не Таня. Она доверила мне варить куриный суп с клёцками, а сама занялась брюками. Распорола, заставила меня померить и всё тщательно сделала.
Я ношу эти брюки почти всё время. Одевая их, с удовольствием вспоминаю Татьяну и шлю ей свою благодарность...

ТАНЯ В ШКОЛЕ БЫЛА НА ВИДУ

Людмила Потапова



Прошло уже несколько месяцев, но до сих пор не верится, что нет с нами нашей подруги Тани. Таню я знала с самого детства, так как мы жили на одной улице и учились в одной школе, только в параллельных классах. В седьмом несколько учеников перевели в наш класс «А», в том числе Таню Мазанову и Валю Клементьеву.

Я тогда дружила с Людой Кищук, вскоре мы вчетвером сколотили дружную компанию: «Не разлей вода».

Танюша в школе всегда была на виду, выделялась своей общительностью и непревзойдённым мастерством в издании нашей школьной газеты.

Однажды на уроке она нарисовала меня в профиль, долгие годы это был предмет моей гордости, этот рисунок до сих пор хранится у меня.

Нас с Татьяной связывало многое, но более всего - любовь к книге.

Ей давала читать её тётя Тася, регулярно бравшая книги (в основном зарубежных авторов) в библиотеке. Таня же обязательно после прочтения передавала книгу мне.



Благодаря Тане я очень много читала, причём очень хорошую литературу. У Танюши была удивительная память: она всегда помнила точное название произведения, автора. А уж о содержании и говорить не приходится: всегда могла к месту произнести цитату, обсудить, поспорить...

Мы всей компанией часто ходили на концерты в филармонию, даже и после школы, когда у каждого появилась своя жизненная дорога.

У кого-то появлялись новые подруги, но от этого компания только увеличивалась. Когда у Тани появилась подруга по техникуму, Кулькова-Наташа, она присоединилась к нам, затем Волосникова - и опять мы все вместе.

В общем, Таня была нашим связующим звеном. Она умела дружить...

Даже когда у нас появились семьи, мы находили время встречаться. А с Татьяной мы виделись особенно часто, так как нам повезло: и в зрелом возрасте мы жили недалеко друг от друга.

Часто перезванивались, Танюша всегда могла дать дельный совет, в чём-то убедить, успокоить, когда тебе плохо...

А вот плохо она никогда ни о ком не отзывалась...

У неё был прекрасный характер, она никогда ни на что не жаловалась.

Уже летом, когда была тяжело больна, ни разу при встречах и словом не обмолвилась о своём недуге. Я и помыслить не могла, как тяжело она болела, Мы с ней даже шутили...

Теперь, когда нет с нами Тани, мне так её не хватает...

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ПРИХОДИТ, УЛЫБАЕТСЯ С ПОРОГА

Валентина Стрелкина



...Как-то мы решили на работе отметить праздник. Ну, как водится, сели за стол, поели, попили, пошли разговоры. Вот тут-то мы и почувствовали: маловато будет, и решили «послать гонца». В магазин согласилась пойти одна Танюша. Приходит и улыбается с порога:

- До чего же удобная сумка оказалась, аккуратно на две банки вина!

Шла через проходную, так никто ухом не повёл, никто ничего не заподозрил!

Уж как нам хорошо после этой эскапады сиделось!

...Или, к примеру, вот: неожиданно нам выделили участки под посадку картофеля. Все участки расхватали - ты что, это ж сплошная экономия, не с рынка покупать! Мы с Татьяной

оказались рядом. Долго ли - коротко ли, но пришло время картошку копать.

Приезжаем с мужем, а на Татьянином участке трудятся мужики работники вязальского цеха! Ну я им прямо в лоб:

- Вы что же творите? Это участок нашего художника Татьяны Мазановой!

А они уже-пол участка вскопали, отёрли трудовой пот и говорят:

- Вот и мы думаем, что за чертовщина такая:

сажали мелкую картошку, а копаем крупную, отборную!

Тут и сама вязальщица подкатила:

- Да что ж вы творите, ни на секунду одних оставить нельзя!

А я смотрю на дорогу и думаю: «Не торопись, не торопись, Танюшка, выпей кофейку, глядишь без тебя твою картошечку и вскопают!»

Тут вижу: плывёт моя Татьяна в окружении Саши и Миши. Я сразу и говорю:

- Поздновато приехали! Вашу картошку уже выкопали!

А она стоит такая большая, растерянная и ничего не понимает.

Ну я сжалась, всё ей объяснила, и пришлось им докапывать свой огород, да ещё и участок вязальщицы. Тут дождь грянул, Саша и говорит:

- Иди, спроси у своей вязальщицы, туды её в качель, может, мы не так копаем?

Мы с мужем смеялись до упаду...

...У меня с Танюшей связано много хорошего и в жизни, и по работе. От неё всегда шло такое тепло и доброта... и я могла с ней молча сидеть, не нужно было говорить... она была словно лучик солнца...

А сейчас закатилось наше солнышко и остались только добрые воспоминания...

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛУЧИЛИСЬ НЕ СЛИШКОМ ВЕСЁЛЫЕ...

Наталья Фёдорова



Недавно, убирая в «стенке», я наткнулась на программку концерта Игоря Бутмана. Мы с Таней любили джаз, а в юности и вообще не пропускали ни одного джазового фестиваля.

Нахлынули воспоминания.

...Таня, как всегда, опаздывала. Я, как всегда, нервничала. Наконец она пришла, вся какая-то серая, уставшая, сказала, что устала от стирки. В антракте говорили как никогда мало, но предчувствия беды не было: была какая-то грусть, усталость...

Таня подарила мне серьги, сказав, что на мой неотмеченный юбилей. Но сейчас мне кажется, что она хотела оставить память о себе.

После концерта нас встретил мой муж. Вечер был очень хорош, пахло весной, и мы решили немного пройтись. Таня и мой муж Володя родились в одном дворе на «Обороне», знали друг друга с детства и, встречаясь, всегда погружались в воспоминания.

Итак, мы шли и шли от одной остановки до другой по весеннему городу и даже и не думали садиться на транспорт...

Это было почти за полгода до Таниного ухода.

...А Бутман опять приехал в наш город...

Мои воспоминания получились не слишком весёлые.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

ПАМЯТЬ О ХОРОШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Людмила Хохлович



Как быстротечна жизнь - и вот уже нет моей самой близкой, самой дорогой, самой давней подруги Танечки Мазановой. Память о ней сохранится в моем сердце навсегда. Она помогала мне при жизни своим оптимизмом, жизнелюбием, своими тонкими советами, после долгих наших бесед всегда оставалось теплое, светлое чувство любви, прощения обид, которые становились такими мелкими, хотелось жить как будто заново.

Как сейчас, стоит в моих глазах ее облик, ее медленная ставящая все на свои места речь. Не помню, чтобы она едко осуждала кого-то, она могла осуждать поступки, но в ней всегда были вера в лучшие качества любого человека, даже если он того и не заслуживал. Не помню злобы в ее словах,

обида бывала и то довольно редко и недолго. И вообще основными темами наших бесед (конечно, после решения наших «неразрешимых» жизненных проблем) были книги, театр, артисты, кинофильмы и т.п.

Круг интересов Тани Мазановой был исключительно широк, она была в курсе всех последних литературных новинок, благодаря ей мы открыли для себя Улицкую, прозу Окуджавы, Губермана и многое другое, да и просто читали более или менее регулярно уже не «от нее», а благодаря ей. У нее был ироничный склад ума, поэтому ее всегда было очень интересно слушать, она обладала тонким чувством юмора, кстати, поэтому мы с мужем (он большой любитель) узнавали и все последние анекдоты. Что странно, я терпеть не могу анекдотов, они всегда казались мне пошлыми и примитивными, но слушая их от нее, я хохотала до слез. Вечера с ней пролетали незаметно и оставались в памяти надолго. Я всегда ждала наших, к сожалению, с возрастом все более редких встреч, но даже телефонные разговоры (это, конечно, было часто и подолгу) были как глоток чистой воды.

Вспоминаю, как раньше, когда еще позволяло здоровье, за рюмкой хорошего вина мы могли просидеть целый вечер, и иногда даже мой муж забывал эту рюмку выпить. Так много можно вспомнить (и вспоминаю!) связанного с милой, дорогой нашей Танечкой, помню еще наши молодые годы, наши поездки по Волге и за Волгу с нашими прежними друзьями, некоторых из них тоже уже нет.

Почему-то я чаще вспоминаю тебя. Таня, именно молодой, полной сил, в окружении нашей тоже тогда молодой, полной планов и энергии, компании. И хотя сейчас нет тебя с нами, ты часто помогаешь мне почти как раньше, когда вдруг, как очнувшись, отрываюсь от повседневной сиюминутной текучки, тогда приходишь ты, и наши прежние годы, и наши разговоры...

Всего не напишешь и даже не вспомнишь, но память о Танечке Мазановой, как о моей самой близкой подруге и как просто о хорошем, редком человеке, будет жить во мне всегда.

АЗАРТНАЯ, ОДЕРЖИМЫЙ И ОГОЛТЕЛАЯ...

Семья Часовских



В последние годы Танюша часто приезжала летом погостить к нам на дачный участок в Кинельский район.

Где, надо сказать, мы все пристрастились к сбору грибов.

Ездили мы как правило в Бузулукский бор, третьим грибником была сестра супруги, учительница из Кинеля - Галина Васильевна.

Создался коллектив грибников, названный Татьяной ОАО. Она же и проименовала каждого участника: себя она называла «Азартная», меня - «Одержимый», а Галину - «Оголтелая».

Каждая поездка была праздником! Всего полтора часа езды - и мы в великолепном лесу с изумительными соснами, волнующими запахами и ароматами...

Помню Танин восторг от первой поездки.

День был удачный, грибной, и она впервые в жизни набрала два ведра боровиков. На участке, как рачительная хозяйка, она принялась их сушить. Но каково было её удивление, когда мы сказали, что в сушёном виде их будет не более двух горстей.

Таня не поверила, но день за днём грибов становилось всё меньше и меньше, пока они действительно не усохли до предсказанного количества.

Следующая поездка увенчалась для Татьяны аж пятью ведрами боровиков, после чего она гордо заявила, что теперь у нее на пять горстей сушёных.

...Так мы с тех пор и считали грибы «горстями».

В прошлом году Татьяна приехала погостить в двадцатых числах июня. Идя навстречу её настойчивым пожеланиям, мы отправились в очередную поездку в это абсолютно не грибное время. Мы были убеждены в полной бессмысленности и бесперспективности поездки. И действительно, ничего не предвещало удачи. В лесу жарища, дикая сушь... по просьбе женщин я всё же остановил машину... и каково же было наше удивление, когда из леса появилась Таня с огромным свежим боровиком! Откуда появился энтузиазм и твёрдая уверенность, что в лесу гриб есть?!

Мы немедленно поехали на заветное местечко и попали в настоящее царство боровиков...

Обратно ехали с полными корзинами, оживлённо обсуждая все перипетии сбора и приходя к неоспоримой уверенности, что Танюша стала нашим талисманом и что без неё мы теперь ездить не будем...

Но ни в июле, ни в августе, ни в сентябре за грибами мы уже не поехали.

...И никогда втроём туда уже не поедём.

ПИСЬМО ПОДРУГЕ...

Наталья Чеснокова



Дорогая моя Танечка! За сорок лет нашей дружбы я ни разу не писала тебе писем, так как ты всегда была рядом, и это моё первое письмо тебе.

За эти годы мы стали близкими, родными людьми и даже кумами.

Пусть это будет письмо воспоминаний.

Помню, когда только подружились, во время учёбы пошли к тебе домой в гости, ты стала показывать свои обновки.

- Да, - сказала я, - если бы у меня были такие, я бы и

не заикалась.

- А я вот заикаюсь, - ответила ты.

А как мы однажды в жаркий день сорвались с занятий на Волгу. Сидели на бережочке, ты в купальнике, а я в платье, так как купальника у меня при себе не было.

- Да ладно, - говорила ты, - раздевайся, никого же нет.

А я не могла решиться.

- Давай поделим мой: тебе «верхушку», а мне «низушку», - предложила ты.

И мужественно отдала мне свою «верхушку», где-то 4-ого размера на мой, где-то между 1-ым и 2-ым, а себе красиво привязала косыночку бантиком.

Так мы и загорали, ты с бантом на груди и я, вполне прилично прикрытая.

А как мы с тобой, уже вместе работая в лаборатории, ездили в командировки!

Однажды в Москве решили не расставаться и остановились у Сашиного брата.

Пришли к ним днём, когда дома никого не было. Времени до начала семинара оставалось едва бросить вещи и бежать. А нам приспичило покурить. Чтобы не пропах дом, встали на табуретки у открытой форточки и быстро - быстро подымили, и так же быстро -быстро спрыгнули с табуреток, но почему-то на полу оказался большущий чайник с водой, который мы благополучно и опрокинули....

Пришлось вымыть на кухне пол, да и прихожую заодно. В результате на семинар мы опоздали.

Но нам было весело.

...Мы ходили по магазинам и купили всякой мелочи. А потом, сидя в вагоне метро, зачем-то начали всё это хозяйство перебирать, раскладывать на коленях...

Вдруг слышим: объявляют нашу станцию. Немая сцена: мы медленно отвлекаемся от созерцания своих покупок, медленно смотрим друг на друга, встречаемся глазами... Быстро вскакиваем, подняв подошвы с содержимым и устремляемся к выходу. Так же быстро сталкиваемся и рассыпаем всё на пол. Быстро ползём по вагону между ног пассажиров, собирая вещи. И уже буквально мгновенно выскакиваем, но уже на следующей остановке.

А потом долго хохочем, сидя на лавочке у метро.

А как мы замечательно сходили однажды в театр, где во время антракта решили выпить по бокалу шампанского. Когда подошла наша очередь, то, естественно, прозвенел звонок, и буфетчица сказала, что открытых бутылок, как и времени, уже нет, и она может нам продать только закрытую. Отступать мы не привыкли и взяли то, что дают. За оставшиеся мгновения мы с необыкновенно скоростью осушили её всю. Пузыри били из нас фонтаном...

Вес второй акт мы находились в приподнятом настроении и скромно хихикали,

когда сидящие рядом с нами тётки неодобрительно поглядывали на нас и печально шмыгали носами по ходу действия.

А наша незабываемая поездка к морю! Жили в Гаграх в дружной Армянской семье. Все мыслимые и немыслимые места в доме были заняты отдыхающими. Мы с мужем и дочерью обитали в отдельной комнате, а через стену ты - в комнате на двоих - одна. Сами же хозяева с маленьким сыном ютились в двух смежных помещениях, куда стащили всё, имевшее хоть какую-то ценность, со всего дома: ковры, мебель, посуду, технику, и куда хода не было никому.

Но вот хозяйка не утерпела и привела пару молодожёнов, которых, в общем-то, селить было некуда. И уговорила тебя перейти в их запретную половину. Тебе предоставили 2-х спальную кровать, которую ты делила с их маленьким сыночком. Сколько было смеха, когда, возвращаясь поздно вечером с прогулок, мы заталкивали тебя через окно в спальню к малышу, чтобы не красться через смежную комнату хозяев! И как в шутку называли тебя второй женой Ашотика, который оказал тебе высокое доверие, запустив в святая - святых...

Помнится мне ещё, как мы жили у меня в деревне. Купались, собирали грибы и травы, вечерами пубовались звёздами, говорили обо всём на свете, мечтали и даже когда ложились спать, всё шептались, шептались до глубокой ночи.

За водой ходили к колонке в конце улицы. Вот как-то набрали воды по два ведра каждая, но не успели сделать пи нескольких шагов, как откуда ни возьмись - стадо коров (их пастух на обед гнал). Да с быками, да почему-то бегом... мы и ведра-то побросали, и сами-то по забору размазались, стоим - не дышим. Стадо вокруг мечется, бык землю копытом роет, а мы безмолвные стоим...

Как только пастух всю эту вакханалию матюгами в загон загнал, мы домой рванули. Но едва перевели дух, плюхнулись на лавочку и смеялись до упаду, аж скулы сводило. Но за водой опять пошли, ведра в травке поискали, а пастуху Петровичу кулаком потрясли!

А в другой раз, помнится, и поплакали. Все вечера замирали у телевизора, следив за утонувшим «Курском». Как переживали, надеялись, как были растеряны, когда слышали, что спасти больше некого. Долго сидели, негодовали, обсуждали и жалели, жалели, жалели погибших моряков...

Как много ещё весёлых и грустных событий, историй, связанных с тобой, я могла бы сейчас описать!

Я знаю тебя всякой: и весёлой, и строгой, и доброй, и щедрой, и озабоченной, и заботливой...

Ты была рядом, когда я болела, шла со мной к своей сестре и просила помочь мне, ты искала среди знакомых врача для моей внучки и просила за неё, и её вылечили...

Ты смогла многое. Получается, что всю мою сознательную жизнь ты была всегда рядом - и в радости, и в печали. Я могла рассказать тебе о всех проблемах и знала, что ты меня всегда поймёшь. Совет, поддержку и сочувствие, сопереживание, сорадость - всё это я могла получить от тебя.

Боже, как тебя хватало на всех!

Ты лучший друг в моей жизни и лучше уже не будет никогда.

Я люблю тебя и буду любить до самого конца.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

«ГЛАВНОЕ - ПАМЯТЬ, КОТОРАЯ ОСТАЁТСЯ...»

Мария Чубенко



Я познакомилась с Таней на дне рождения моей свояченицы Наташи (так вроде бы называется сестра жены моего брата). Я в этой компании была впервые, и все приглашённые мне были незнакомы. День прошёл в обычном для дня рождения порядке: попили, поели, потом пошли гулять в лес, так как он был рядом. День чудесный - май, весна...

А когда поехали домой, то оказалось, что живём рядом, в одном квартале друг от друга. Уже в автобусе, когда растворилась шумная компания, у нас с Таней пошёл разговор, общение на какой-то особой волне, как будто мы с ней давно знакомы...

Так завязалось наше знакомство, длившееся, наверное, лет 25.

Мне думается, мы не были подругами по большому счёту: подруга, в моём понимании, это всё равно, что часть тебя. Да и такое ведь бывает крайне редко... Но общались мы с ней всегда душевно, как говорится, от сердца к сердцу. Мы всегда были рады и встрече на улице, и телефонному разговору, и, конечно же, встречам за праздничным застольем. Рады потому, что в голосе Тани всегда звучал смех, радость встречи. С ней всегда было о чём поговорить, даже о сокровенном, разговорам нашим не было конца. И именно сам голос, особенно в телефонной трубке, звучал как-то по особенному, интонация говорила: «Я рада тебя слышать (видеть), всё в жизни будет хорошо, я тебя послушаю, я тебе посочувствую...»

Я думаю, что друг - это совсем не обязательно советчик (таких больше), а вот выслушать, поддержать, даже если в чем-то я не права (ведь это уже для исповеди не важно). Главное быть услышанным, получить какую-то поддержку, оправдание своего поступка, проще говоря, утешиться. С Таней было всегда так... И теперь я уже никогда не услышу этот радостный голос. После потери родных это моя самая чувствительная потеря, которую даже представить себе было невозможно в ближайшем будущем.

Саша, ты просишь вспомнить о каком-то конкретном событии... Да вся жизнь конкретное событие, а самое «конкретное» мы ждём впереди всегда, не думая о конечном событии.

Главное - память, которая остаётся, и пока она жива, Таня есть и будет со мной.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

НАМ ПРОСТО БЫЛО НЕОБХОДИМО ПООБЩАТЬСЯ...

Клементьева



Для того, чтобы начать мои воспоминания о Тане, нужно вспомнить 1954 год.

1 сентября, нам почти по 8 лет, школа №11 на Хлебной площади (теперь в её помещении находится Педучилище). У Тани в косичках огромные белые банты. Я издали замечаю эту необычную, высокую девочку.

Мы проучились с ней до 8 класса, особенно сдружились в 13 - 14 лет. Вместе бегали на секцию баскетбола. Всем нам очень нравились ее газеты, редактором и художником которых она была. Это

были не газеты, а праздник на стене! И я всегда ревниво оглядывала их взглядом: не повредил ли кто...

Нередко я досадовала на неё за то, что учителя торопили со сроком сдачи газеты, а она как будто и не торопилась. А потом вдруг раз... и вроде бы ей это ничего и не стоило!

Вообще я Таню всегда воспринимала как взрослую, хотя и очень рассеянную девочку. Каждый выпуск её газеты приятно удивлял тем, что в колонке с юмором она всегда изображала одноклассников, то слегка издеваясь, то шутливо, но всегда интересно и не обидно.

...Но вот и кончилась для нас школьная жизнь: Таня пошла в швейный техникум, а я в педучилище. Встречались редко. Думали, что это уже взрослая жизнь: ушли ведь из нашей компании только мы с Таней. Кищук, Потапова пошли в 9-тый и дальше в институт. Но, не выясняя отношений и не вдаваясь в сантименты, мы уже тогда знали, что нужны друг другу, что нам не нужно делиться «за жизнь» или «грузиться» разными проблемами, а просто необходимо пообщаться, побыть около...

Вот и закончили, и получили специальность. Она - художник - модельер, я - учитель начальных классов. Она уехала по распределению, меня же угораздило выйти замуж... Опять разошлись наши пути - дороженьки.

Встретились через много лет: она замужем за Сашей, я - вторично замужняя и уже с сыном. Остальные члены нашей компании то же не зевали: Кищук вышла замуж, а Потапова по распределению работала в Оренбурге.

... И вот встреча через много лет... На Партизанской, в однокомнатной квартире я увидела Таню женой и хозяйкой. Очень боялась, что что-то утратится в нашей дружбе при встрече с Сашей, Таниным мужем, но Слава Богу, всё обошлось: мы снова были вместе и нам было здорово. Жизнь нас не изменила.

... Шли годы, появился Миша. Встречались эпизодически: «Привет, как дела? Как мама?» и бытовуха, бытовуха, бытовуха....

И вдруг как гром среди ясного неба: умерла тётя Аня, Танина мама. Съехались все (Кищук, Потапова, я). Таня грустит, вокруг много новых друзей: Ульяновы, Наташа Фёдорова, Волосниковы, Кулькова, Марик Левянт с Олей. Все милые и хорошие люди, почувствовала с ними какое-то родство. Славно, что в такую тяжёлую минуту она не одна, а в окружении таких хороших людей, значит жизнь продолжается!

...Таня с Сашей живут на Ново - Садовой в 3-х комнатной квартире. Я работаю рядом с её домом в «Аэрофлоте». Стали чаще видаться, и каждая встреча

обязательно что-то новое: то подсунет Луизу Хей, видя, что я хандрю, то откроет для меня Александра Свияша....

Болтаем на разные темы, делимся прочитанным.

Неожиданно оказывается, что обе любим петь. Надо сказать, что раньше никогда не пели! Но вот однажды, опять же уловив моё нулевое настроение, Таня предложила встретиться дома у Наташи Волосниковой. И тут неожиданно выясняется, что мы с ней обе любим романсы! Таня затянула песню Боярского «Листья жгут», Наташа подыграла на фоно... класс! Все в полном восторге. Договариваемся о следующей встрече. Но... так и не получилось.

Однажды позвонила Таня и позвала на какую-то лекцию по здоровью. Какой-то московский лектор, занятие платное, зима... Но я иду с ней, зная, что уж она плохого не посоветует. Вот так мы начали заботиться о своём здоровье. Но ни разу она не рассказала мне, что её тревожило и настораживало, она всегда оптимистично смотрела в будущее и не привыкла «грузить» нас, своих друзей. И вот уже передо мной Таня, но как бы и не она:

- Чего это у тебя, Алёхина, такая кислая мина? Я ещё поправлюсь... может быть...

В этот день её причащал батюшка. А 25 сентября не стало моей Тани. И стало много, много тишины. Она давит, от неё задыхаюсь, Но... нужно жить.

До свидания, Таня.

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

СВЕТЛУЮ ПАМЯТЬ О ТАТЬЯНЕ СОХРАНЮ, ПОКА ЖИВУ...

Станислав Панин



При имени «Татьяна» в памяти проявляется бытовая картина, пропитанная житейским очарованием, свойственным любящим жёнам: накрытый праздничный стол, хранящий дразнящий запах тёплых пирогов, красная рыбка особого посола, закусь, сдобренные кулинарными изысками, переливающиеся различными цветами графинчики с настойками и что-то ещё, и что-то ещё... Слышится низкого тембра голос: «Пробуйте, закусывайте, кушайте, не стесняйтесь выпить! На здоровье! На здоровье!» Светлую память о Татьяне сохраню. Пока живу.

Stas Panin

СЛОВО О ДРУГЕ

Станислав Петрович Панин был моим самым близким другом все пенсионные годы. С Татьяной они преисполнились симпатией, можно сказать, с первого взгляда. Поэтому он быстро отозвался на моё предложение написать о ней пару слов. Но передал мне совсем не то, чем она ему в самом деле запомнилась и о чём собирался написать. Когда я поинтересовался - почему, он ответил. «Некоторые неправильно поймут».

Я решил привести его устный рассказ о Танюшином поступке, который оставил в его памяти самые светлые чувства о её человеческих качествах. И пусть каждый воспримет рассказ в меру своего понимания о добре и ханжестве.

Этот случай произошёл несколько лет тому назад. Станислав тогда только что выписался из больницы. И предупредил меня: «Если даже я попрошу займы - не давай».

Но в то утро ему видимо было особенно нехорошо на душе и сердце.

Он позвонил и спросил, не найдётся ли у меня в доме чего-нибудь, чтобы поправить здоровье. Я сказал «нет» и Станислав, недовольно крикнув, положил трубку.

Оказалось, что Танюша поняла суть нашего телефонного разговора:

Ладно тебе. Надо помочь твоему другу. У нас же есть в холодильнике «то, что надо». Отнеси Станиславу.

А вдруг с ним чего-нибудь случится? - возразил я.

Ладно тебе. С одной рюмки ничего плохого не будет, а Станиславу поможет прийти в норму.

Она снабдила меня «кое-чем». Я позвонил и сказал:

- Танюша посылает меня к тебе с «добрым приветом».

Танюша велела - одну рюмку, - сказал я, ставя на его кухонный стол «кое-что».- Остальное - как-нибудь потом.

Передай ей - пью за её здоровье, - сказал поправившийся Станислав, - Танюша твоя - добрая душа.

Я побыл с ним, пока не убедился, что его жизнь, благодаря Танюшиной рюмке, вне опасности.

«Спасительной рюмки» для Танюши - ни у кого не нашлось....

А на днях, не дотянув до годовщины Танюши всего ничего, Станислав Петрович перешёл с «зурабовской» пенсии на Божескую. По рассказам близких - самым эксклюзивным путём.

Пусть, в безвозвратном сне, душа Станислава повстречает Танюшину: им будет, что вспомнить.

А мы, живущие, всё поймём правильно.

Александр Рудой

ХОЧЕШЬ РАССМЕШИТЬ ГОСПОДА БОГА. РАССКАЖИ ЕМУ О СВОИХ ПЛАНАХ

Марина Александрович



Случилась трагедия, которая потрясла нас всех. Ушла из жизни наша Татьяна, замечательная жена, мама, подруга, наставница.

Познакомились мы с Татьяной через спонсора компании «Инфинум» Винтовкину Раису Ивановну (г. Тольятти). При первой встрече у меня возникло чувство, что мы знакомы много лет. Она была интересной собеседницей, умела слушать, а главное, слышать человека. Могла вовремя дать совет, успокоить, помочь принять правильное решение.

«Хочешь рассмешить Господа Бога, расскажи ему о своих планах», - говаривала Танюша, когда я ей с досадой рассказывала о каком-то не случившемся деле.

А как мне нравилось бывать у неё в гостях! Было тепло, уютно, легко...

И её уроки по ведению домашнего хозяйства...

Светлая память о Татьяне будет вечно жить в моём сердце.

Пусть земля ей будет пухом!

ПОМНИМ, СКОРБИМ...

АЛЕКСАНДР РУДОЙ

ТОНКОЕ СВЕЧЕНИЕ...

Бронислава совершенно случайно услышала по радио, что аквариумные рыбки, эти красавицы- крохотульки, кончают жизнь самоубийством. «Если им не хватает жизненного пространства» - подтвердила продавщица зоомагазина, подруга Фаина. «Это как понять»? - поинтересовалась Броня. «Когда чувствуют, что им не хватает жизненного пространства и что они - в тягость окружающим: родным и близким, - смешком объяснила Фаина, - как люди».

Бро субъективным женским мышлением попробовала представить себя на месте суицидной рыбки. Ну нет, Броня - то уж вряд ли кому в тягость. И ей тем более никто не мешает, не запрещает. Она вроде перемещается, куда хочет, с кем хочет и когда хочет. Правда, она ничего лишнего себе не позволяет. Да лишнее уже - не в радость. Возраст.

Год тому назад муж Юрий Иванович подарил её аквариум и Бро купила в Зоомагазине восемь крошечных рыбок, «неонов», обычных, красных, чёрных и голубых - каждого цвета по паре. Но одна, голубой неон, сразу всплыла вверх брюшком, а вторая, как уверяла Фаина, - «неонша», тьфу-тьфу, адаптировалась. И плавали все неоны дружной стайкой. Накормлены - не перекормлены, вода чистая, подголублённая. И от всех рыбок исходило различное свечение: изумрудное, красное, золотистое, голубое, особенно по утрам, когда Бро включала подсветку и рыбки готовились к завтраку. А нежнее всех светилась одинокая голубая «неонша».

Узнав про «рыбий суицид», Бро лишний раз почистила аквариум, купила новую толстую книгу «Аквариумные рыбки», по книжной формуле разделила ёмкость восьмигранного аквариума, на объём, необходимый каждой рыбке для плавания, и получилось - серединка на половинку - одна рыбка вроде как лишняя, а без неё, вроде как -лишнее пространство. Но рыбки со дня покупки уже притёрлись дружка к дружке - не разлучать же. Пусть радуют глаз, а она будет почаще менять воду, уберёт лишний песок, будет лучше промывать корм, да в конце концов, будет каждый день покупать свежих «трубочников», помельче их нарезать, подсыпать в воду витамины, установит на термостате самую оптимальную температуру для нео-нов, короче, создаст им условия жизни как в пятизвёздочном отеле со шведским столом: ешь, пей - не хочу. Угадал муж с подарком: ох, угадал: хоть рыбки и безответные существа, а всё дома - не одна: пусть не греют, но светят. Эх, а ведь она совсем забыла: надо бы позвонить в Москву, справиться у лучшей подруги «смазливой» Майки, насчёт путёвок. Сама наобещала, и чего-то не звонит. Ладно, чего надоедать? Будут путёвки - сама позвонит. Место для отдыха уж больно хвалёное - перехваленное. Хоть ещё разок, на склоне лет, слетать с Юрием Ивановичем на это «Каменное море»: поплавать, позагорать, пока не стыдно показаться на пляже в «бикини». Майка вон, молодец, следит за собой, из «морей» не вылезает. В общем, Бро и не загорелась бы, да мужу врачи уж больно рекомендовали : «аллергию с астматическим синдромом смыть».

- Юрий Иванович, - крикнула она из кухни.

Никто не ответил. Спит что ли? Она осторожно приоткрыла дверь кабинета. Нет, Юрий Иванович сидел за столом, обложенный со всех сторон разными книгами. После этой, как муж выразился, «успешной предзащиты докторской», он вернулся какой-то, вроде такой же самый, но наполненный новой, как он само себе сказал, содержательной мудростью, хотя куда уж ему «мудреть»? Остаётся только, как подтрунивала Майка, после «докторской» защитить «академическую», которой не

бывает.

Бро на цыпочках прошла к креслу, глянула через плечо мужа и беззвучно зашептала название нераскрытых толстенных книг. «Дивергенция и конвергенция биологических видов», «Пограничные аспекты искусственного отбора», «Реологические течения в гидробионике». Особенно ей понравилось название «Вибро-кипящие слои головного мозга». Это точно: в голове сроду всё кипит и вибрирует. Как Юрий Иванович живёт с такими мозгами?! Как тут не стараться ей быть глупее, чем есть, хотя, куда уж? Ей захотелось просто чуть прислониться щекой к переваривающей всё это голове Юрия Ивановича. Так, на всякий случай. А вдруг наберётся ума. А Юрий Иванович, видно от неожиданности уронил с носа очки, подпрыгнул и напугал её криком через прикушенный мундштук с потухшей папирсой.

- Пошла на фуй, вша грёбаная!

Её так рассмешили слова: «на фуй» и «вша», что она прижала руки к груди и повалилась на диван. Ведь знала: у Юрия Ивановича от одного вида её сметанной кожи тут же случается гормональный взрыв, но хотелось напомнить о себе, а то неделю как не вспоминал. Слава Богу, годы его не берут: тьфу - тьфу, чтобы не сглазить. А её? Вроде ничего особенно не сморщилось, во всяком случае для Юрия Ивановича: всё самое то, как и раньше.

Юрий Иванович, всматриваясь в её засветившиеся глаза, вдруг поведал Бро сокровенное.

Вот создал господь Бог человека, а необходимыми степенями свободы не обеспечил. Удерживаешь детородную энергию выше пояса - физиология давит, тебе плохо, но ты творишь и мысль работает; позволишь энергии опуститься ниже пояса, - тебе хорошо, но творчество - на нуле, мысль отключается и вектор направлен только на создание себе подобных.

А когда тебе лучше?- осторожно, чтобы не спугнуть разговор, спросила Броня. Вот сейчас, когда ты улыбаешься кошачьей улыбкой, - напряг ноздри Юрий Иванович. -Глядишь мысль и подхлестнётся. А то никак простой алгоритм не выхренивается.

Бро деревенской сметанкой растеклась по дивану и предвкушающе зажмурилась.

Юрий Иванович вспыхнул как фейерверк и тут же вернулся в своё учёное «я».

У неё самой вот так, как сейчас, редко получалось: даже язык развязался.

- А раньше я мелко плавала.

Бро даже углядела изумление в глазах Юрия Ивановича. Они улыбнулись. Но главным она всегда считала, чтобы, как он сам иронизировал, «муж - объелся Брюш».

Бро нравились её, придуманные им, прозвища: «Брюша», «Броша», «Брюшка», «Брошка», «Бро». Он всем: и сотрудникам, и её подругам надавал прозвища: например, ректору -Буратинос, Майке - помесь украинца с еврейкой - «Укрейка», Фаине - «Клоунеска», Людочке - «Дочка Лю» и даже Еву, Евку - прозвал Цевкой. А себе взял прозвище «Белый аист», хотя всё подруги, с легкого язычка Майки, называли его «Шеф». Эти прозвища приживались как татуировки. А всё потому, что Юрий Иванович не сомневался в своих выдающихся способностях «по творческой части».

А она? Она теперь будет купаться в чувствах и мечтах, это куда более долгое блаженство: мужьям не дано.

А тебе чего-то надо было или так? - посуровел Юрий Иванович.

Так, зашла спросить, - блеснула глазом Бро, - ты сейчас будешь есть или немного погодя?

-Только не сейчас, - замахал руками Юраша.

- Тогда я сбегаю в один магазин и вернусь.

Хорошо?

- Лучше - в два магазина. У меня тут будет один деловой звонок.

Муж красиво прищурился на настенные часы.

Бро, не попадая петлями на пуговицы блузы, вышла из кабинета. Подумалось: «Что - за деловой звонок»? И тут же ответилось: «Наверное из Москвы: из ВАКа. Сообщат, что наконец утвердили. Юрий Иванович узнает и будет молчать как рыба, пока она не спросит. А она не спросит. Зачем, если сам не говорит. Вот она ведь до сих пор не знает, защитился он в Москве или так ездил по своим учёным делам?

Но уж когда-нибудь она поинтересуется, так, между делом: «Ну, чего там слышно, в высших сферах?» А он скорчит хмуро-хитрую гримасу и вытаращится: «А ты, Бро, вообще-то, представляешь, с кем ты разговариваешь»? «С кем, с кем? С тобой». «А с кем - со мной»? «С мужем». «А ещё - с кем»? «С заведующим кафедрой». «А ещё»? «С профессором». «А ещё»? «С лауреатом Государственной премии». «А ещё? Ещё?». «С - без пяти минут доктором наук». И он рассмеётся: «В жизни не угадаешь. Сдаёшься»? «Сдаюсь», - кивнёт она. И тогда он встанет в позу «Ленина на броневике» и прокартавит: «Не - с без пяти минут, а уже пять минут как - с полноковным доктором наук, Бгочечка, с доктогом физико-биологических наук, догогуша». И таких докторов на весь наш город только полтора». Она бросится ему на шею. «Кто же эта половинка»? А он вывернется и скажет: «Половинка - это я, Брюшечка. А настоящий доктор, вернее, докторша, - выделяет кормой восьмёрки в Академии наук. «Ты кого имеешь в виду? Майку»? - придуряльчески спросит она. «Её самую, твою Укрейку, доктора наук, Майю Опанасьевну», - ответит Юрий Иванович и вздохнёт.

Да, уж кто-кто, а Укрейка - стоит того, чтобы Юрий Иванович, говоря её язычком, уважал свою ученицу и как «сильное человеческое начало», и как «мощное учёное начало», и - как «женское своеобразное (придумал же словечко!) кончалю». И даже, на худой конец, пусть бы он поимел с ней дежурную связь, а, может, уже поимел, хотя Майка не такая предательница. А какая? Сколько Юрий Иванович «примерил на себя» всяких «Маек» и ещё примерит, этих умненьких, разумненьких, тщес-лавненьких, остепенённеньких. Но ведь менял, да не разменялся: Юрий Иванович - с ней, со своей Брюшей, носящей это эксклюзивное прозвище со времён её беременности сыном, Юрием Большим, давно уже Юрием Юрьевичем. Это сколько же времени они женаты? Боже! Да, уже Юрий Большой «вторичды» в гражданском браке! И пусть его теперешняя «женулечка» - её лучшая подруга многожняя Евка годится сыну в матери, всё лучше, чем он шмонялся бы по всяким «прости господи». Живут же - значит, им хорошо: во всяком случае, Евке.

Так ты идёшь или нет? - крикнул из кабинета Юрий Иванович.

А как же? Уже бегу. А то скоро магазин закроют.

Она быстро переоделась и крикнула уже из прихожей: «Мне захлопнуть дверь или сам запрёшься»?

«Захлопни».

Параллельный телефон - её идея, чтобы «не висеть на проводе» в его кабинете.

Ну его этот радиотелефон - не в Москве живут -сколько раз он отключался вместе со светом, а сколько потом занудства от звонивших подруг: «Это ты, что ли, Бро, бросила трубку или нас подслушивают»?

Она зареклась подслушивать мужнины разговоры, а то можно доподслушиваться, как Майкина «первая скрипка». Засек её «телефонный интим» с Былдом. (бывшим лучшим другом) и допился до автокатастрофы. И Майка, без году неделя, резонёрствовала: «Ты, Бро, счастливая: замужем. И поэтому востребована. А я - «вдовуха». И я поняла: «Баба-ягодка опять, если замужем и бля...».

Майка - не женского умосложения, баба. Первый муж ей в подмётки не годился. До развода с ним плакалась: «Доведёт меня до бездумного состояния и шementом во двор: забивать козла с заводскими». Говорю ему: «Зачем засорял голову институтом?» «А кто бы меня, - твечает, - назначил замзавгорздравотделом без диплома?»

Майка - молодец. Какая бы другая вдовица, кроме неё, пробудила в себе медалистские краснотипомные силы - поступить к Юрию Ивановичу в аспирантуру, защитить кандидатскую в срок, пробиться вместе с ним, в московскую доктурантуру, занять «папика-спонсора» члена-корреспондента, директора «свехкако-го-то» академического предприятия и защитить докторскую раньше самого шефа! И прижилась ведь в столице. Одним словом - «мозговитая». Бро до неё тянуться - не дотянуться.

Правда, по состоянию «полового» здоровья Майка, говоря её язычком, «несёт свой бабий крест», но, может, Бог поможет ей облегчить ношу? По словам Майки, её Бог дважды приоткрывал перед ней после «стрессов» занавес «Того Света» и задёргивал - наперекор прогнозам врачей-онкологов. И после Майкиного «второго пришествия» на «Этот Свет» в ней зародилось что-то наподобие гибрида Жгуны, Топшировского с Жумаком. Всё, вся и всех Майка стала воспринимать чудотворной «тринадцатой чакрой». Потому что ей открылось никомуневидимое, никомунеслышимое и ни-кому непонятное.

Бородавки, к примеру, снять, сшибку заговорить, родимые пятна вывести, прочесть чужие мысли - это для Майки - пара плюнуть. «Я ведь, Бро, сама себя не единожды возвращала «оттуда, откуда нет возврата, и возрождалась исключительно силой любви ко всем, всему и вся. Что-то внутри меня развилось колдовское. Иной раз такое вижу-предвижу -чую, сама себя страшусь. А, может, это всё во мне просто дремало? Никому не говорила -тебя исповедуюсь. Я ведь, только никому не говори, было дело, обозлилась на одного Жорика и только подумала про себя: «Ты меня, скот, ни за что бьёшь. Отольются тебе мои слёзы сгинешь!» И веришь - нет: на другой же день пошёл купаться и утонул. Кто был с ним, говорят, трезвый был. Я, с той поры, боюсь о ком-то плохо думать».

«А что там, на «Том свете»? - вышучивала Майку Броня, - говорят, будто летишь по коридору со сверх космической скоростью, рилетаешь?» «И никакой очереди, - смеясь, подхватывала Майка, - прямо подходи и бери рекомендацию в Рай. Знай, Бро! Кто там действительно побывал, как я, - помалкивает или «его замалкивают».

Нет, чего не говори, Майка сама себя сделала и самокритично обозвала: «Я - додумчивая женщина». И подруга не подлая. Даже доброжелательная. Кто бы её, химичку-лаборантку - заводчанку, познакомил с Юрием Ивановичем? Правда, он тогда ещё был общежительским аспирантишкой и зарабатывал втрое меньше того, кого Майка на себе женила, но всем - своё. За что Майку осуждать?

Так что, пусть даже Майкино с Юриево астральные тела «виброкипели» в своё время, (хотя Майке после «хирургического охлаждения» вроде как всё женское - чуждо, но, она сама говорила: «Гормоны сильнее хирургии»).

Бро вышиб из раздумий окрик Юраши.

Брю, ты идёшь в свой зоомагазин или передумала?

Иду-иду, только спустившую нитку подтяну. Уже убегаю. Запри за мной.

Я же сказал русским языком. Захлопни дверь с той стороны, копуша.

Бро открыла дверь и уже переступила порог, да ключ из сумки куда-то запропастился. Взять с собой, а то по возвращении - придётся Юрия Ивановича отвлекать. Потянулась за висящей на вешалке запасной связкой ключей и услышала самопроизвольный щелчок английского замка. Взясась было за запирающее замочное колесико и услышала телефонный звонок. И тут же Юрий

Иванович тихо сказал в телефонную трубку.

- Ушла. Говори, чего у тебя загорелось?

Вспомнила, как несколько минут назад Юраша ответил кому-то: «Нет, вы не туда попали».

Будто кто-то заставил её отпустить злополучное колесико замка.

Бро одними подушечками пальцев сняла трубку параллельного телефона и затаив дыхание, поднесла её к уху, другой рукой прикрыв микрофон.

Услышав Майкин тревожно-радостный голос, присела на пуфик.

«У меня две новости: (услышала она возбуждённый голос Майки) - «очень хорошая» и «отличная». С какой начать?»

«Однофуйственно», - хохотнул Юрий Иванович.

«Тогда начну с «очень хорошей», шеф, ты мой ненаблюдный? Или ты всё ещё не скорре-лировал «котманду» с борондой?»

...«Не буду мешать им каламбурить», - подумала Бро и привстала, чтобы тихо-тихо, улизнуть, но Майкин хохот и крик Юрия Ивановича: «Пошла бы ты на фуй со своей простотой»!, остановил её руку с трубкой на пути к рычагам аппарата....

«Бери яйца в руки, рекомендацию от Бура-тино в зубы и прилетай на защиту своей шизокрылой докторской. Ни одного чёрного шара не будет».

«Ты бросила на себя Капуцина?»

«Всё проще, фуй ты мой, августейший. Говорить - «отличную»?

«Говори».

«Отличная» новость - для тебя, а для меня -«горькая». Не я бросила на себя Капуцина, а он «бросил себя на меня». И.... слышишь, я плачу? Импотенты - самые умные люди».

«Говори - не финдипюли...».

«Минута вставания, шеф! Капуцин «приказал долго жить».

«Ты мне не по -украински скажи, а по- русски».

...«Стыдоба, профессор, - удивилась Бро, -я и то догадалась, что Капуцин скончался»...

«Объясняю для москаля: по - украински -Капуцин «хэпнулся, гэпнулся, да ещё перекан-дыбачився», по-еврейски- Капуцин - «чтоб он так жил, жмурик», по украински, или по одесски, как хочешь: Капуцин «сыграл в чёрный ящик». Завтра - «доступ к телу» в Академии наук. Пойду, напьюсь на радостях, тьфу ты, на горестях, конечно, забылась, извини».

«На «доступ к телу» я не прилечу. Бреши -«отличную новость».

«Сперва среагирую на первую».

«С Буратино я в контрах. Этот пятикрылый семижуй, меня уел, что на кафедре не учёные, а разложенцы-алиментчики. А я сказал ему: «У меня ещё есть Паша-онанист». Буратино сел на свой жоподрон и схватился за сердце. Вбежала секретарша, эта ваша проблези, Дочка Лю, и принялась его обмахивать подолом. Он чуть не задохнулся».

...Юрий Иванович расхохотался над собственной шуткой, и слово взяла Майка.

«Шеф, Буратиноса я беру на себя и науськаю на него Бро. Теперь банальная новость: я расплевалась со всеми своими Жориками. Окончательно и бес-чреворотно».

«Ты же недавно хвалилась, что приковала к своей вирзохе какого-то псевдотворца Жорика»?!

«Представь себе: как приковала - так и отковала. Обрыбло блядство окаянное, потому что, как говорил кто-то из великих: «Любить скупца, лежать под дураком и знаться с евнухом - всё то же, что черпать водку решетом -от сих троих избавь нас, Боже». Меняем тему. Говори, когда тебя ждать?»

«Надо у Бро взять добро».

«Когда это Бро тебе перечила? Не тяни, пока на мою хитрую корму ещё оборачиваются и стар, и млад, и нищ, и богат. Чем быстрее приедешь, тем лучше, потому что надо успеть осовременить твою докторскую. Это я беру на себя. Для меня создать компьютерную программу-всё равно, что для тебя совершить очередное открытие. Знай, после защиты перед тобой распахнутся двери закодированного Рая. Место Капуцина вакантно. Я седалище в кровь раздраю, но в его кресло, кроме тебя, никто не сядет. Сам знаешь - какие перед тобой откроются возможности, с твоим-то коэффициентом полезного действия мозгов. «А может, мне приехать с Бро»?

«Зачем она тебе во внеполовое время? Не мазохисствуй, будь мужиком, в конце концов. Ой, совсем забыла, я же достала Бро путёвку на Красное море и договорилась, чтобы ей быстренько оформили визу. Пусть отдохнёт от тебя, а ты - от неё. На худой конец я всё умею не хуже Бро: только она всё делает по-божески, а я - по канонам сексуальной революции. Я очень хочу, чтобы ты защитился, внедрил свои «ноу-хау» и просветил мозги псевдосветилам. Ты, в конце концов, не имеешь права скрыть от человечества то, что господь Бог открыл только тебе».

«Надо будет - откроет другому».

«Ни у какого другого не хватит мозгов, чтобы понять. Главное, ты сможешь реализоваться. Мне, сам знаешь, ничего не надо - лишь бы вы оба, ты и Бро, были рядом»... («Неужели чувствует, что я подслушиваю», - чуть не вскрикнула Бро, но вовремя закусил губу, а затем зажала микрофон ладонью и затаила дыхание). Я, может, без Бро больше, чем по тебе, скучаю.

...Юрий Иванович чего-то неразборчиво возразил... Майка подытожила: «Короче, шеф, собери яйца в кулак и приезжай. Бро я беру на себя. Но и тебе не позволю похерить свою гетниальность. Бро - чудо, но ты слишком погряз в её сладкоежестве. Наука - не детородный вездеход: она долго стоять не может. Кончай нежиться в бозе. (...Опять Юрий Иванович чего-то пробурчал и Майка прикрикнула)... Чушь порешь, Юрий, ты же знаешь Бро- она за тобой как хвостик. Не усложняй мой инцестный комплекс неполноценности....(Надо ведь придумать? Или просто от меня скрывала?)

...Чего молчишь? Сделай, как я сказала, и приезжай. Иначе разлюблю - кого люблю. А с Бро я всё потом обговорю. Она баба добрая: всё проглотит и переварит «.

...Бро принялась осторожно открывать замок, чтобы бесшумно выйти, но захотелось дослушать, чего это Майка прёт как танкетка и тихонько разжала пальцы...

«Совсем забыла. Я тиснула тезисы нашего с тобой, доклада в программу международного симпозиума. Забугорники сразу разобрались что почём. Тебе придёт вызов. Хорошо бы ты к тому времени подгадал рекомендацию от вашего Буратиньего Учёного совета, схватил её в зубы, убил двух зайцев и - под мой каблучок. Чего опять засунул язык в «вонючую дупу»?

«Как говорит мой завлаб, одна мысль не сходится с другой», - только и сказал Юрий Иванович.

...Брю успела услышать иронически-циничное Майкино: «Кое-кто тоже думал, а надо было покрыть», и выскользнула за дверь. Кажется, муж ничего не заподозрил.

* * * * *

Надо было себя успокоить. Приятно, что о работах мужа знают все, даже за рубежом, но почему она, жена, ничего толком не знает? Юрий Иванович наверное

думает: не по её мозгам его наука. Вот что наделала эта доктурантира. Майка-то, Майка-то как успела запасть на Юрия Ивановича! И он, похоже - тоже. Ничего удивительного: видно им вдвоём интересно не только в постеле и Броня заспешила в Зоомагазин. Презентовала Фаине пробные «душочки». Жалко её: хорошая баба и всё, как говорится, при ней, а вот родила от женатого и никому не нужна.

Спросила совета, как ей: ехать одной на курорт или без Юрия Ивановича - ни-ни? Натали ответила анекдотом. «Счастливая ты, Бро. Муж у тебя есть, любовник, глядишь, тебя на курорте ещё и изнасилуют»? «Какой любовник»? - поморщилась Бро. «А этот твой член союза»? - сделала глазки Фаина. «Нашла чего вспомнить? Это было-то ещё до Юрия Ивановича. Подруги улыбнулись, коснулись друг дружку, вздохнули.

Бро пожаловалась.

- Голубая неонша чего-то дурит.

- Только делов. Вон выбирай любую. Только что завезли. Молодые приживучие.

- Нет, я хочу ту отходить. Подскажи - как?

- Купи антибиотик для рыб. Подкорми витаминами.

- Она всё время плавает одна в сторонке. Остальные её прямо загоняли. Почему?

- Не может одна и с кем-то тоже не может. Мы себя-то не вот вдруг понимаем. Ауж рыбок бессловесных - и подавно? Скажи ей, чтобы стала поершистей. Кстати, свечение у неё не потускнело?

- Вроде нет.

- Значит, рыбка в порядке.

- И всё же - почему она - не как все : какая-то ранимая.

- Да потому что эта твоя рыбка - скорее всего, гибридша, как все мы - теперешние. А гибриды плохо адаптируются.

2

Естественно, вечером позвонила Майка. Теперь уж конкретно ей. И сразу - как бочке затычка.

- Бро, пляши. Мне предложили путёвку в одно «прелестное местечко».

Отказываться было неудобно, но, сама понимаешь, меня наука не пускает.

Поэтому взяла её для тебя. Не вздумай возражать. Место тихое, море фантастическое и молоденькие спасители будут кормить, поить, удовлетворять. Чего ещё бабе надо? Восприми - как женскую шутку.

Путёвки вам с Юрием - достать не получилось. Гарантирую - на будущий год.

Самый раз - исчезнешь на время Юриной защиты. Нам с ним придётся немножко покормить над докторской. Сложилась как никогда благоприятная обстановка.

Самый его чёрнящий оппонентище недооценил мои возможности и переоценил свои. Как говорят в Одессе: «Он решил, что у него это - последний раз и такое «навыворял», что Бог отправил его в больницу, ко всем докторшам, на переделку.

Сама понимаешь для защиты Юрию Ивановичу надо, как минимум, явиться в Москву. Внуши мужику важность момента: отлучи его от сладколюбства. Короче, пусть Юрий защитит. Иначе ему не пробиться туда, где без него ничего не смогут и где он один тоже ничего не успеет. А время - уже не деньги, время - сама жизнь. У Юрия Ивановича же давно всё готово. Но он упёртый. Хочет без спешки всё доделать до конца сам. Бро, пойми: он или уже что-то открыл и скрывает, или - на пороге сенсационного открытия. То, чем он сейчас занимается, я имею в виду кропание пресловутой монографии, оно - не его масштаба деяние, оно подождёт.

Ему надо заниматься тем, что доступно только его мозгам, с запредельным коэффициентом полезного действия, около десяти процентов. Я, со своей

стороны, а ты., со своей, должны уломать его свернуть с малоэффективного пути наименьшего сопротивления. В конце концов, отлучение Юрия Ивановича от твоего эксклюзивного ложементы на время твоего курорта, только пойдёт ему на пользу. И ты на тройку недель окунёшься в фимиам свободных чувств - только больше соскучишься.

Может, мне сходить - самой поговорить с этим Буратиносом?

Об этом я как раз и хотела тебя попросить. Умница - сама догадалась. Скажи Буратиносу пару комплиментов, лизни, в фигуральном смысле слова, конечно, его «вонючую дупу». Главное - не перегни. Имей в виду: Юрий Иванович с ним в контре, как со всем вышестоящим начальством.

Давай, в качестве репетиции перед курортом вспомни наше девичье. Обнажи скрытое, подголуби немазаное, подтяни висящее, по-вихляй топырящимся, не опасайся: Буратино -диабетик по женской части.

- То-есть, ты даёшь добро?

- Сходи, хоть сама вникнешь в суть.

...Майка завелась, и её невозможно было перебить....до самой концовки...

И помни, главное для тебя сейчас - курорт. Тебе, Бро, необходимо подлечиться.

Пора взяться за себя. У нас - за здорово живёшь- пенсию «по вредности» не дают.

Послушай меня и не вздумай сделать наоборот. Пассивность - хорошо, а активность- лучше. Как я по тебе соскучилась! Ты не представляешь. Полетишь на море - вернёшься, расскажешь -поржём над мужиками. Боже, какие же они все доны-гандоны»!?

Ноу меня даже нет курортной карты.

Это мелочь. Сходи к гинекологине -родственнице Юрия Ивановича, как он её прозвал, Гобсечке. Она тебе всё оформит за коробку конфет.

Майка неожиданно повысила голос.

Бронь! Не траться на конфеты. У меня только что родилась отличная идея.

Сделай только флюорографию - и всё. Я сама приеду, привезу тебе путёвку, оформлю курортную карту. Вдвоём возьмём Юрия Ивановича на абордаж. А к Буратиносу сходи, прозондируй. Заодно, увидишься с «дочкой Лю». Узнаешь, как она: пробила квартиру, или Буратинос всё ещё от неё нос воротит? Передавай от меня привет, скажи: «Майка, мол, там в Москве, Буратиноса к тебе денно и ночью привораживает». Лады? И спокойно разлетимся: ты на отдых, мы с Юрием на защиту. Ты вернёшься одухотворённая, опылённая, окроплённая, а твой Юрий Иванович - уже доктор, зав отделом, секретный учёный, а то - не ровён час -гляди выше! И у него на несколько миллиметров всё увеличилось. Не фыркай- шучу. Живём в этой жизни - «не оргазмом единым», но, кто знает, как «наше бабье» отзовётся ?

Я поняла. Майка - ты настоящая подруга, спасибо! Только кто будет моих рыбок кормить?

Майка помолчала и вдруг сорвалась.

- Я буду кормить твоих долбанных рыбок! Я! Я! Юрия одного твоего на защиту в Москву спроважу, а сама буду твоих рыбок кормить -они такие крошечки! Я лучше твоих рыбок поджарю, чем брошу Юрия Ивановича на съедение московским лже блядям. Жди меня с путёвкой. На твоё счастье, в этом заезде курортные будут почти сплошь русскоязычные. Другими словами, наши. Запасайся купальниками и губной помадой. Кстати, не вздумай валяться под солнцем - в нашем возрасте лежать рекомендуется исключительно под мужиками. Шучу.

- Как бы я хотела отдохнуть вместе с Юрием Ивановичем и с тобой!

- Вполне реальная идея, - скороговоркой отозвалась Майка. - Но всему своё время. Хочешь, чтобы Юрий Иванович вернулся из столицы на самом белом коне с самым дебелим детопроизводным? Шучу.

- Какая жена этого не хочет?
- Ну, и - с Богом. И запомни - не верь ни одному слову этого Буратиноса. Дочку Лю на него настропали. Возьмитесь за Буратиноса со всех сторон: выше и ниже пояса. Ни два пуха, ни три пера вам! Помнишь ответ?
- К чёрту! К дьяволу! К Дадону - ни полпраза без ган... - дальше сама знаешь.
- Святуюля ты наша - анти циничная, но тебе - к лицу!

* * * * *

Майка, она и в Москве Укрейка. «Человики» не меняются, а «жинки» и подавно. Сколько лет они с ней подружки? С первых дней явления Майки заводскому люду. Не пробейся Майка в заведующие химической лабораторией - нюхать бы Бро «секретные» отходы не десять лет, а до самой пенсии... Не зря заводча-не прозвали Майку - Мозговитая. Кто бы другой на её месте бросил столичную аспирантуру и раскрылся на периферии в обычной заводской среде? Какая бы другая умудрилась прямо с «заводской проходной» шагнуть в заочную аспирантуру! Правда, пришлось замолвить за неё словечко Юрию Ивановичу. Но Майка всё равно бы пробились. Необыкновенная женщина. И главное - умеющая заставить мужиков «плясать в противогазе». Редкий дар. И не сказать, что красавица, но вот умеет развернуться к кому надо, чем тому хочется. Если бы кто-нибудь из сильных мира науки послушал её шаржи на себя!

3

- Ты, Бро, хоть знаешь, как разговаривать с Буратиносом, ой, с Сидором Петровичем? -поинтересовалась секретарша Дочка Лю.
- Нет, конечно, подскажи. Я, вообще, с ним, можно сказать, «заушно» знакома - мы же с Юрием Ивановичем не тусовщики.
- Короче, смотри на его буратиний нос и млей, - дочка Лю приложила ладонь к груди.-А вот и сам Сидор Петрович подал сигнал. Проходи быстро и при, как танкетка, за спрос не бьют в нос. Можешь даже коснуться его пальчиком, - Дочка Лю вдруг придавила губы ладошкой, - только не носа, конечно, а, например, его мохнатой лапы - проследишь за реакцией.
- Поняла, - кивнула Броня, - но я этого делать не буду.
- Боже, дура я, учу комолюю бодаться?! Ты ничего не поняла. Просто для куража. Буратиносу после меня - не до тебя. - Дочка Лю закатила раскосые глаза. - Ректор же меня только что меня осматривал как врач и тр...
- Тр...? - вскрикнула Бро и вытаращилась на подругу. - Как же он тебя уронил? Дочка Лю, повалилась на свой секретарский вертящийся стул и закрутилась так, что Бро пришлось её ловить, чтобы та не скатилась от смеха на пол. Посерьёзнев, секретарша коснулась плеча Бро и восхитилась.
- Боже, я совсем забыла, с кем имею дело, -она приложила ладонь к груди, - Ну, ты, Бро, в своём первозданном виде! Неужели за все эти циничные годы Юрий Иванович так тебя и не осовременил?
- А то бы - что?
- А то бы ты поняла. Трахнуть - это, как бы тебе популярно объяснить, ну, на теперешнем жаргоне, - Дочка Лю сцепила пальцы и вывернула их под грудью, закатив глаза, - одним словом, это то, после чего рождаются дети, но не обязательно.
- Как ты могла? - отшатнулась Бро. - Он же твой начальник.
- Надоело жить с соседями, - посмотрелась в зеркало Дочка Лю и выбросила скомканный платочек в урну, но тут же достала и сунула в свою сумочку. - Сидор

Петрович не любит ждать. Проходи.

У самой двери с табличкой «Ректор, доктор медицинских наук Доходянов» Броня застегнула пуговичку блузки, спрятав родинку на, говоря словами Майки, белоснежном «приэльб-русье».

Хозяин кабинета поднялся навстречу и растянул в улыбке рот.

- Кто к нам пожаловал?! - Буратинос карикатурно почесал левой рукой правое ухо.
- Русские красавицы - моя армянская слабость. Располагайтесь напротив меня. С вашего позволения я буду на вас любоваться. То-то, я до сих пор не мог понять, почему Юрий Иванович как-то в разговоре назвал вас «Цветная»? Теперь понимаю и, как мужчина, завидую. Вы знаете, что у вас над головой цветовой нимб?

Ректор припечатал стол волосатой пятернёй и вздёрнул косматые седые брови.

- А я над вами вижу светлый лучик, - осторожно сказала Бро.

- В самом деле - видите? - удивился Буратинос.

- Иной раз. И не над всеми.

- То-есть тёмный луч стараетесь не замечать? - прищурился Буратинос.

- Вроде того, - кивнула Бро.

- Красивая женщина, парапсихолог-экстрасенс, похвально. Кстати, а какое свечение вы заметили над моей секретаршей?

- Я не приглядывалась.

- Да вы ещё и скромница. Похвально. Мы -то врачи психиатры - все немножко Мессинги. Я вы, значит, в некоторой степени Ванга.

- Что вы? Мне кажется - каждый в минуты сшибки обладает даром видения человеческого свечения.

- А что у вас - сшибка?

- Нет, это я - к слову.

- К слову? Есть анекдот на эту тему. Но, прошу прощения, шутки в сторону, с чем пожаловали? - зрачки и ноздри Буратиноса расширились. - Не на randevу же?

- У меня единственный вопрос, - отрезвляюще взглянула в глаза Буратиносу Бро.

- Не могли бы вы, как ректор и председатель институтского Учёного Совета, поспособствовать, чтобы Юрия Ивановича порекомендовали в Москву на защиту докторской и вообще?

- Как- не мог бы? Уже смог, но,... - перехватил инициативу ректор. - На эту тему тоже есть отличный анекдот, но не буду рассказывать. Большой Совет как раз принял решение рекомендовать, причём, единогласно - и тогда, когда ваш супруг ездил в прошлый раз, и - на недавнем заседании. А Юрий Иванович отказался, сославшись на то, что ему в Москве, до определённого времени, делать нечего. И я понял причину такого поведения вашего супруга.

- Но вы, возможно, в курсе? Обстоятельства в Москве изменились, - поёрзала в кресле Броня. - И, вообще, прошу понять меня, Юрий Иванович не знает, что я у вас.

- Понял. Кстати, я тоже с супругой о работе - ни слова. Как в анекдоте, знаете? Извините, не буду рассказывать. А, к слову, что там в столице изменилось?

- Ну, там скончался какой-то корифей, -чуть поднялась на воздух Броня. - Я, правда, о нём мало знаю.

- Капуцин что ли? - Буратинос закачался в кресле и по-кукушечьи рассмеялся: «Хыхы -хы, хыхы - хы». Хотите узнать при каких блудливых обстоятельствах - нашла коса на камень, точнее, на Капуцина?! Есть такой анекдот. Хотя нет, не буду рассказывать, извините. Слышал о постигшем науку горе и, конечно, послал соболезнование. Кстати, меня уже приглашали на его место, но я дал отказ.

Хотите знать почему?

Бро широко распахнула рот и глаза.

- Только это секрет. Понятно?

Бро кивнула.

Ректор придвинул с себе листок бумаги, выудил из позолоченного настольного прибора авторучку и принялся что-то черкать.

- К слову, вы наверняка знакомы с Майей Августовной?

- А как же. Моя давняя подруга.

Броня хотела сказать - «лучшая», но поостереглась: кто знает, куда клонит Буратинос? Она опустилась на краешек кресла и вздохнула, да не рассчитала глубину волнения и единственная верхняя пуговичка блузы с треском отстрелилась. Броня, схватившись за отвороты, с удивлением увидела мизансцену погони ректора за катящейся кругами пуговичкой. Он догнал её у двери кабинета, прихлопнул сандалем и на огромной ладони преподнёс Брониславе, припав на колени.

- Не считите за пошлость - я хотел бы быть этой пуговичкой.

Хотя, увы, я для вас, вероятно, перезрелый фрукт?

Броня принялась было сочинять не обидное возражение, но Сидор Петрович опередил.

- Не напрягайтесь. Compliments - не ваша стихия. К слову, - произнёс он заговорчески, - пока в клоачном царстве «почившего в бозе» Капуцина «летает и помелом пометает» ваша стародавняя подруга Майя Августейшевна, так я её величаю, - мне и нашему с вами Юрию Ивановичу туда путь закрыт.

Бронислава едва сдержалась, чтобы опять не подняться на воздух.

- Объясняю почему, - жестом осадил её Сидор Петрович, - потому что мы с вашим супругом не принадлежим к титульной нации.

Скажете, я, с моим курносом в кавычках носом - понятное дело, но при чём здесь Юрий Иванович? Отвечаю. Это просто его счастье, что у него стопроцентно славянское лицо. Но его бабушка, насколько меня информировали компетентные источники, - наследственная польская графиня, а отец - инкогнито, значит, скорее всего, иудей «псякрёвских» кровей. Надеюсь, вам это известно?

- Вас неверно информировали. Мне известно совсем другое, - замахала руками Броня.

- Что вы? В роду мужа отродясь не было - ни графинь, ни иудеев. Дед Юрия Ивановича - простой русский работяга, а бабушка - крестьянка. Оба простые русские люди, не говоря уже о родителях. Да иначе Юрий Иванович у вас бы не работал, Вы меня просто разыгрываете, - улыбнулась Бро, - чтобы я попросила за мужа?!

И откуда чего взялось: Бро церемонно поклонилась, и Буратинос чуть не клюнул ей в открывшееся «белоснежное призьбрусье». Он даже прокашлялся и обмахнулся надушенным платочком.

- А вы, оказывается, не только ясновидящая, но и ясно думающая - вам палец в рот не клади. Беру свои провокационные слова обратно, - Сидор Петрович вдруг нахмурился. - Но всё равно: услуга - за услугу, плата - вперёд.

Бро не решила - кивать или удивиться, поэтому широко раскрыла глаза, приоткрыла сумочку и принялась в ней рыться.

- Наконец-то я вас поймал, - по-собачьи замахал руками ослабившийся Буратинос. - Шутки-то вы не понимаете. Закройте сумочку. Разве можно так буквально воспринимать слова психиатра? Вы, как в анекдоте, когда ..., нет, не буду рассказывать. К слову, мне надо кое-что уточнить у вашей подруги. Пусть придёт ко мне, как только приедет из Москвы. Правда, я не уверен, согласится ли она на компромисс?

- Почему?

- А потому что ваша подруга - женщина бескомпромиссная.

По-моему, вы её демонизируете, - улыбнулась Бро, - вы её совсем не знаете. Просто у неё было трудное детство, но взрослым с ней легко найти общий язык. - Я не знаю вашу подругу? - подскочил в кресле Буратинос. - Да не было и не будет в моём институте, разумеется, пока я ректор, ни одной представительницы прекрасного пола, которая не обошла бы моё горнило. И ваша, извините за выражение, Августейшевна - не исключение. Но, знание, как показывает мой личный опыт, - не всегда всё решает сила, а, в случае с вашей подругой совсем наоборот. Кстати, не она ли попросила вас походатайствовать за Юрия Ивановича?

Бро кивнула. Сидор Петрович выкатил огромные глаза.

- Это меняет дело. Если эта укрейка чего-то задумала - она прошибёт. Надеюсь, вам известно такое прозвище вашей подружки? Видна легкая рука Юрия Ивановича?! Он же всем и вся надавал прозвища. Меня он знаете как прозвал? Буратинос. И это не лишено основания. Но я его тоже неплохо обозвал? Сказать как? Провокаторе. Что-то в этом прозвище есть, не правда ли?! Можете не приглашать ко мне вашу Майю Августовну. Мне её выкрутасы больше не интересны.

Броня сидела, боясь шевельнуть и открыть рот, чтобы не спугнуть откровения Буратиноса. Тот попросил разрешения закурить и воткнул в рот огромную сигару. Пока он её раскуривал и усаживался в кресле, Броня по-сталински подумала: «Что-то глазки у этого Буратиноса забежали».

К слову. Если я скажу, как сказал бы вашей подруге, боюсь - вы мысленно обматерите меня на чём свет стоит. - Но всегда хочется услужить красивой женщине.

Чужая не бывает некрасивой. Говорите уж - чего там?

- Однако, язычок, - потёр ладони Сидор Петрович, - Тогда вопрос, как я говорю, в лоб. Как вам понравится моё предложение - вступить со мной в гражданский брак?!

Броня даже покрутила головой - уж не вошла ли Дочка Лю?

- Извините. Я, по моему, не давала вам повода для таких шуток.

- Боже сохрани, - произнёс ректор - какие шутки?! - Просто к слову, как раз на данном этапе существования я, как это ни прискорбно, в разводе. Ну, не сходитьсь же с секретаршей? А наш с вами союз - единственный стопроцентный случай, который утрясёт сразу всё. Укрейка всё равно отобьёт у вас Юрия Ивановича. Мы отправим их в Москву, а сами закатим куда-нибудь на острова в океане.

- Если я правильно вас поняла, разговор о Юрии Ивановиче закончен?

- Вы умная женщина, но меня слишком по-женски поняли. Я не зову вас замуж на дальнюю перспективу. Больше чем на пару недель счастья меня не хватит. Бронислава придавила руки к груди - от горечи у неё потекли ресницы: дура - нарядилась на старости лет. Какое унижение! Сидор Петрович просто издевается над ней.

Буратинос долго и неестественно, как показалось Бро, смеялся, сгибаясь пополам.

- К слову, - наконец, успокоился он. - Не обижайтесь на меня. Если серьёзно, а я категорически серьёзен, то мне осталось жить - раз два и обчёлся. У меня «лучевуха», притом, в самом худшем её проявлении. Увлёкся обнадёживающим экспериментом. И спёкся...

Броня сунула руку в сумочку за платочком и замерла, потому что Буратинос вдруг побледнел и сунул под язык какую-то таблетку.

- Врачи посоветовали - не пропускать ни одной юбки, - тяжело вздыхая, усмехнулся он, - вот я и стремлюсь. Такая вот непредсказуемость судьбы. А вы

думали - заслуженного деятеля науки дают незаслуженно? Наука требует жертв. А то, чего бы вдруг от меня сиганула молодая жена? Я её не виню - сам посоветовал.

Сидор Петрович снова раскурил сигару и уставился в окно. Неожиданно спросил: - Вам, кстати, известна тема диссертации Юрия Ивановича? Тема, естественно, закрытая, так что это между нами, тем более мы условились, что вас у меня не было, ведь так?

Броня кивнула и приоткрыла рот - услышать и успеть понять между слов.

- Так вот. Тема диссертации называется так: «Корелляция изознтропичемких факторов влияния физических полей на многовекторное развитие особенностей субъекта в свете основополагающих субстанций генетической памяти».

Ректор улыбнулся.

- Повторить или всё понятно?

- Я вам не учёная Майя Августовна, чтобы всё это понимать, - хмыкнула Бронислава.

Ректор на мгновение приставил к глазам очки и снова уложил их во внутренний карман пиджака.

- Теперь я, кажется, начинаю понимать колебательную позицию Юрия Ивановича. Непросто ему. Ох, непросто. Да и вас можно понять.

Ректор вдруг побледнел и протянул руку для пожатия. Бронислава дотронулась до его ледяной руки.

- Спасибо за тёплый приём, Сидор Петрович, - дай Бог вам всего наилучшего.

- На эту тему есть отличный анекдот.

- Расскажите на прощание.

- К слову, это скорее анекдот об анекдоте. Так рассказать?

Бро кивнула и пожалела - сейчас расскажет какую-нибудь пошлость.

Буратинос вдруг приблизился к Бро и потянул её руку к губам. Бро показала, что вот-вот её рука наткнётся на нос, и она резко подалась назад.

- Не надо, Сидор Петрович?!

Рука Буратиноса осталась согнутой - как для подаяния и он, не разгибая её, хмыкнул.

- К слову, теперь вы поймёте, как трудно о чём-то просить и как легко, в чём угодно, отказывать. Правильно сделали, что не сказали о чёрной тени, которая волочится за мной. Я сам её чувствую. Скрываете свой дар от людей и правильно делаете. Людям ни к чему знать о других - о себя бы получше узнали.

Кстати, если вам кто-нибудь будет внушать, что главное в жизни - любить всех людей, хороших и плохих, не верьте, главное, чтобы вас все любили, и хорошие, и плохие - вот задача, которая редко кому - по плечу.

Бро чуть не плакала, вышагивая по мокрому асфальту. «Повела себя как институтка, - почему-то вертелось в голове. - Глядишь, и не оторвал бы он мою руку».

Бро взглянула на тыльную сторону ладони: сморщенная, когда и кто ещё её поцелуют? Действительно, «Плачут, просят - оборвём, отказавши - плачем».

4

Майка естественно, прилетела с «горящей» путёвкой. Главное, уж переоформленной на Бро. Ну что было делать?

До вагона Юрий Иванович тащил чемодан, а Майка шептала Бро на ухо.

- Ты там «на курортах» Отэлку из себя не строй. Голову бабством себе не забивай. Мне твой Юрий Иванович нужен не больше, чем Буратинос с Капуцином. Сама знаешь - я не по этой части. Мне, вообще, кроме тебя, никто не нужен. А уж

если осточертеет бабье робинзонство, всегда подвернётся какой-нибудь Жорик, который напоит мою душу гормонами радости. Найди на курорте какого-нибудь жена-тохеса с коэффициентом полезности мозгов не более пяти процентов.

- И что?

- С пятипроцентными мозгами мужики годятся исключительно на продление рода и вышесреднее образование. С шестипроцентными мозгами способны стать кандидатами и докторами наук, с семипроцентными - способны на изобретения, восьмой процент - помогает словить космический сигнал на открытие, а мозги с коэффициентом полезного действия девять делают мужиков потенциально гениальными.

- Откуда ты знаешь?

- Это гипотеза Юрия Ивановича. Он почти обосновал её теоретически, почти подтвердил экспериментами, почти научными. Причём, я не сомневаюсь, в его голове работают все десять процентов мозгов. А когда мозги зашкаливают, начинается мозговой ураган, который можно погасить либо сорокалетней женщиной (естественно, тобой), либо сорокоградусной (естественно, водкой). Юрию Ивановичу ниспослано свыше заглянуть в космические высоты мыслительной деятельности человека.

- И что будет?

- Он познает то, чего не познал ещё никто.

- Зачем?

- Кто знает, зачем ему дана такая возможность?

- Какая?

- Он мне как-то признался. В некоторые моменты он видит невидимое. Он понимает - как устроена жизнь, кем устроена жизнь и какова перспектива размножения человечества псевдогинетальным способом.

- Клонированием что ли?

- Что-то в этом роде, только необычным, а мысленным клонированием. Я когда начинаю об этом думать, мне кажется, я схожу с ума.

- Не вздумай, - забеспокоилась Бро, - Майка, останови мысль - на тебе лица нет. Только поясни, как это «мысленным клонированием»?

- Я сама ещё не всё поняла. Это что-то вроде облучения женского «начала» энергией мужского, (только, ради Бога, не падай в обморок: спросила - слушай). Повторяю, энергией мужского мысленного, извини, не подбирается другое слово, «кончала».

- Но это же, наверное, смертельно опасно.

- Не больше, чем сама жизнь. Кстати, ты сама как родила?

- Как все: нормально.

- Это тебе только так кажется. Сейчас уже можно об этом сказать. Только не выдавай меня. Это загадка, но семя Юрия Ивановича бесплодно. Он обследовался. Отсюда и его гениальность. Но вот его отцовство...

Юрий Иванович сомневается в своём отцовстве?

- Я так не думаю. Он просто ещё не раскрыл механизм. Но он очень хотел сына, и ты «понесла от него». А вот другие женщины от Юрия Ивановича не понесли. И думаю не понесут.

- Какие ещё другие? - замедлила шаг Бронислава. - Он мне всегда обо всех своих бабах рассказывал. Клянусь, я к ним не ревную. В прошлом году мы с Юрием Ивановичем отдыхали в Трусковце. И там давал гастроли ансамбль «Берёзка». Юрий Иванович говорит: «У меня «приглашение на два лица», пойдём». Сидим на первом ряду. Я его толкаю в бок и спрашиваю: «Хочешь для смеха угадаю - на кого ты меня променял?» «Да если бы и было, - смеётся, - ты бы сроду не угадала». «Вон на ту, говорю, самую вертлявую. Что, угадала?» У Юрия

Ивановича челюсть отпала:

«Как это ты»? - спрашивает. «Секрет» - отвечаю.

- А на самом деле - тебе донесли? - посерьёзнела Майка.

- Нет, я видела тёмный свет над её головой, когда она смотрела на Юрия Ивановича.

- Ты, правда, видишь свет?

- В последнее время - вижу. Но только когда очень захочу. Но это бывает редко.

- С тобой надо держать ухо востро. А над моей головой чего сейчас видишь?

- Сейчас ничего, - подумав, ответила Бро.

- А над головой Буратиноса чего-нибудь видела?

- Чёрный луч.

- И что это?

- Что-то нехорошее. Чуть не забыла, - всполошилась Броня, - о моих рыбках не забудь. Особенно, о Гибридке. Свечение её померкло.

- Ещё раз напомнишь о всяких свечениях - я всех твоих рыбок зажарю и съем. И начну с твоей гибридки. Шучу. Лучше последи за своим собственным свечением. Майка восторженно рассмеялась. Подруги прижались дружка к дружке. Бро тяжело задышала.

На прощание целоваться не стали. Изобразили, каждая свой отвлекающий маневр: Майка подтолкнула Бро к подножке вагона, а та сморщилась от неожиданного щипка.

В последний момент вынырнули из толпы провожающих сын Юрий - Большой со своей Авкой - Ентой. Та выставила из-за спины букет жёлтых цветов и сунула Броне с извинительной улыбкой: «Это мне подарили на шефском концерте в детдоме».

- Мам, мам, - сказал Юрий -Большой, - ты там отдохни как следует и не думай ни о чём, -он запнулся и добавил, - плохом, потому что всё у нас хорошо.

- Мамусенька, - остеклянила пуговичные глаза Ента, - у нас всё прекрасно и днём, и ночью, и присно и вовеки веков, аминь.

Броня неожиданно почувствовала, как её спину прошил мурашковый электроток от «ма-мусеньки», и, преодолевая его, улыбнулась..

- За исключением самой малости, - пихая Юрия Большого в бок, ухмыльнулась Авка-Евка, - мы никакими способами не можем забеременеть. Но не теряем надежду. Тем более, Юрча уже предпринял кое-какие шаги. Правда, Юрча?

Сын кивнул.

«Пронеси, Господи, - мысленно перекрестилась Броня, - не хватало только, чтобы внук родился от её школьной подруги, дважды «брошенки».

- Чего вам привести? - она сделала горловое усилие и добавила, - дети мои.

- Мне ничего, - рубанул воздух Юрий Большой.

- А мне, пожалуйста, если не затруднит, какое-нибудь сверхзачаточное средство, - Евка сложила губы куриной гузкой и ткнулась головой в поясницу сына - выше не допрыгнула. -Шучу.

- Какое средство: двуногое или четвероногое? - осадил Евку Майка и добавила. - Шуточки у тебя прямо какие-то силиконовые.

Евка, побледнев, схватилась за свои «филармонические» груди. Броня вздохнула. Юрий Большой нагнулся прикурить и подавился дымом.

- Да будет вам квохтать, - нахмурился Юрий Иванович, - паровоз уже котлами закипел.

Он успел чмокнуть Броню в приоткрытый рот и принялся махать пятернёй.

- Оставайся с Богом и поступай, как подскажет сердце, - промакнула глаза платочком Броня и только в купе вспомнила, что даже не ответила на поцелуй мужа и не взглянула на сына с Евкой. Постеснялась Майки, что ли?

Неожиданно Майка вцепилась в поручень и на ходу поезда затараторила.

- На курорте будет один из моих Жориков.

- Ты рассказала ему мои приметы?

- За кого ты меня держишь? Просто интересно, если вы совпадёте. Приедешь, расскажешь- поржём.

«У всех провожающих макушки коптят, -приуныла Бро. - Нет. Я им никому не нужна. А мне они? Нужны, нужны, нужны!»!

5

Майкиного «Жорика» Бро вычислила с первого самопредставления, когда он напросился донести её чемодан до такси и, по прибытии в санаторий, категорически отказался от равно-долевой оплаты за проезд.

Из него так и пёрло пошлым самонадеянным стихоплётством:

«Деньги есть - жены не надо».

«Полупоэт, полуневежда, полуучёный, полуспец, полувдовец, но есть надежда на приключенья - наконец».

«Я ловелас- чему не рад: ура, ждёт секс злодея, и сколько стоит дамский зад - узнать хочу скорее».

«Я милую узнаю после водки»

«Ты перед сном подмылась, Дездемона?»

Бро ничего не оставалось, как морщиться и затыкать уши. Жорик от такой реакции быстро затерялся среди обнадёживающих «Дездемон».

А Броня обратила внимание на одного «чудотворца». Он так же, как она, каждое утро приходил на пляж, раскрывал над головой зонтик, раскладывал этюдник, брезентовый стульчик и писал море, кивком головы отказывая всем, напрашивающимся «запечатлеться на память». Но с каждым днём располагался всё ближе и ближе к Бро.

- А почему бы вам хотя бы не искупаться? - к в конце концов поинтересовался он. Бро пожала плечами.

- А почему бы вам не позагорать? - спросил на другой день чудотворец.

- По моему, кроме меня, достаточно загорающих и купающихся.

- Но у меня получают только те красавицы, которые мне нравятся.

Бро отмахнулась: все они, курортные - на один лад.

Но на другое утро «художник» окликнул её.

- Взгляните одним глазком. Похоже?

- Кто это? - издевательски спросила Бро, хотя какое-то сходство с собой всё же уловила.

Художник сложил нехитрый скарб и больше на пляже не появлялся.

* * * * *

Через несколько дней Бро увидела его в буфете. Он вглядывался в пустой стакан и приветствовал её взмахом руки: «Одолжите мелочевки на боярышник».

Бро заказала художнику «водки», себе купила «минералку». Чудотворец протёр рукавом пустой стул рядом с собой - Бро оценила его галантность.

- Цистерну выпила, а здоровья всё нет?! -посочувствовал Художник.

- Быть бы живу, - кивнула Бро.

- Это - от половой недостаточности, - погрозил пальцем чудотворец.

Бро вздохнула.

- Молчу, - понимающе кивнул художник, - сам себе надоел.

Он молча опустошил рюмку и принялся снимать часы.

- Нет-нет. Не придумывайте, - сделала предупреждающий жест Бро, - Я просто знаю, что такое похмелье.

- Муж пьёт? - предположил художник.

- Говорит, что спасается от сверхмыслей.

- А я - от сверхчувств.

- Зря не купаетесь,- заметила Бро, - глядишь полегчало бы.

- Я эстет, - буркнул «чудотворец» и, предупреждая вопросы, пояснил. - Шрамы на ляжках не позволяют: сдал кожу на пересадку одной прожжённой, во всех смыслах особе.

- Жаль, - кивнула Броня и почему-то полюбопытствовала.- Особа - ваша супруга?

- В партнёрском смысле: было дело - одно время. А в человеческом - оказался недостоин, - он горько усмехнулся, - слишком хорош.

- Эти ваши шутки? - зажмурилась Бро.

Художник спрятал лицо в ладони.

- Кроме шуток. Особа цыкнула: «Вовенька, голубь мой шизокрылый», (Вовенька - это я) вы подняли на недостижимую высоту моё «женское начало» и опустили в бездну -творческое. Это для меня недопустимо опустошительно. Посему возвращайтесь к своей женюлечке и семерым по лавкам. Не поминайте лихом».

- Вы женаты? - безучастно спросила Бро.

- Само собой! - удивился Вовенька. - И неоднократно.

- Но скажите, эта ваша особа отвергла вас - до пересадки кожи или после?

- И до, и - после.

- И теперь вы пытаетесь превратить её в свою музу, - Бро прикусила губу.

- Я пытался превратить в свою музу вас. Но, увы, вы, к сожалению, не стерва. А, поверьте моему опыту, только стервы умеют быть востребованными.

- Смотря у кого.

- Логично. Но стерву не поработишь. А это единственное, что надо мужчине-завоевателю.

- Вы упёртый!?

- Я - пропитый экземпляр, потому что бесплоден. И та особа, которая залатана моей кожей, к сожалению, тоже. Но она, как вы сказали, упёртая почище меня. Она задумала подчинить себе Божьи законы науки. Если она родит от меня, будет мировая сенсация. А скорее всего - собачья чушь во мраке.

- В этом суть ваших необычных отношений?

- В сутях я профан. Я мастеровой - у меня стопроцентные руки, а мозгов, как у уличного художника. Зато у моей однокожницы - всё как раз наоборот. Она презирует отношение полов, а я - раб страстей. Вот глушу страсти по всем фронтам: пытаюсь рисовать женские портреты, пытаюсь самоутвердиться в алкоголе. Ничего не получается.

Вовенька, видимо, почувствовал, что Бро собралась улизнуть и вдруг упал перед ней на а колени, театрально воздел руки к потолку и пьяно завопил.

- Отдыхающие, вступитесь за простого лаборанта с дипломом Бауманского физтеха! Я не встану, пока дама моей страсти не поцелует меня, хотя бы в лысое темечко.

Бро почувствовала, что Художник вцепился двумя руками в её запястье, и попыталась покинуть буфет. Но Вовенька лёг на её пути и, с упорством попугая повторял на разные лады - одно и то же: «Один благотворительный поцелуй. И всё»?!

Посетители буфета заржали, принялись аплодировать. Бро почувствовала себя как на нудистском пляже. Неожиданно для себя самой она обратилась к Богу, в которого вдруг поверила после прощальной фразы Буратиноса: «Бог - это тонкое свечение внутри нас». Она беззвучно шептала: «Боже, надоумь. Надоумь,

Господи». И тут же вспомнилось. Она же ждёт - не дожждётся «женских гостей». Но их нет и уже, наверное, не будет. А ведь она столько времени была не нужна Юрию Ивановичу. Не слишком ли рано пропало её главное женское отличие? Художник елозил по паркету в шаге от неё. Бро поразительным для самой себя, отрешённым тоном повторяла про себя одно и то же стёбовое слово: «Отзынь»! Но, чтобы не позориться, поцеловала Во-веньку в плечо, и он увязался за ней, обтирая коридорные стены. Она от неловкости за происходящее, впустила его в свой номер.

...Боже, неужели она никому, никогда в жизни не была так нужна, как пьяному Вовеньке, нужна вся, до скукоженного мизинчика на ноге?! Слава Богу, всё немыслимое случилось только в её голове, потому что, кроме следок, он ничего не сумел с ней стащить.

Они с чудотворцем, вообще, не сближались. Просто его мочальные губы скользила по коже её щиколоток.

Потом она услышала его осипший голос.

- Мы, последние обречённые не обручённые, нужные друг другу. Мы оба будем тосковать о несбывшемся, но это лучше, чем вспоминать обиденное. Таких, как мы, нас, друг у друга больше не будет: отныне и присно. Мы необходимые и недостаточные!

Чудотворец уполз из номера, если считать локти движителями, на «шестереньках», а Бро почувствовала, что вот-вот разревётся.

Неожиданно дверь её номера открыла своим ключом напарница. «Вот бы, чего доброго, застала», - испугалась Бро. А напарница уже каталась по своей, ещё ни разу за весь срок отдыха не разобранной постели и взывала к справедливости.

- Я сейчас восхитилась Твоим - он полз от тебя, зажав в зубах «следки». А мой, чревоугодник, подарил мне, ты не представляешь что! А ведь мы столько времени - не разлей вода - у него в люксовском номере. А он, скот, только что сунул мне в руки брошюрку - книжку и сделал ручкой. Даже не попрощался почеловечески. Нарочно сделал вчера так, чтобы мне не стало хорошо. Сказал: «Надо приберечь себя для супруга»!

Ну, не скот!? Боже. Где были мои глаза? Меня же предупреждали - на курорте не женятся, а только поджениваются. Теперь сама никогда никому даже пятку не обнажу. Господи, почему мне попадают одни скупцы? За что? Почему я такая дура? Отныне ни за какие коврижки никогда не отпущу мужа отдыхать на курорт одного, тем более в люксе. Я теперь знаю, что там творится.

Она, наконец, обратила внимание на Бро, вытерла слёзы и перешла на «вы».

- Как я вам завидую. Вы единственная святая из всех отдыхающих. А я теперь буду трястись, как последняя бура, глядя в свой женский календарь, и проклинать всё на свете. Господи, пронеси. Господи, накажи его... неизле... Ой, что я говорю, прости меня, дуру грешную.

Она достала из сумочки книгу и бросила на журнальный столик.

- Полюбуйтесь подарком моего хахаля. Как бы не разорился, скот!

Бро даже «вверх ногами» прочитала на книге. «Серафимович. «Железный поток». Напарница заламывала руки.

- А ведь весь срок пил, жрал и веселился на денёжки моего мужа. Клялся, что всё пропил

до моего заезда. И ведь сам женат, скотина. Ну, почему я такая дура? И ведь каждый год - одно и то же. Обидно.

...В Аэропорту Вовенька молчал. Только в самый последний момент сунул в сумочку Бро сверток.

- Что это? - ужаснулась Бро.

- Не бойтесь - не деньги, - скривился Вовенька. - Долг пришлю по почте.

Продиктуйте адресок.

- Вы мне ничего не должны. «Пропито и проедено - в дело всё произведено». Так, кажется, говорил Пётр Первый?

- Только в слове «проедено» вместо «д» буква «б», - вздохнул Вовенька, - но, чего не было, того не было, а жаль.

- За что купила у подруги, - вспыхнула Бро, - за то и продаю.

- В свёртке Ваш портрет анфас. Единственно, что вас покоробит - вы на портрете

- немножко немка. Увы, как и сам ваш покорный слуга. Можете сказать мужу, что портрет - награда на конкурсе «Мисс - Каменное море».

- Муж не спросит.

- А вдруг? В семейных распрях.

- Нет, просто я ему с некоторых пор, не интересна.

- Всё - как у всех.

- Не люблю, когда - как у всех.

- Не любить - здоровью вредить, любить -себя сохранить.

- Это ваши слова?

- Нет, конечно, моей однокожницы. Такой, честно говоря, и кожу не жалко.

- А я вот - так, по большому счёту, никому не нужна.

- А я и - по маленькому-то, нужен только сам себе.

- Вы счастливый. А что делать, когда и себе не нужен?

- Женская философия - чёрно-белая. У вас просто узок круг общения. Как и у меня. А ведь кому-нибудь мы позарез нужны. Например, друг другу.

- Я вот, - оживилась Бро - рыбкам нужна.

- Каким рыбкам?

- Аквариумным. Я вижу их свечение. А одна, перед моим отъездом плохо светилась.

- К рыбам я равнодушен.

- Мужчиной быть проще. Ваше эго не имеет предела.

Вовенька кивнул.

- Зато женщиной - куда интереснее.

Бро едва сдерживалась - глаза туманились слезами.

- Я давно не придаю особого значения любому виду соития: что контактному, что бесконтактному, что нетрадиционному - менторским тоном загундел Вовенька, - оно у всех живородящих ничуть не уникальнее, чем у тех же ваших рыбок. Но вот безответное чувство -скорее всего другим особям недоступно.

- Ошибаетесь, - слушая вполуха, кивнула Бро, - ещё как доступно.

Они коснулись друг друга кончиками пальцев. А в самолёте Бро вдруг ужаснулась: а что, если она, и вправду, никому в жизни не будет нужна как женщина? И ей уже никто никогда в жизни не будет нужен как мужчина? Неужели вместе с «женским началом» у неё пропадёт чувство «нужности»? Неожиданно подумалось: если, на заре девичества, главным она считала - полюбить самой, то вот сейчас, на закате женственности, ей куда более важным показалось - чтобы полюбили её?! Или у всех по-разному? Так хотелось поскорее прижаться к Юрию Ивановичу, и чтобы всё было - как было когда-то.

Или чего уж проще - увидеть бессловесных рыбок и убедиться - им тяжелее: она хоть побывала на свободе, а каково им в аквариуме?

6

Встретила Майка. Почему -то не бросилась на шею. Чмокнула в щёчку и остеклянила глаза. И, вообще, её окутывал какой-то туман.

- Юрий спит - не смогла добудиться.

Заказали в аэропортовском ресторане красное некрепкое и чего-нибудь зажевать.

- Бро, бить тебя некому: и не купалась и не загорала, - вздохнула Майка. -

Признавайся - кем и чем занималась?

- Сначала ты. Как рыбки?

- О Юрие Ивановиче не хочешь спросить?

- Как не хочу? Как он?

- Всё - по плану. Буратинос организовал рекомендацию. Юрий съездил доложил - как он умеет. Проголосовали единогласно. Подал на конкурс - там всё схвачено. Со дня на день съедет в столицу и сядет в кресло Капуцина. : Остальное - бытовуха. Спокуха, скукотуха. Я кончила. Давай теперь, ты рассказывай. Сразу говори, кто он?

- Рыбка жива?

- Куда она денется, твоя рыбка? Плавает. Да-же, по моему, подросла. Как она называется?

- Неон.

- Не он, - Майка подмигнула. - А он - кто? I

- Представь себе - никто, - первый раз в жизни Бро не захотелось откровенничать с Майкой: чуяла - Майка темнит.

Для подтверждения своих догадок Бро развернула свёрток со своим портретом прямо перед носом Майки. Та подпрыгнула со стула и, явно нарочно, чуть не села мимо. Все посетители ресторана дружно обернулись.

- Это называется - без меня меня женили, поздравляю. Вот молодец. И поделом.

- О чём ты? - удивилась Бро.

- О своём девичьем. Просто, я знаю технологию, как сделан твой портрет. Самодеятельщина.

- Как думаешь? Стоит показывать Юрию Ивановичу?

Майка притворилась глухой.

- Твой портретист тебя сперва незаметно сфотографировал. А потом с фотки перенёс портрет по клеточкам на ватман. Доказать?

Бро свернула портрет в трубочку.

- Не хочется разочаровываться.

- Ты хоть догадалась, кто тебя рисовал?

- Неужели один из твоих Жориков? - сникла Бро. - Сколько же их у тебя?

- И не говори, - Майка отмахнулась. - Липнут ко мне - как к мёду, а я - из дёгтя и мазута.

Бро почувствовала как задёргалось веко: только этого не хватало.

- Но нарисовал похоже, - Майка пыталась улыбаться - получалось плохо, - значит влюбился?!

- Ещё скажи -каждой клеточкой, - усмехнулась Бро.

- Не уверена. - поджала губы Майка. - А вот ты, судя по всему, размагнитилась.

- Ладно. Ничего такого этакое у нас с художником не было. Так как-то по-детски.

- Дай тебе Бог подольше задержаться в детстве. А я живу только научной мыслью. Остальное - банальное скотство: ешь, пьёшь, топчешь и зыркаешь в цветной ящик, пока не «сыграешь в чёрный». Кстати, мы с Юрием Ивановичем перенесли «телек» из кабинета на кухню.

Бро насторожило это «мы с Юрием Ивановичем», но (не заниматься же разборками), кивнула.

- Если «всё для фронта, всё для победы» - какие возражения.

Значит, пока Юрий Иванович обмывает успех и ждёт?

Майка по-покойницки ладонью закрыла себе глаза.

- И нам с тобой ничего не остаётся. Будем ждать отрезвления. Ждём-с.

Как-то слишком уж запанибрата вела себя Майка.

- Кстати, я же совсем забыла - меня срочно вызвали в Москву. Поедешь со мной?
- А зачем мне? - спросила Бро.
- Желательно бы самой показаться, других посмотреть. -Анализы-то мои готовы? -
Анализы в норме, - но глаза Майка отвела в сторону. - И флюорография ничего не
показала. Но пообщаться с моими друзьями, колдунами-экстрасенсами, не
помешает. Пока я буду проталкивать конкурсные дела Юрия Ивановича, тебя хоть
подзарядят новой энергией и поменяют программу мотивации. Мой поезд через
час отходит. А ты - как только -так сразу. Не тяни - буду ждать. Вот так вот -всё
раз и пас.

7

В первую ночь после курорта Юрий Иванович попытался притвориться «по
мужской части», но Бро сразу поняла - какая-то новенькая - красавица -
карьеристка заступила вместо неё на супружескую вахту. Не впервой. Они ведь,
учёньенкие дуры-глазопыры, как думают? «Видали мы - дурь, да силищу, а умище
-один на тысячу». Майка звонила почти каждый день. Но теперь секретничала -
только после того, как Юрий Иванович запирает за Бро дверь на крючок. Да, Бро, и
без этого, зареклась подслушивать их перезвоны.

После какого-то Майкиного звонка Юрий Иванович совсем перестал замечать Бро,
не хвалил диетическую, с учётом его вечных гастритов, «стряпню», молча, глядя в
свою тарелку, заглатывал всё без разбору и сбегал на работу, в свой кабинет,
просто - в никуда.

Напряженность отношений Бро чувствовала кожей: тяжело дышалось, хотя она
ещё на курорте перестала даже баловаться, сигаретами. Настроение было такое
безразличное, что собой заниматься не хотелось. И вообще, всё в доме
предвещало длительную блокаду или осаду. Бро даже сама позвонила Майке. -
Что с твоим голосочком? - сразу спросила та.

- Наверное, простыла, - высматривая в зеркале слёзы, отбрехала Бро, - просто,
ты понимаешь какая история? У Юрия кто-то есть.

- Это для тебя большая новость? - хохотнула Майка.

- Совсем не новость. Просто раньше он по этому поводу иронизировал, а на этот
раз - ни полслова - с ним что-то твориться.

- Не нагнетай. Мужики тоже люди. Просто у Юрия Ивановича начался
климактерий и всё.

- Климат... что? - забеспокоилась Бро.

- Новое понятие: климактерий - мужской климакс. У меня, кстати, у самой всё
наперекосяк: ни «мено», ни «пауз».

- А у меня ещё перед курортом всё женское отключилось. И уже, наверное,
навсегда.

- Бальзаковская дурында! - оборжалась Майка, - не поддавайся панике: женщина
для мужчины до конца земной жизни - баба. А тобы вовремя прокукарекать под
петухом - адо просто глубоко вздохнуть, досчитать про себя до трёхсот и зычно
выдохнуть: плёвое дело - у меня легко получается. Главное, не вздумай выяснять
отношения с Юрием Ивановичем. Давай, всё бросай и срочно выезжай ко мне.
Встретимся и расставим «палочки по полочкам».

В кои-то веки Юрий Иванович вдруг размягчился: наверное, после очередной
Майкиной телефонной накачки. Он вдруг заявил.

- После столичного вояжа - уволишься со своего зловредного завода и оформишь
досрочную пенсию. Проживём на мою профессорскую зарплату.

И правда что, надо дом приводить в порядок. И Юрию Ивановичу нужно
трёхразовое домашнее питание.

Среди ночи вдруг явился Юрий Большой. Юрий Иванович обычно звонил, а сын открыл дверь своим ключом. По долгому ковырянию и нескольким падениям ключа Бро поняла состояние сына. Быстро набросила халат, поставила чайник, сунула в духовку жаркое. «Юрий -Юрий, Большой, а без гармошки, - вглядываясь в жёлтые белки глаз сына, надрывала душу Бро. - Не пил бы ты как отец: он - птица большого полёта, а ты ещё с этой Евкой низко летаешь над грешной землёй - не зацепись за крест Божий».

Юрий Большой говорил медленно жёстко, пытаясь продемонстрировать трезвость мышления. Получалось: «Эта твоя лучшая подруга Евка день и ночь сосёт из меня, - он икнул, - все деньги вместе с премиальными!»! «Встречает на проходной и позорит!»! «Ничего не готовит, не стирает, не гладит, полы не моет -только зудит и зудит!»! «И на хрен надо было дураку жениться?» «Короче, сыр-бор - перебор, да всё летом - не разбери-поймёшь и главное паскудство: Евка - мало того, что скурвилась на деньгах, так ещё и внушает мне, что меня держат на работе только благодаря её унижениям: вроде - она со всеми моими начальниками спит. А перестанет - они меня выгонят в три шеи».

«Господи, - подумала Бро, - как хорошо, что Юрий Иванович где-то колобродит и не слышит весь этот полустон полубред».

Бро, конечно, всё поняла по-своему, с учётом - одного, другого, пятого, десятого, полуслова, полуслуха, полунамёка», о которых, никто, кроме неё, не знает и не узнает. И, хоть давила мысль о неустроенности сына, (хотя он, пьяный, не подарок - не хуже отца); о злключениях его прошлой и, упаси Бог, будущей холостяцкой жизни, всей своей сутью встала на его сторону, хотя, если он действительно пропивал всё и вся, Евку тоже можно было, в какой-то степени понять. Но мать она или не мать своему безалаберному сыну? Не на сторону же своей неотнянной подруги Евки вставать?

Ну как можно воспринимать эту невестку Евку после её «толстого намёка на тонкие обстоятельства», пусть даже сказанного со смешком и «не в своём виде». Как только у неё поганный язык повернулся ляпнуть: «У твоего Юрия Ивановича больше, чем у Юрия Большого: я имею в виду, не подумай чего плохого, - мозгов! И, вообще, не забывай, подружка Бро, ты должна за меня вечно Богу молиться. Ни кто -иная, а я познакомила тебя с Юрием Ивановичем. Не спорю: он был тогда простым аспирантом, батрачил за копейки, но всё равно ты у меня его отбила. Правда, всё справедливо: на мне бы он ни за какие коврижки не женился. Твоя заслуга, что Юрий Иванович попёр в гору. Но согласись: я грамотно вас вычислила».

Бро пыталась найти для Юрия Большого успокоительные слова, но чувствовала - получалось как-то надрывно.

- Не бери, Юрий Большой, глубоко в душу супружеские перипетии. Мне кажется, у вас с Евкой давно: всё - не слава Богу. Сложно тебе находить с ней общий язык. Но она тебя любит. Потерпи. Осмотрись. Оцени. Подумай. Порвать-то всегда легче - чем заштопать.

- Мы разругались навсегда, мама, - рубал рукой воздух Юрий Большой. -Теперь буду до конца своих дней с тобой и с отцом. Только отосплюсь. И начну другую жизнь.

- Ну что там, у вас с Евкой вдруг случилось? Чего-то серьёзное?

- Для меня - да. Евка велела мне взять кредит. А мне на работе сказали: «Всё, больше никаких кредитов. Живи по средствам». А Евке вдруг, вынь -да выложи, загорелось новую сараюшку сварганить да базарным «геноцва-лям» её сдавать в аренду. И орать: «На питьё у тебя денег всегда хватает, а - на чего стоящее,

дельное - никогда»! И как мужчину меня унизила в присутствии друга. Нарочно. Этого я ей не прощу. Сколько можно терпеть?!

Бро кивала. Знала она, как охоча была Евка на «динамо» с «геноцвалами». Даже отчитывалась перед ней об очередном «генацвале» - не в чём-то, а - в деньгах. «Ты не согласишься, Бро. В прошлый раз случайно сунула руку в карман одному «генацвале» - и сколько захватила, столько и выхватила. А в этот раз сунула руку, а в кармане - дырка с трёшкой. Я ещё подумала: «Одно из двух: или он меня собирает «кинуть» или его, до меня, какая-нибудь «прости - господи» обчистила. И на чёрта лысого, думаю, он мне сдался- нищий жмот»? Юрий Большой исчез сразу же после того, как отоспался.

* * * * *

Вдруг укатил в столицу Юрий Иванович. Теперь Бро звонили трое. Юрий Иванович звонил с извинениями, что укатил без предупреждения его, оказывается, увезли на машине. Он так и мотался, утверждался: в Москву и обратно. То «по конкурсным делам» к Майке «растратиться», то - к Бро «набраться». Клялся -божился: со дня на день его утвердят. Бро устала повторять: «Ни пуха, ни пера». Тем более Юрий Иванович хоть и презирал суеверия, но демонстративно не посылал её «К чёрту».

«Главное, Бро. Юрия Большого вырви из Евкиной ямы - пусть у нас живёт», - ёрнически командовал по телефону Юрий Иванович»

Звонила Майка. Материлась, что хорошие люди Богу нужны, а «всяких последышей Капуцина» никакая «холера не берёт», и они ставят палки в колёса конкурсных дел Юрия Ивановича. Сейчас на мази пара самых первоочередных дел, но пока о них говорить преждевременно. «Бро! Ты не представляешь, что делается в этом «грёбаном НИИ при молчаливом попустительстве этой геморройной Академии наук-это не храм науки, а «казино в бардаке». Но, слава Богу, нет ещё таких крепких мужиков, которые не преодолевались бы половым путём».

Финансы Бро «пели романсы», утекали быстрее времени, не давали раздышаться, гоняли её по замкнутому кругу подруг, заставляли занимать и перезанимать, опустошали и высасывали последние соки...

Звонил Юрий Большой и успокаивал. «Отхватил «на халяву левак». Эта твоя Евка о деньгах узнала - рвёт и мечет икру». Но он начал другую жизнь: к Евке - ни ногой. Бог надоумил его вернуться к своей первой, нет, не первой любви, а - к своей первой женщине, безропотной Дусёне. И та, добрая душа, приняла его как родного. И её уже первоклассник, сын успел привязаться к нему, как к отцу, хотя там есть отчим (или отец - не поймёшь), который, правда, в бегах от алиментов. И, вообще, они с Дусёной окончательно решили связать себя «узами брака», потому что с другими у них обоих, что у него, что у неё - сплошные «фиас-ки». Так что всё у него теперь будет «хоккей». «Ты, мамочка, не расстраивайся: не у одной у тебя сын такой «индиго» - от слова «идиот». А о своей Евке забудь, с ней покончено раз и навсегда. Он, конечно, если она, с дуру родит, деньгами её не обидит, но будет давать, сколько сможет.

Бро поддакивала, но сердце выстукивало сомнения: когда всё хорошо - об этом не долдонят по телефону.

По несколько раз в день звонила по телефону Евка и рыдала, умоляла, чтобы Бро, как мать, разыскала её, хоть из-под земли Юрия Большого («Я и говорю: «Юрка - вещая каурка, маменькин сынок», - ты без меня подхватишь, не дай Бог, что-нибудь неизлечимое, и пропить тебе всё до копейки с «не знаю с кем» рано

- сперва научись зарабатывать»!) и не только разыскала, а и заставила как мать вернуться к ней, святой «половой наставнице», потому что он с другой уже не сможет, а она, Ева, без него, «вообще: как рыба без воды, как птица без воздуха, как цветок без солнца и, главное, как жена, без отца своего будущего ребёнка». И Юрий Большой об этом знает. И всё дело в её «беременном токсикозе». Она сама его набаловала - вот он и бесится. Но пусть Бро внушит сынуле, что, когда он вернётся, Евка всё простит и всё будет хорошо.

Бро обещала поговорить с сыном. Но что она скажет? И разве он её послушает? Какой он «маменькин сынок», если женился и не спросился!?

Юрий почти не звонил. А Евка перешла на угрозы. Пугала и Бро и себя: «Я и говорю. Если Юрий Большой не вернётся, - я чего-нибудь с собой сделаю. И грех будет на тебе как матери. Но не это главное: главное то, что по нему скучает её дочь, плачет ночами, не спит! Как это ты, Бро не знала о дочери? Здрасте, я ваша тётя. Я же говорила, что девочка сбежала к нам с Юрием Большим от отца с мачехой - там её развращали». А девочка-чудо, глазки голубые, высокая стройная - вся в меня. Какой там «папочка»: он весь под каблуком сучки-мачехи. Поэтому девочка и тоскует по Юрию Большому, он ей как отец родной. Я и говорю: Юрий Большой сам её набаловал. Он с ней и играл, и обучал всему и вообще». «Я и говорю, только ты, Бро, можешь уговорить его вернуться ко мне. Пообещай от моего имени, ему, что всё будет теперь у нас с ним подружому, сколько даст денег - на том и спасибо, даже пусть совсем ничего не даёт: проживём на мои копейки, с голоду не умрём. Скажи, хотя бы, его адрес и телефон. Не может быть, чтобы ты не знала. Я и говорю: на работе не могу выискать. Не хочется пока жаловаться его начальству и портить ему карьеру. Сама знаешь, как сейчас с работой».

Евка, оказывается, по своим божественным каналам, как жена, сколько раз «отмазывала» Юрку-вещую каурку от суммы да от тюрьмы-только он этого не ценит и не знает, потому что Евка «прятала концы в воду». Всё ей, как бабе, понятно. «Я и говорю. Пусть Юрий Большой погуляет, но пусть нагуляется и, по быстрой, вернётся. Я буду ждать хоть всю жизнь»... «О каких деньгах он там тебе мелет? Она их сроду не видела - его деньги. Ну, брал он пару раз кредит. Но на кого с крыши капало - на него же самого. Дом-то частной постройки, постоянно требует ремонта»... «Я и говорю, что у него руки золотые: он сам всё делает, своими руками. Но ничего же теперь на свалках не валяется не советские добрые времена»... «Я и говорю, сволочи, олигархи, свою копейку считают, а чужую выгребают. Недолго им осталось издеваться - простой народ им ничего не простит». У Бро после этих Евкиных телефонных монологов болело всё: «от края и до края». Сердцу не прикажешь, а таблетки почти не помогали. Ни с того, ни с сего, появилась одышка. Видно, одно к одному. Годы не те, организм не тот, здоровье не то. Ночью не спится, днём не бежится. Звонила всяким-яким подружкам. У всех те же болячки. Стоны, слёзы, жалобы. Все дурью маются - никто себе места не находит, никаким делом заняться руки не доходят, все мужей хаят, сыновей, дочерей клянут за неудачные женитьбы, замужества. Нарожали детей, а сами до старости хуже детей. Дочери ничего не знают, ничего не умеют, палец о палец ударять не хотят: не то, что «мы в своё время». Но подружки все как одна матери - одиночки, брошенки. Всё же Бро - не им чета. Муж не сегодня-завтра станет, поднимется на недостижимую высоту, получит целый институт, если Майка не брешет. Хотя какой ей смысл. Для себя же и хлопочет...

Нет, в таком разобранном состоянии нет никакого смысла лечиться: уж это-то Бро знала - с тех времён, когда ещё жила с мамой и носила «передачки» в городскую тюрьму, а та успокаивала: «Ты прости меня, доченька, клянусь, я ни в чём не виновата. Все разбежались, разъехались, отмазались и навалили всё на меня одну - безмозглую, безъязыкую. Но тебе лучше не знать правды. От неё все

муки человеческие. Особенно женские. Блуди себя и никого не допускай в своё сердце». Как просто советовать. Вот, попробуй, запри сердце на замок, если он сломан при изготовлении.

Оставалось одно: ждать возвращения из Москвы хоть кого, хоть Юрия Ивановича, хоть Майку-укрепку: одной-одинёшенькой, что в горе, что в радости - страшно за себя. А подружкам только бы самим высказаться, поплакаться. Тем более, сама Бро приучила их - всё у неё хорошо - грех жаловаться.

9.

Юрий Иванович который день смотрел зверем, молчал, хранил какую-то свою «тайну» в тайне.

Позвонила обрѣванная Евка: «Я и говорю. Юрка - вещая каурка, вернулся. Спасибо тебе конечно. Но лучше бы он оставался со своей первой сучкой. У меня разбит нос и сломан нос. Пластику я, конечно, сделаю, но Юрке Большому это дорого обойдётся - не сроком, так штрафом. Я и говорю, что руки распускать никому не позволяла и не позволю. Помнишь, как я своего первенца -циркача - клоуна посадила за надругательство над моей честностью. А Юрку твоего, вещую каурку, пусть пока не посажу, но запугаю так, чтобы в другой раз сбегать не повадно было».

Бро с трудом настроилась на сочувствие, уговорила Евку не выносить сор из избы. «Сама знаешь Юрия Большого. Как бы не сорвался. Стерпи». Евка поклялась: «Я и говорю - дуры мы, бабы, всё прощаем этим мужикам. Ладно, долг платежом красен: уговорила, смолчу покуда».

Перед вынужденным походом в поликлинику, (Юрий Иванович настоял) чѣрт дѣрнул Бро прибить свой «курортный портрет» в прихожей. Когда вернулась домой с кучей направлений на обследования, (везде очереди - полжизни ходить-не переходить), сразу всё поняла: портрет на ниточке свисал с люстры, а Сам восседал в «маминой дореволюционной качалке» и сверкал разбитыми очками. - Хотя бы соблюла приличия, - бросился в психическую атаку Юрий Иванович, - женой всё же считаешься. Так не прячь жопу в песок, когда рожа в говне. Думаешь я не в курсе, откуда у тебя этот портрет?! Думаешь, я не виделся в Москве с этим твоим санаторным художником? Да, он сам просил меня отдать ему тебя с потрохами.

- Ты шутишь?

Когда это я с тобой шутил? Курортная простота. Твоя подруга Майка познакомила меня с этим «жориком», портретистом Во-венькой. Ещё в шутку спросила меня:

«Какая разница между Юрашей и Володяшей? И сама ответила: «Один жуй»!

- Неправда, неправда, - зашлась было Бро, - не было, ничего не было.

- Чего неправда? Твой художник сам подтвердил, что рисует только баб, с которыми он имел, говоря интеллигентным языком, коитус.

- Не мог он, не мог он так сказать, - глупо защищалась Бро.

- Хочешь я ему, этому санаторному Рембрандту, при тебе, позвоню? И он повторит.

Нет, не повторит.

- Повторит. Прямо сейчас? Хочешь услышать его голосок? - раскачивался в кресле Юрий Иванович и всё пытался на ходу сорвать увѣртливый портрет с ниточки. - Он повторит, мерзавец!

- Не надо так. О покойниках - или хорошо или ничего, - опустила голову Бро и прижалась спиной к стене.

- О каких ещё покойниках? - нахмурился Юрий Иванович. -

- Позавчера Майка звонила. Художника этого, как ты его обозвал, Рембрандта,

нашли дома пьяного с проломанной головой.

Бро перекрестилась и опустилась на стоящий рядом стул.

Юрий Иванович как раз вцепился в портрет. И разжал пальцы.

- Подрался? - чуть поперхнулся он. - Или убил кто?

- Кто же знает? На молотке не написано.

- Майка нашла его?

- А кто же ещё? - с трудом встала Бро и пошла к шкафчику с лекарствами.

Телефонный звонок остановил её. Сняла трубку. Даже обрадовалась голосу Юрия Большого.

- Mamochka. Только ты выслушай спокойно. Я от Евки звоню. Всё у нас теперь будет хорошо. Она тебе привет передаёт. Отец-то дома? Ну привет ему. Будет время - забегу.

Бро повесила трубку. Пошатнулась. Едва не упала. Юрий Иванович подхватил, помог дошагать до дивана. Напоил микстурами. Чуть свет разбудил звонок.

Конечно, Майка, кто же ещё?

- Бро. Говорю из аэропорта. Вылетаю. Везу хорошую новость. Юрий Иванович прошёл конкурс. Поздравляю всех нас. Готовь банкет. Подробности - по приезде. Бро кивала, хотя понимала - Майка её кивков не видит. Но...

* * * * *

Застолье, по случаю встречи, длилось недолго. После стандартных поздравлений слово взяла Майка.

Говорила, как ставила подножки. Бро не успевала подниматься с колен.

- Кончайте себя изводить. Оба. Я вношу грамотное предложение. Оно необходимо и достаточно. Другого выхода нет. Не выясняйте отношений - это мёртвому припарки. Моё предложение экзальтированное, эксклюзивное жёсткое и даже жестокое. Но уж не взыщите - карьера прежде всего. Разводиться, по сути, вам не надо. Это не вовремя и глупо. Но и лобызаться не обязательно. Время работает против нас всех. А мы поработаем против него. Помолчите оба и выслушайте. Когда поймёте - будете меня благодарить. Всё это наше земное - выведенного мужского яйца не стоит. Во все времена ценился только разум. Так вот - по уму. Между вами всё останется как было. Теперь главное. Напрягитесь. Любовь проламывает голову изнутри или снаружи. Учёным людям любовь вообще противопоказана. Но для окружающих важно верить, что умные люди, если и женятся, то по уму. Это я всё вас подготавливаю. Ещё довод: мне сказали, что Юрию Ивановичу на его новой должности надо быть женатым на женщине с московской пропиской и более того, на женщине особого доверия. Работа связана с секретной деятельностью - ничего не попишешь. Теперь суть моего предложения. Юрий Иванович формально с тобой, Бро, разведётся. И тоже формально женится на мне. Но это ничего не изменит. Жить будем вместе - все трое под одной крышей, естественно, под моей. Я как жена нужна Юрию Ивановичу, как «ширма от не наших с тобой «внутренних» органов». И, давай честно, Бро, ты же догадывалась, что мы с Юрием Ивановичем всё это время, не в куклы играли?

Майка скорее всего играла, в какую-то игру. Правда, непонятно - в какую? Кто знает? Может, хотела как лучше: чтобы, например, Бро взревновала, психанула, встряхнулась и вырвалась из оков непонятной потери сил?! Говорят же, что болезнь как клин: легче всего клином её и выбить?! А может, и Юрий Иванович играл с ней в паре?!

Бро почувствовала, что у неё нет желания - даже кивнуть. Краем глаза заметила насупленное лицо мужа. Значит, они с Майкой всё это давно и трезво

обговорили. Поэтому он и молчал: жалел их обеих или себя?

Бро попросила Юрия Ивановича капнуть ей как можно больше всяких капель, прилегла на не разобранную кровать и прикрыла глаза. Юрий погасил свет, и они с Майкой почему-то на цыпочках вышли.

А Бро даже позволила себе мысленную иронию.

Вот уж кто из Юрия Ивановича не получился бы - так это султан. В гареме даже из двух жён, если бы он и зажил, то только в должности главного евнуха. Но она при всей её просто- дурости на параллельную семейную жизнь не согласилась бы никогда. Правда, на пенсии судьбу не выбирают. Не хотелось видеть будущее в туманном обличий, но вся её сущность встала на дыбы. Нет, нельзя доводить отношения до момента предельного натяжения. Людские нервы не струны - новые в магазине не купишь. А старые кое-кто беспощадно издёргал. Но теперь всё кончено, пора и по больницам. Хотя, чего кончено? Начатое ещё продолжается. Что начатое? О чём она? О своём, о девичьем, о словах Юрия Большого: «Мама, ты с этой Евкой долго по телефону не рассосоливай.

Здравствуй и прощай. Она ведь не просто так говорит, она ведь подключила к тебе всех своих знакомых и незнакомых знахарей, ведуний, колдуний и ведьмачек. А Р их у неё, как контрмарочников на концерт Лёвчика». Она мне так и сказала: «Я и говорю, когда ты, Юрка - вещая каурка, меня бросил на произвол судьбы, я портрет нашей с тобой разлучницы, твоей мамочки, раздавала кое-кому, кто обещал тебя от неё отвести и ко мне вернуть. Знай, - я никогда ни перед чем не остановлюсь в борьбе за твоё счастье. Ты у меня последний, а у твоей мамочки - не ты, а твой отец на первом месте. Когда ты вернулся, я попросила: снимите с мамочки Юрки - вещего каурки сглаз, мне ответили: «Поздно, голубушка, наше колдовство обратной силы не ; имеет. Так что передай своей мамочке: пусть она разыщет добрых колдуний, и они её пере колдуют на другую программу жизни».

«Ты поняла, мамочка? Давай, ищи добрых колдуний, принимай меры», - добавил Юрий ; Большой.

В своё время, когда Бро впервые почуяла тайную связь между Юрием Ивановичем и Майкой, Евка познакомила Бро с «добрыми ведунами», те заверили: у Юрия Ивановича всё будет хорошо, но мутит воду одна загадочная подруга и на неё они наведут порчу. И совпало - вскоре Майка сломала шейку бедра. Слава Богу, какой-то её тогдашний Жорик оказался хирургом-светилом: кость у Майки срослась без осложнений.

Ох, уж эти порчи и антипорчи: если в них верить, жить не хочется. Майка после того «наведённого порчей» перелома, некоторое время чуть прихрамывала, но зато стала ясновидающей: правда не как Ванга или Мессинг, но уж как Дробовой - вне всякого сомнения. Кстати, с Дробовым у Майки тоже были какие-то особые отношения, но, по её же клятвам, только по сверх секретной работе. Скорее бы вся эта тяжба с Майкиным «выходом замуж» за Юрия Ивановича кончилась. Сил у Бро не оставалось ни на что. Побудительные мотивы таяли день ото дня.

Майка почему-то тянула. Чтобы отвлечься от бытовухи, Бро взялась подработать «на тряпки»: ну не могла она пройти мимо магазинов и чего-нибудь не купить, хоть в том же задрипанном «секонд хенде».

Под настроение, пока стриглась, приняла предложение парикмахерши обогатиться на «бабских добавках» для похудения. «Нечего побаиваться, - заверила парикмахерша, -самый бабий бизнес. Хоть все «добавки» разом выглохтай - не помрёшь, но, правда, ни на грамм не похудеешь - только аппетит нагуляешь. Проверено на себе, дуре. Но таких дур, на наш век хватит. Берись - у тебя полно подруг и родственников. Кому деньги некуда девать, тех и облапошивай.

Ставь себя в пример. Ты вон как похудела. Клянись, что от таблеток». Похудеть Бро, действительно, почему-то похудела. Но «бабым бизнесом» облапошить никого не получалось. Подруги удивлялись дешевизне и все цены перепроверяли, выдумывали всякие предлоги для подозрений, выискивали, где те же «добавки» на копейку дешевле. И что горше всего, самая близкая родственница, сестра Юрия Ивановича, нахватала гору «добавок», как сама сказала, «что-бы самой хоть чуть наварить», да виднохватила лишку и припёрла всё обратно. Да ещё говорила через губу и пряча глаза.

- Не надо «ля-ля», я узнала твоему товару настоящую цену, да у тебя ещё льгота. Мне сказали, где дешевле. Так что заberi свои пилули и верни мои деньги. Там и денег-то - мизер.

Деньги, конечно, Бро тут же вернула, хоть и пришлось перехватить у парикмахерши. Не вводить же в курс дела Юрия Ивановича - у него своих забот полон рот. От той же парикмахерши и узнала, что «сестра твоего профессора» пыталась рассчитаться этими «добавками» за стрижку, и клялась «за что купила - за то и продаю», а я-то, не будь душой, карандашиком внутри упаковки цену-то записала. Она и утёрлась. Все же мы бабы ищем выгоду, но должна же быть совесть».

Добавки так и остались непроданными. Права была парикмахерша: «Тебе, Бро, я чую не до сук: дохода от тебя нет - одни убытки».

Но никого из подруг, даже на сестру Юрия Ивановича, Бро зло не держала. Она-то хоть замужем - ей легче прожить. А чего с них взять, несчастных «брошенок» вдовых незамужних матерей - одиночек? У них, может, всё счастье - хоть какая-то нажива.

Пришло извещение из Собеса. Пенсию Бро почему-то уменьшили: задним числом применили какой-то новый указ и вычли из стажа срок декретного отпуска.

Выяснять и ругаться, а то и совать взятку не было ни сил, ни желания. Просто подумала - кто же придумывает такие законы, которые ущемляет рожениц? Неужели все, власть предержащие, традиционные враги собственного народа, если докопались, как обидеть пенсионерок за когдатошние «декретные отпуска»?

10

Бро чувствовала - проблема «двоежёнства» тяготила и Юрия Ивановича. Бро не приходил в голову никакой путный из сложившейся нелепости. А вот побудительный мотив теперешней жизни, жалость ко всем родным и близким, таял, как сосулька.

И Бро решила посоветоваться с двоюродным дядей Иваном. Дядя, конечно, не Бог весть кто: в личной жизни дважды вдовец, (правда, по собственной воле), алиментщик, балагур, пьянь, профан и маразматик, но, как он сам себя рекламировал, «слесарь на все руки», «умозрительности непостижимо», другому посоветовать - хлебом не корми, скажет доброжелательно честно и мудро, как никто.

Дядя Иван к Бро относился трогательно и участливо. И Бро уважала его за человечность. Кто в своё время посоветовал не сомневаться и не отваживать Юрия Ивановича, тогда нищего студента? Сказал только: «Только в карман мужику не заглядывай. У твоего Юрия Ивановича глаза не обманчивые, не как у твоих шалавых допризывников. Такой не предаст. Худой, ноги короткие - настоящий мужик: крепко будет стоять на земле, упадёт - не пропадёт, встанет да пойдёт. И в постели - твёрдость обеспечит, длинные-то ноги - кроме размера ботинка- ничего мужику не дают. И лоб у твоего Юрия Ивановича «выдающий» - видать мозг ленинский. Держись за него. Далеко пойдёт, высоко взлетит, если от

пьянки уберётся. За ним - как за каменной стеной - с голоду не помрешь. И наберёшься от него житейских умознаний, не то, что от твоих мотовок-подружек. Благославляю, интересную жизнь проживёшь - чего лучше»!

Кто подсказал Бро не делать аборт, забеременеть и родить как можно раньше? Дядя Ваня. «Легко родишь. Сын будет твоей гордостью. И Юрий Иванович твой никуда от тебя не денется. Родишь - с ходу на тебе женится. Только не верещи». Кто посоветовал, кем ей быть? «Чем медичкой в «медсанвзводе», лучше - химичкой на заводе. Опять тебе - чистая лаборатория, белый халат и досрочная пенсия. Не размышляй - тем более ты женщина коллективная, общительная».

А вот на вопрос Бро о «двоежёнстве» дядя Иван не сразу нашёл ответ. Сперва рюмку выпил, потом почесал, где чесалось, сдвинул брови. «Двух баб сроду не оприходовал. Не пришлось. Так-то, по женской линии - многих кое-кого сгребал на стороне, но поодиночке, а чтобы двоих документально - даже и в мозгу не было. А зачем твоему Юрию Ивановичу? Пусть живёт, если такой способный, а ты не встревай? Всё одно мужику не запретишь. Хотя, в открытую, может, оно и лучше: всё и вся на виду. И санитария опять же: не подхватит, не приведи Бог, подзаборную заразу. Не препятствуй. Не рожать же. В жизни всё проще, одномоментно. Не успеешь приревновать, а уже и нужда отпала. Не иначе у твоей подружки Майки на твоего мужика план созрел, а какой - не пойму по старости. Может - какой эксперимент по женской части? А может, момент времени? Или наука требует? Бывает в жизни, что вопреки лучше, чем напрямки: смиришься. Чать прокормит профессор двоих жён. Брошенка жена с любым - плоха, а терпимая жена - мужем велика.

11

Явилась - не запылилась Майка. Обругала Бро, что не следит за собой.

- Как раз наоборот - я здорово похудела, - возразила Боро, - все одёжки хоть заново перешивай.
- Псиша, почему столько времени не приезжала?
- Юрии меня беспокоит. И в церковь я стала ходить. После молитвы мне лучше.
- Церковь хорошо, а медицина лучше. Собирайся, поедешь со мной в столицу, я тебя светилам покажу. Пообщаешься, наберёшься энергии, возьмёшься за себя.
- А чего - московские светила лучше наших светят? Только дороже. И потом - кто будет моих рыбок кормить? И неловко у Юрия Ивановича деньги выпрашивать - он столько прокатал. А на мою пенсию далеко не уедешь.

Майка начала чертыхаться, но, видимо, вид Бро заставил её растолкать постоянно дремавшего на диване Юрия Ивановича.

- Двоемуж - объелся Брюш! К тебе с просьбой обращаются сразу обе жены. Просьба выполнимая. Мы уезжаем в столицу. Бро уже на себя не похожа. Когда будешь по утрам похмеляться, не забудь покормить рыбок. Поклянись своей мужской красотичей.

Юрий Иванович приоткрыл глаза и кивнул.

- Профессор, денег нам с Бро на Москву найдёшь?

Юрий Иванович кивнул дважды. Бро не ожидала от мужа такой покладистости. Засуетилась.

- На всякий случай надо будет позвонить твоему сынуле, - потрясла пальцем воздух Майка, - пусть тоже за рыбками поухаживает, а заодно и за отцом.

Майка понизила голос.

- Бро, чего хоть участковая врачиха тебе сказала? Симптомы хоть расскажи.

Выслушала. Ничего толком не сказала. Послала на всякие просвечивания. А там

очередища на три месяца.

- А - за деньги?

- Хоть завтра.

- Завтра и сходишь. Болит чего-нибудь?

- Всё болит. И сердце, и нутро. Особенно -душа.

- Вот с твоей души и начнём. Деньги хоть знаешь где Юрий Иванович хранит?

- В банке, где же ещё?

Майка опять растолкала Юрия Ивановича.

- Муж ты наш моржовый, махор ненаблюдный, открыватель аспирантских душ. Не откажи - напиши жене доверенность. Я сама её заверю - не бойся.

- Давайте мой паспорт, - сел Юрий Иванович и почесал затылок. - А какой жене?

Он достал паспорт из заднего кармана брюк и бросил на стол. Бро пошла к шкафчику с документами. Майка её одёрнула.

- У меня паспорт с собой.

Она достала из сумочки портмоне.

- Но в Юрином-то паспорте, - замахала руками Бро, - жена я.

- Это в том, который ты хранишь в своём шкафу. А в том, который у него, жена - я.

- Как это ты умудрилась? Чего же у Юрия Ивановича теперь два паспорта или тот, в котором я, уже не годится?

- Не вникай в продажную бюрократию. Ты думаешь я зря подвизаюсь в «Кремлевке»? Если бы ты знала, кто ко мне сейчас ходит на randevу, не задавала бы глупых вопросов.

И раскрыла паспорт перед носом Юрия Ивановича.

- Пиши быстро доверенность на меня, исполняющей обязанности директора филиала.

А за жизнь рыбок ответишь головой.

Майка прошла в кабинет, принялась названивать Юрию Большому, а Бро цопнула со стола документ. «Если уж жить, - мысленно упрекнула она саму себя, увидев в Юрином паспорте штамп с Майкиными ФИО, - то надо жить по-Майкиному. А так, как прозябала я, жить не гоже».

И сама удивилась. Чего это она о себе в прошедшем времени? Нет, она ещё побывает на могиле Вовеньки. И это все желания?

Но Юрий Иванович не прав: зачем было рвать её портрет, зачем было, в конце концов, его издевательски сжигать? Протрезвел бы и подумал, как ей живётся в «гаремном» доме? На чём ей сосредоточиться? Чем полезным заняться? Как стать независимой и не выпрашивать деньги на всякое личное, не говоря уже о своём «секонд хендовом» гардеробе...

Нет, видно, и миллионной милостыне рад не будешь, если она не награда за твою нужность.

* * * * *

В поезде Майка одна выпила целую бутылку коньяка. Бро даже не пригубила. Майка напугала: «Ты, Бро, свою цистерну выпила, а я -свой танкер только до половины. Стервы адаптированнее и необходимее: они стимулируют мысли гениев». А потом расфилософ-ствовалась.

Думаешь, почему наш с тобой учёный муж Юрий Иванович до сих пор только исполняющий обязанности? (Только что «привезла на хвосте», что всё, прошёл конкурс, и опять снова здорово - «исполняющий обязанности?!») А потому что не хочет взять в соавторы нужных людей, а более конкретно, не любит тех, кто выше него. А любить надо всех. Вот я всех люблю, даже тех, кого хочется стереть с морды-лица земли. Вот уж на что супруга Капуцина меня ненавидит, а я как с ней

себя веду? Мы недавно встретились в одном заведении, а она ведьма настоящая - пробы ставить негде (хорошо, что ты её не видела - молодая красавица брюнетка - ведьма в брюках). Так представляешь - она сделала вид, что меня не узнала, обогнала и как саданёт локтем в поддых: я думала - умру. Отдышалась, догнала её и улыбнулась.

- Здоровья вам и спокойствия, - говорю, - милая. Вы похудели. А она красивая, но корова коровой. Та - прямо аж зашла в злобе.

- Какое здоровье? Все слёзы выплакала. Жить не хочется.

- Подождите, - говорю, - всему своё время. Я возьму над вами шефство и всё образуется.

А эта мегера говорит мне с подъездом..

- Я брезгливая. И однолюбка, не то, что некоторые.

Другая, на моём месте, убила бы её - за такие слова, а я, с улыбочкой, отвечаю: «Как я вам завидую. Вы настоящая женщина». Вот так надо: хоть с людьми, хоть с бл...

- А я что - кого-нибудь не люблю что ли? - удивилась Бро.

- Да ту же Евку, су.. - невестку, ненавидишь.

- Неправда, я её жалею. Юрий Большой - её последняя любовь. Пусть будет - как будет.

- Значит меня ненавидишь. Люди хворают только от ненависти. Неужели ты думаешь Юрий Иванович меня любит? Таких стерв, как я, мужики не любят, а боятся. Они на мне только самоутверждаются.

- Это как?

- Я для них - Марлин Монро, только с мозгами.

- Как это?

- Я их до себя допускаю, но по-девичьи. А мужикам надо влюбить в себя и подчинить бабу. Каким образом? Они уверены - соитием. Каждый хочет стать для бабы востребованным первооткрывателем. Поэтому та, которая не открывается - самая востребованная. Мужик думает: уж кто-кто, а я-то любую раскошегарю. И пусть даже у неё неоперабельная девственность, мужик скорее сломает свою адскую открывашку, чем уймётся.

Майка явно притворялась перепившей и выставлялась перед Бро.

- Ну посуди сама, Бро, разве этот земной мир гармоничен? Разве мир не стоит познания и признания открытия Юрия Ивановича?

Уж если всемогущий Создатель послал идею в его гениальную честолюбивую голову, он не успокоится и в случае чего пошлёт её в другую, более честолюбивую и компромиссную башку. И всё потому, что наш муж любит только себя в науке, а надо любить науку в себе и во всех остальных учёных.

- Майка, по-моему, у тебя в голове все понятия перепутались, - не смолчала Бро. - Ты вызываешь к какой-то искусственности в отношениях, а не - к прямоте.

- Правильно я призываю. Прямота - примитивизм. Надо всё отдать всем. А способ не важен. Лишь бы человек ощутил себя любимым.

Мне, например, все врут, что влюблены. Я это чувствую, но, клянусь, мне приятно. Враньё - вторая натура. Ты наври, сделай человеку приятное: глядишь - язык-то и не отсохнет.

Майка допоздна болтала полную чушь. Зачем? Чтобы продемонстрировать Бро избранность? Или жаждала человеческого сострадания?

- Пойми, Бро, я бесплодна, и наш Юрий Иванович бесплоден. Если мы с тобой дадим потомство (возраст родам не помеха - была бы прореха!) при помощи его открытия - откроется новая эра в пролонгации земной жизни. Или закроется та, в которой мы существуем. Тогда мы приблизимся к пониманию вселенской целесообразности. А это - что-то!

Значит, я вам мешаю? - прикинулась дурочкой Бро. - И тебе, и Юрию Ивановичу? -Ты? Ты никому не мешаешь. Но ты и не помогаешь. -А ты? Я смогу помочь кому захочу. И помогаю.

Вы оба с Юрием Ивановичем сошли с ума.

- Может быть. Но это только на время. Юрий Иванович убеждён - на эксперимент хватит нескольких дней. Ему нужен стресс. Наш с тобой отъезд - самое то.

- Отъезд куда?

Майка вдруг начала заговариваться.

- Капучин, ты был не прав. Надо было всех полюбить, а ты всех ненавидел. Погиб ты через свою усатую брюнетку: она тебя занелюбила в доску. Погоди, вот я появлюсь в твоём райском аду и устрою там мирскую жизнь. Я всех этих чертовок и ведьмаков научу любви и сделаю счастливыми.

Майка завалилась на нижнюю полку их двухместного купе, и из всех её природных ракетниц всю ночь звучали разнокалиберные салюты.

Бро неожиданно для себя заснула полусидя, и ей приснился лубок: они с Вовенькой на ярмарке, Вовенька рисует всех женщин подряд, а она раздаёт «натурщицам» портреты и высокопарно разглагольствует совершеннейшую несуразицу.

«Женщины, вам несказанно повезло. Портреты уникальны, потому что они эксклюзивные и художник - современный учёный передвижник. И ещё потому, что Вовенька всех неверящих в его талант, переубедил ценой собственной жизни. Пожалуйста, милые натурщицы, сохраните портреты для потомства и для истории культуры. Портреты не люди - они живут долго и счастливо. Особенно, если их нарисовал гениальный, раньше времени ушедший к Богу художник. Нет, денег не надо. Настоящий творец не имеет права на сытую жизнь: сытость делает из него ремесленника. Не хочу быть подругой-соратницей ремесленника».

Бро проснулась среди ночи. Принялась внушать себе: «Я должна всех полюбить.

Майка права. Должна полюбить. Правда что: когда любишь - жизнь не тяготит и смерть не страшна». Бро накрыла простынёй разбросавшуюся во сне Майку.

Постелила себе и легла ногами к окну. За стеклом мелькали столбы, деревья, посёлки, поля, дома, сараюшки, будки, вагончики. «И везде кто-то как-то живёт, у каждого свои заботы, - печалилась Бро. - Кто-то должен запастись дровами, кто-то машиной. Кто-то дитём. Везде ли все живут любовью? А чем ещё? А ведь есть, наверное, такие, кто никогда никого не любил и кого никто никогда не любил. Но ведь и они живут. Даже может дольше и беззаботнее, чем любящие»..

Бро вдруг вспомнился - её «Первая скрипка». Он пилил смычком «по слуху» и пел «не помня слов», «экспромты», а она восхищалась, чтобы доставить ему удовольствие, (и не только ему, но заодно и себе: ведь она не сумела бы выдать из скрипки даже простой звук). Он старался специально для неё одной. Из любви или просто - «на похвальбу»? И песни пел нарочно смущающие, но она не затыкала уши, наоборот, произвольно запомнила: оказывается - на всю жизнь.

«Тут она ему сказала: «За мной, с пальчик, не гонись»!?

«Броня крепка, и чувства наши быстры»!

«А на худом разваленном диване я ласкал святую целину»!

«У нас всё впереди, а нагнёшься - позади».

«Заберёмся в камыши - обожмёмся от души!

«Улыбнись, спокойно разведясь»...

... Вдруг откуда-то возникла соседка - мать «Первой скрипки», зарёванная землестолица. «Бро, милочка, мужайся. Горе у нас с тобой. Сын мой, Серёжка, твой Серый, был и сплыл. Умер ведь твой невестребованный. И не болел, особенно, не пил, не курил. Пришёл на днях с ночного дежурства, (а работал - по

охранной части), от еды отказался. Попросил, чтобы никого не впускала, прилёг. Через час позвонил участковый, спросил: «Дома ли сын»? Я, как мать, с непривычки врать, возьми и скажи: «Пойду гляну». Глянула, коснулась рукой, а сынок - холодный»...

- Кончай рыдать, проснись, приехали, - услышала Бро и соскочила с полки. Майка, мне приснился страшный сон. Будто мой Серёжка, первая скрипка, умер». Значит, наоборот, жив, - обнадежила Майка, - радуйся. А мне давно никто не снится. А так хочется, хоть во сне, чего-нибудь непрактичного, чего-нибудь святого, чистого, кристального. Эх, Бро, плохо быть взрослой - всем от тебя чего-то надо. А хочется - наоборот. Ну, ладно, вон за окном Казанский вокзал. Берём ноги в руки. У нас полно дел.

12

В Майкиной столичной квартире капитальный ремонт. У Юрия Ивановичевой родни четырёхкомнатная квартира в центре Москвы, но - не для Бро. Сколько раз она была в Москве и всегда находилась оправдательная причина для отказа. Или родственники «завтра срочно уезжали», или к ним уже кто-то «как снег на голову, свалился», или «начался ремонт», или кто-то из них «прямо ни с того, ни с сего расхворался». Или просто: «У нас - не та атмосфера. В гостиницу помочь устроиться или сама»?

В общем, всегда семь бед - один ответ: «Где же ты, Бро, раньше была? Вчера бы позвонила и не было бы вопросов».

Остановились у подруги Бро. В записной книжке чудом разыскался её телефон. Едва вспомнила имя - Эльвира. Сто лет не виделись. Когда-то вместе «халявили» на курсах повышения квалификации. Легко узнали друг друга. Правда, Бро с Майкой пришлось смириться с «коммуналкой». Один диван на двоих. Подруга только что проводила сына в армию. «Муж? Был, да сплыл. Разменяли двухкомнатную. Мужу однокомнатная, ей - комната. Плевать - лишь бы не видеться. Лучше сменим тему».

Майка разбудила Бро с рассветом и, за световой день протащила по всем медицинским учреждениям, закрытым и открытым, платным и бесплатным, оборудованным по последнему слову техники, а то и «по первому слову советской медицины». Молодые и старые, женщины и мужчины, люди в белых и зелёных халатах, а то и каких-то рясах, «хитонах», шаях, ухом, глазом и приборами, проникали «внутрь кармы» Бро, выслушивали, прощупывали, крутили, давили, просвечивали, облучали, заставляли чего-то глотать, чего-то пить, заглядывали во все её телесные оконца. Потом Майка спросила: «Вытерпишь или нужен наркоз»? Бро даже не задумалась: «Вытерплю». Её куда-то завели, уложили, чего-то куда-то втыкали, мазали, вставляли и вынимали, делали больно, противно, стыдно, неловко от такого внимания: будто она жена какого-то небожителя...

После «заморского» ресторанного обеда (правда, ела только Майка, Бро попила минералку с корочкой хлеба), начались гонки на «попутках» и такси. Бро и не представляла, сколько знахарей, ведунов, колдунов, ясновидящих и заумноговорящих набивают карманы, животы и руки на вере идущих по меже тогой этого света. Сколько их развелось, не мигая разглядывающих анализы, снимки и ... что угодно... А сколько машущих руками, шевелящих губами, покачивающих головами и просто зыркающих немигающими глазами, молодых и старых, худющих и толстущих...

Бро ещё до Москвы сама по себе, решила - ни у кого ничего спрашивать не будет,

смотреть не попросит, всё равно не поймёт- только напугается, если что.

Чудотворцы и чародейки её успокаивали.

- Операцию делать не нужно. Так вас полечим, почистим, перепрограммируем, снимем сглаз, поменяем карму, накачаем чистой энергией.

Бро благодарно кивала. И даже задала один вопрос одному самому симпатичному экстрасенсу.

- А сколько это всё будет длиться?

- Лечение-то? - посерьёзnel «самый симпатичный» и тут же улыбнулся. - Всё в руках Божьих и - в ваших собственных. Чем быстрее самоочиститесь и зарядитесь

- тем быстрее всё и пройдёт. О плохом не думайте.

- А как это я самоочищусь?

- Мой метод прост. Солнце, воздух и любовь. Полюбите всех, даже своих врагов.

- Я и так вроде всех люблю, и врагов у меня нет, - пожалала плечами Бро.

- И прекрасно. Позволяйте себе всё. Внушайте своему организму всякие побудительные мотивы к жизни, - кивнул симпатичный, -не сомневайтесь, что вы здоровы. Гуляйте, дышите, смейтесь, любите. Побольше жидкости, максимум самоутверждения, минимум тоски. Вы верите в Бога?

- Конечно, верю.

- Вот и соблюдайте все обряды, поститесь, пейте освященную воду, ешьте кошерную пищу, никому ни в чём не отказывайте, дарите себя людям.

- Господи, я, по-моему, всё последнее время только этим и занималась.

...Как ни странно, но уже к вечеру Бро действительно полегчало и она поверила: и -в Бога, и - в Солнце, и - в Рай, и - в Ад, и - в силу любви, и - в вечную земную жизнь, и даже - в жизнь «в другой системе координат».

На другой день они с Майкой опять встали чуть свет и поехали «в гости к Богу»: в Сергие-во - Посадскую лавру. Ходилось легко, даже леталось: и - в гору, и - с горы. Купалось слабо: и - в святой воде, и - в какой-то речушке. Лицо Бро разругалось. Майка её хвалила. Вечером прошмонялись по «Гумам», накупили нарядов, как на свадьбу. Майка раскошелилась, надавала Бро «взаймы - без отдачи»: «Одна семья - чего нам, жёнам, делить»? Укрейка поддерживала Бро и рукой, и словом. Даже поплакалась.

«Да Будь я твоим мужем - я бы только и занималась с тобой интимом. Завидую тебе. Дура я: добровольно лишила себя главного - животной любви, а человеческая, увы, - физиологию не заменяет». И всё призывала. «Полюби всех: меня, Евку, чёрта, ведьму, дьявола, и тебе полегчает». Бро отмахивалась. «Да я, кажется, и так всем всё прощаю и всех люблю... Разве что с Евкой не целуюсь, но и не ненавижу. Меня вот некоторые разлюбили». «Бро! Выкинь эту дурь из головы. Все тебя любят. Ты всем нужна. Мы ещё с тобой всем покажем, что такое любовь. Мир без нашей любви опустеет. Только ты в это верь всеми клеточками. Мы уже с тобой оздоравливаемся на самом высоком клеточном уровне. Мы с тобой расщепляем нездоровые клеточки на «нано» частицы, даём этим частичкам новую энергию и лепим из них здоровые клеточки!

Бро не знала, что это за «нано» частицы, они казались ей такими крошечками-хоро-шечками. Она представляла себя живым облаком из этих самых «нано» частиц, выжимала из этого облака, как из мокрого белья, темные дождевики, и на душе её становилось светлее. Она верила Майкиным словам, правда, удивлялась, почему та так доброжелательна?

И ещё Бро пыталась понять смысл Майки-ныхслов: «Заруби на своём сердце: Моё замужество - необходимость и достаточность для пользы нашего общего карьерного карамболя. И уясни: двоежёнство Юрия Ивановича -аварийный стресс для нас обеих, но, надеюсь, - во благо: он, может быть, полезнее любого «плацебо». Мы ещё заживём!

Московская медицинская неделя пролетела быстро. Вернулись лучшими подругами-никакой Юрий Иванович не указ. Везде вместе. Майка «подзаряжала» Бро на жизнь, Бро подчинялась и верила, верила, верила всему и вся. Иной раз в доме происходили драматические сценки. Это когда появлялись Юрий Большой с невесткой Евкой. Ко всему можно привыкнуть, даже к антипатии. Обычно Юрий Большой держал Евку как бешеную собаку за пояс, а та извивалась, визжала и, как заведённая, твердила.

- Что это у вас, извините, за мусульманщина: один муж на двоих?! Жёны - ружья заряжены. Хоть бы пожалели профессора. Он вам не слесарь - один обслуживать двоих. У него конституция тонкая, творческая: он, не дай Бог, не на вас, на себя наложит ... руки. Но я поняла - вы, все трое специально спроворили незаконный гарем, чтобы ваша квартирища не досталась нам с моим Юркой - вещей кауркой. Ну, ладно, я вам - с боку припёку, но о сыне вы подумали? Он неприспособленный маменькин сынок папенькиного покроя. Я не вечна, я, может, со дня на день, окочурюсь, а где будет жить ваш сын, с кем? С этой своей первой трансвестуткой? Ладно бы, у меня был стоящий дом. А у меня частный домишко. И вы прекрасно знаете - у меня деваха от первого мужа - сволоча. И я скоро буду на сносях от вашего сына. Юрий Большой моей дочуре как отец родной. Она его любит даже больше, чем меня. Но это - пока маленькая. А вырастет взрослой невестой? А меня Юрка - вещая каурка, уже слушать не будет? Что же, ваш сын будет жить в моём доме с моей дочерью как с женой? Только через мой труп. Давайте, думайте и разменивайтесь. Я ещё, может, двойню рожу?!

Юрий Иванович твердил своё. Тихо и глухо.

- Слушай меня, сын, пока я жив. Я нашёл тебе хорошую невесту. Колоритка: умница, красавица, скромница, не то что твоя помесь Чапаева с Голдой Меир. Женишься на «колорите» - всё будет, как ты решишь.

Евка размазывала по щекам тушь и заламывала руки.

- Мне всё с вами ясно. Это вы назло мне развели бардак?!

Юрий Иванович багровел.

- Юрий Большой, сын, ты сейчас возьмёшь свою женюлечку на руки и вынесешь её из моего дома. А иначе я, за себя не ручаюсь. Ева - королева, ещё одно твоё слово, и я рассержусь хуже Карабаса Бульбы. Я сделаю, что Юрий Большой потеряет работу и вы оба будете жить на алименты твоего, сбежавшего от тебя, бомжа - мужа.

Евка втягивала воздух подвижным носом и тянула Юрия Большого на выход.

- Пойдём отсюда, Юрочка - каурочка. Твой Бульба Иванович нас никогда не поймёт. Но, когда меня не будет, вы все покусаете локти и поймёте, как я была глубоко права и как вас всех хотела примирить.

После ухода «молодых» Бро заливала в себя сердечные капли, Юрий Иванович ложился на диван и глядел в потолок, Майка каталась по дивану, держась за живот.

- Ну, Евка. Вот ханжа болотная! Ой, умру от смеха. За что Евка так себя любит ?

- А дуры все самовлюбленные, - раздувал до бела ноздри Юрий Иванович.

- Вот такая у них любовь, - сокрушалась Бро. - У всех всё - не как у всех.

- Ты не понимаешь?! - умеряла смех Майка. - Евка просто держит Юрия Большого извращённым сексом. Он отрафировался и, кроме неё, никого не хочет и не сможет. Я бы могла Евку стереть с лица земли, но Юрий Большой найдёт себе такую же.

- О Боже! - валилась в кресло Бро. - Что за напасть на наш клан?

Все трое надолго замолкали. Первой приходила в себя Майка и произносила,

пародируя одного из последних советских вождей.

- Наука прежде всего.

Бро закрывалась в своей комнате и ложилась на кровать лицом к стене.

Дышалось тяжело. Ничего не хотелось. Никого не хотелось видеть. Всех было жалко. А чего она могла? Ни на что не было сил.

Обиднее всего казалась Бро странная истина. Ведь каждый человек знает, где и когда он потерял побудительный мотив к жизни, чувствует, как легко можно было в своё время, шагнуть в сторону, но с каждым днём убеждается: всё меньше и меньше остаётся сил противиться горечи бытия, потому что всё разрушительнее сомнения, а не заведёт ли этот новый шаг в новое никуда? И каждый убеждает себя, что был сделан оптимальный выбор и всё другое привело бы к куда более ускоренному концу твоей судьбоносной беговой дорожки.

14

Со двора донёсся свирепый крик. Его - как эхом - поддержал бас - профундо. В голосах прослушивались знакомые нотки. Бро сдёрнула сонную голову со скрещенных на кухонном столе рук, протёрла глаза. Насторожили, сдвоенные на цифре три стрелки часов. «Ночь-полночь. Где моего, ой, нашего с Майкой, муженька носит»? Крики не утихали. К ним добавился женский визгливый голос. И вдруг Бро уловила интонацию Евки. С кем же это она там? Уж не подловила ли она своего когда-тошнего декана, но куда же смотрит его женюлечка, Дочка Лю? Ой, девицы - подруженьки, как же вас жалко? Бро отжалась от стола. Набросила на плечи кофточку. Зашаркала тапочками по ненатёртому паркету к окну послушать, о чём спор? Выставилась по пояс. Кроме тени от соседнего дома, ничего и никого не было видно. Голоса смешались в неразборчивый крик. Развернула голову внутрь двора. Теперь слова, фразы и пьяные повторы слышались хорошо.

Быстро разобрала: один голос - Юрия Ивановича, второй - Евкин, третий растягивал и рвал слова - не понять. И, наконец, поняла. Это пьяно басил Юрий Большой. Юрий Иванович пьянел глазами, а Юрий Большой - голосом. Откуда они и куда?

- О-э-эц, ты по-и-ил? Мы тебя лично приэ-ли к твоему дому. Который раз го-о-рю. Иди домой спать. Свет в окошке ви-ишь? И иди.

- Сын. Слушай отца. Идём со мной, ко мне. Навсегда. У меня на лекции, это... на первом ряду сидит колоритка: девочка - с голубыми... этими... зенками. Я тебя с ней познакомлю. А эту свою, бармалейку, брось. Пусть... это ...идёт и идёт, и идёт.

- Как вам не стыдно, профессор дохлых вшей ? - заголосила Евка. - Чему собственного сына учите?

- Оэц, остынь. Ты время знаешь сколько? Иди поспи. Ты Евку поздравил с повышением? Поздравил. Она теперь кто? Старший администратор. Мы тебя угостили? Угостили. Всё путём, отец. Успокойся. Никто ещё никого не родил. И не собирается. Не базарь, отец. Мать береги.

- Мы вас, Юрочка Иванович, довели прямо до вашего дома. К вашим обеим женушкам. Дальше не пойдём: ваши жёны-бабы заряжены кусают.

- Ты, вообще, молчи, бармалейка! Кто ты мне? Невестка? А в ресторане ты,... до моего Юрий Большого, с кем якшалась? Я всё помню. У меня память! Или, колдуй, блядуй, наяривай! Но тебе это блядст...

- Отец, умолкни, я тебя прошу - не нарывайся.

- Ты мне, отцу, грозишь? Сын отцу? Где бы ты был, если бы я тебя не зачал, не вывел в люди?

- Ты меня вывел?

- А кто?

- Скажи, ты меня вывел? Лично?

- Послушай отца: колоритка - твоя судьба. Куколка - девочка - не то, что твоя гостинично -ресторанная.

Бро начала наспех одеваться. Пхнула локтем посапывающую во сне Майку.

- Пойдёшь? Там Юрий Иванович и Юрий Большой. Евка их стравливает. Пойдём хоть разнимем.

- Не трог, живут, - буркнула Майка. - Силой Евку не потушишь, словом душу не спасёшь.

Бро заметалась. Крики усилились, и она различала, кто что говорил.

- Чему вы, профессор кислых жён, сына учите? Отец называется. Я тем более скоро рожу вам внука. Посмотрим, как вы тогда запоёте!?

- Ты кому родишь? Ты родишь, чтобы... это.. пристегнуть к своей жопе моего Юрия. Нашла сосунка и крутишь передком. Бармалейка!

- Отец, вот ты опять... мою... обозвал? И тем более Эвку. А зря. Я тебе не сосунок. Может я идиот, но я - твой сын.

- Профессор академических наук, знаете, какие ваш сын скульптуры лепит? Я каждую почти «за кусок» продаю. И всё сам. Можно сказать, из подручного говна лепит конфетки. Ваш сын - талант! А вы его в лаборанты спихнули.

- Последний раз тебе, оэ-эц, говорю. Мы тебя довели. Ты нас поздравил. Поднимайся на свой сраный этаж. Подымесся или я за себя не ручаюсь?

- Брось свою «облэди», - не унимался Юрий Иванович, - она тебе в бабушки годится. Крашенная Бармалейка. Я её ещё до твоей матери... молчу, конечно, но!..

- Как вам не стыдно, профессор вы эдакий?! - захныкала Евка,- Кто бы говорил? Сами, один с двумя жёнами развратничаете, а сами - сына чему учите?

- Кто бы из вас - чего бы понимал в проблеме пролонгации!? Это же новый научный подход. Недоумки!..

Бро услышала непонятный звук. Бросилась к двери. Бежала через две ступеньки. За сколько ударов сердца проскочила все лестничные пролёты - наплевать! Распахнула одну дверь парадного входа, ударила в другую-забыла, что та открывается навстречу первой.

Услышала вскрик Юрия Ивановича: «Убью, бля...»! И бросилась за угол. Не сразу поняла: кто где, что с кем? Потом опознала под телом сына извивающегося Юрия Ивановича, но тот умудрился из такого положения вцепиться в горло Юрия Большого и сдавил пальцы мёртвой хваткой. Сын хрипел и пускал пузыри. Вокруг мужиков бегала Евка и причитала:

- Отец, му... учёная, вы сына задушите.

- Ой, Юрка - вещая каурка, ты, жопошник, отца - профессора раздавишь.

Бро - откуда только силы взялись - спихнула тело сына на землю и с криком: «Бессовестные»! упала грудью на лежащего мужа, раскинув себя всю - как можно шире.

Чего орала, потом не вспомнила. Очнулась только, когда сын с Евкой исчезли с глаз долой. Бро уткнулась ухом в ворот косоворотки мужа и считала удары его сердца. Некоторые окна засветились. Бро поднялась и подняла Юрия Ивановича. Муж морщился, прижав руки к паху.

- Болит, чудотворец?

- А хрен ли? - отозвался Юрий Иванович и она увидела сверчком вылетевший из его рта зуб. - Я сам, тебе нельзя тяжёлое.

- Мне уже всё можно, - отмахнулась Бро.

Обвила руку мужа вокруг своей шеи и поволокла как бурлачка, вверх по лестнице, подтягиваясь рукой за перила.

- Слышь!? Я нашёл Юрке девочку! Колоритку! - перчил слова матом Юрий

Иванович.- Юрий Большой, но без гармошки, как увидит - сразу бросит твою подружку Цевку, а она, как увидит сына с Колориткой, тут же сбросит своего выблядка.

- Юрий Иванович! - без сил отзывалась Бро. - Помолчи, тебе же больно. Бро вызвала «скорую». Врачиха «Скорой» напугалась крови, спросила. Кто поедет с мужчиной?

Майка, - опять растолкала жену-подругу Бро.- Может съездишь? Я без сил.

- Не трог - живёт. Где взяли, туда и вернут.

И оказалась права. «Скорая» повозила - повозила Юрия Ивановича и привезла обратно. Правда, с перебинтованной головой. Тот держался за распухшую щеку.

- Первую экстренную помощь вашему мужу оказали, - отчитывалась, теребя карманы халата, врачиха «Скорой». - Завтра пусть идёт в поликлинику, возможно, у вашего мужа - паховая грыжа?!

-Только вы никуда не сообщайте, - кивнула Бро, поблагодарив врача «Скорой» конвертом с «благодарностью».

- Мне-то что?! Я ничего, - вздыхала врачиха. - Но покажитесь- мало ли чего? Голова -то заживёт. Но вот пах?

- Обязательно покажемся. Спасибо.

Бро уложила Юрия Ивановича на диван, коснулась его живота.

- Как же ты, Юрий Иванович, тебе же нельзя надрываться?

- Приподнял Юрия Большого дурак и бросил, - простонал Юрий Иванович. А он весит -центнер, бугай.

Куда там?! Утром в поликлинику Юрий Иванович идти отказался.

- Чего я им скажу? Подрался с сыном? Да я лучше подохну.

- Чего сказал врачу из «Скорой» - то и скажешь.

Юрий Иванович отмахнулся.

- Я с пьяна сказал: поднял тяжесть - сына.

Трезвый же я так не скажу.- И подытожил.- Если сын поднял руку на отца - значит я для него не отец, а отчим! Да и не болит у меня ничего, слава Богу.

И заорал.

- Майка! Укрейка! Прочитаешь за меня лекцию. Больше некому. Не могу же я, перебинтованный, прийти на лекцию.

Майка спросонок кивнула и отдала честь левой рукой.

- Повинуюсь, господин доктор половых наук. Чего не сделаешь для любимого мужа?

- Ты, Майка, не замужем, - простонал Юрий Иванович,- ты - перед мужем. Это вот Бро-замужем.

- Ерник ты, а не муж. - не смолчала Майка,-междумной и Бро единственная разница.

- Какая? - насторожился Юрий Иванович.

- Чисто символическая, - покачала головой Майка. - Женщины, запоминай, муж-объелся Брюш, делятся всего на две категории: одни изображают, - Майка забросила сумку за плечо и поплелась к двери.

А другие? - рыкнул её вслед Юрий Иванович.

- Не догадываешься, профессор бабьих наук? - расхохоталась Майка. -

Подсказываю. Другие - это те, которые изображать не хотят. -И подмигнула Бро. - Подтверждаешь?

Бро отрицательно помотала головой.

Майка с криком: «Посмотрю, хоть на твою хваленую - Колоритку», захлопнула за собой дверь.

- Ты, Юрий Иванович, не думай ничего плохого, - примиренческим тоном произнесла Бро, - Майка просто обиделась на твоё прозвище.

- Мне думать о своих жёнах не до сук, -прохрипел муж. - Я не по этой части. Я только знаю, о чём думает жена профессора, когда отдаётся курортному художнику.

- И о чём же? - приготовилась услышать мат Бро.

- Она думают: «Мозг - хорошо, а жуй - лучше». Что, не правда?

- Не правда, Юрий Иванович, это не про меня. Я верно служу, кому принадлежу.

- Тогда иди ко мне, пока Майка лекцию читает.

Бро сделала пару неуверенных шагов. А затем заторопилась. Пока сердце, как говорила мама, «варом пышет и грудь блузон колышет», как не побыть женой умного человека? Вдруг это последний шанс ублажить Юрия Ивановича?! А сама-то она давно научилась, молча, приспосабливаться. Авось, и на этот раз - любовь сделает своё доброе дело.

Бро замерла раньше мужа и, пока он сублимировал, радовалась возникшим мыслям. «Всё - как у всех, да не эдак. Нет, если он позовёт её в Москву - она поедет. Один - Юрий Иванович там помрёт со скуки. Майка - не его женщина. Она слишком тщеславна, а Юрий Иванович падок на постельные комплименты.

-Ты чудотворец, Юрий Иванович. Дай-ка я полежу на твоём крепком плече. Когда ещё придётся?!

15

Всё чаще и чаще вспоминалась Бро вскользь сказанная Майкой фраза об знаменитом экстрасенсе. «Он даже снимал с «четвёрочки». В Москве она не придавала значения этой «четвёрочке». Во-первых, знаменитость был похож на гриб-мухомор. Во-вторых, -всем втюхивал, конечно, не бесплатно, свою книжечку, ещё советского издания: чью-то биографию. А, в третьих, и главных, Бро решила: просто он, скорее всего, поднимает жизненный тонус человека с «четверочки» - на «пятёрочку».

Но настроение Бро уже и на четвёрочку не тянуло: в лучшем случае, на троечку с плюсом. Только в «Лавре» ей было хорошо. Бро твёрдо решила - не заглядывать ни в какие медицинские словари, ни в какие медицинские бумаги. Внушила себе, что «четвёрочка» - не пятёрочка, но - до «двоечки» далеко. Слава Богу, она сама сроду не ходила по больницам-поликлиникам и не хотела знать о себе ничего специфически медицинского. Она хочет быть здоровой, она всех любит, и Бог - за неё. Правда, тонус падал, побудительный мотив медленно сходил на «нет».

Слова знаменитости: «Надо всех полюбить, и жизнь в вас зажёёт ключом» звучали насмешкой, не держались на поверхности сознания. Кого же она не любила? Разве что -Евку? Но она и её жалела. А кто может точно охарактеризовать разницу между любовью и жалостью?

Мысли витали между словами «Дай Бог» и «За что мне всякое такое»?

Бро теперь, при каждом удобном и неудобном случае, присаживалась, а то и ложилась на диван. В последнем случае её взгляд застревал на люстре. Та была изначально криво повешена, и Юрий Иванович всё обещал и обещал её выпрямить, но напоминать ему об этом не хотелось. Ну повесит он люстру прямо и что? Это что - любовь? Не до мелочей -настроение утекало сквозь прикрытые ресницы. Сон набегал раньше, чем приходил в голову какой-то новый выход или... вывод?

Что поделаешь? Не получилось окружить любимых мужиков земной благодатью: дай Бог получится окружить неземной. Узнать бы, кто же навёл на неё порчу? Кто сглазил? Майка или Евка? А может - обе. А может, сам Господь Бог? Ну узнает она - и что?

В дозамужние годы Бро была убеждена: главное - любить самой. Теперь, став

женой «второго плана», она пришла к выводу: главное, чтобы её любили. Наверное, Юрий Иванович всё же никогда её до беспамятства не любил: он просто её сперва захотел, потом остерегался, а потом приголубил, пожалел «брюхатенькую», назвал Брюшей. И только после родов позвал в ЗАГС. Боже! Да ведь ещё вдобавок сеял сомнения этот его научный эксперимент. Что за наука пошла? Все сказки в быль превращает. Верить Майке, или она над Бро посмеялась? Как это мысль может повлиять на мужское семя? А на что вообще, может повлиять мысль? На любовь может? Значит, может и на оплодотворение. Или семя - созревает без любви?

И ещё - весь этот престиж учёной степени. Ну, Майка остепенилась и что? Эгоцентризм её только увеличился, но почему-то не повысилась привлекательность. Зачем бабе мужской ум? Может, затем, что от умных матерей рождаются умные дети? Почему Юрий Иванович не уговорил Бро поступить в аспирантуру? Побоялся, что она не потянет? Что она его опозорит своими анти способностями? А она смогла бы учиться - не семнадцать лет - грудь не ломит, живот не давит, губы не сохнут, Иваны - царевицы уже не снятся. Хочется побольше узнать. Чего узнать? Чего она не знает о жизни? Да то же самое: и все знает. А остальное и не обязательно знать. Тем более, всё никто не знает и не узнает. И слава Богу. Не всех Бог впускает в свои научные кладовые. И правильно делает. Дурам хватит познаний, как делаются дети и как растянуть любовь, хотя бы до менопаузы. Ей это вроде удалось, хотя чувств ещё хватило бы на долгие годы...

Какой же она стала злойкой?! Оказывается, не простила Юрию Ивановичу своё незамужество до родов. Она никогда не была ему нужна - он просто жалостливый мужик, ему нравилось, что она позволяла ему себя любить. И искренне жалела его самого. Особенно в минуты мужских опасений.

* * * * *

Незванно - нежданно явился Юрий Большой. Даже голос у него сменился. Сказал баском.

- Мамочка, я к вам жить. До конца своих дней. Не могу с этой твоей подругой. Не жизнь- тягомотина.

Евка тут же позвонила и завела «старую пластинку».

- Я и говорю, Бро, вели сыну вернуться ко мне жить, верни мне мою любовь. Я без него, как твоя рыбка. Юрий Большой моей дочке как отец. Обнадёжил её. Обласкал, набаловал - не хуже, чем меня. Она его полюбила больше родного отца. А теперь Юрий Большой в кусты?! Нечестно так. Родной отец моей дочери, конечно, отмороженный подонок. Я его к дочери не допускаю - как бы чего не приключилось. Эта сволочь даже алименты за дочь не платит. Дура я, конечно: не надо было мне говорить Юрке-вещей каурке, правду, что мой бывший жив и мы, иной раз, видимся. Думала - Юрий Большой взревнует и ещё больше нас с дочерью полюбит, а он, наоборот, у мужиков тоже дури хватает - не только у баб. Но не могу я без твоего Юрия Большого. Имей в виду, мне терять нечего: я чего-нибудь с собой сделаю. Не бери грех на душу - уговори сына вернуться. Скажи: я буду пылинки с него сдувать, а он пусть делает, что хочет, хоть блядует, хоть пьёт, только чтобы был со мной. Всё, не могу больше говорить, реву, опаздываю на вокзал: надо встретить, ты даже не можешь себе представить кого, самого Лёвчика. Это что-то. Если захочешь попасть на его концерт - звякни мне - я вам с Юрием Ивановичем, и даже вместе с твоей однопостельницей Майкой-достану контрамарки. Ты знаешь, как меня найти. Пока. И попомни мои слова. А ещё через несколько дней бесконечных звонков и хныканий об одном и том же,

Евка прибежала в гости, принесла бутылку кефира, под села к Бро и заговорила деланным голосочком на слезе.

- Я и говорю, Бро, я к тебе как к лучшей подруге. Ты извини меня, дуру, но я должна тебе сказать правду, потому что, кроме меня, её тебе никто не скажет. Правда горькая, но сладким бывает только враньё. Так вот - я перед тобой глубоко виновата. И прошу меня простить, если сможешь. Пусть я дура невезучая, но это как раз потому, что я всем всегда говорила правду. Это случилось примерно через неделю после твоего отъезда на курорт. Майка попросила меня заменить в аквариуме воду: она же у нас - Царевна на горошине. «Мол, вымой, Евочка, аквариум, а вернее, смени в нём воду на одну треть. Я и - не ума. Короче, не знаю уж, может, я рыбку чем задела, когда отсаживала рыбок из аквариума в банку и обратно, или рыбка сама. Только... короче, смотрю - одна рыбка плавает вверх брюшком. Дура я, конечно. Надо было, по тихой, подкупить одну рыбку - никто бы ничего и не узнал. А я врать не могу, не хочу и не буду. Специально дождалась Майку, показала ей сдохшую рыбку. Она: «Что ты наделала, дура - лошадь, - это же любимая рыбка Бро - неонка. Давай вместе с рыбкой беги к Фаине в зоомагазин, пусть подберёт похожую. Фаина - молодец, подобрала. «Только, говорит, Бро, то-есть тебе, ничего не говори. Мол, Бро, такая суеверная. Всё твердила: сколько рыбка проживёт - столько и я: как, мол, рыбка, так и я». Я поэтому тебе ничего и не говорила до сих пор. Ты же ничего не заподозрила? Правда? Или Майка тебе всё рассказала?

Бро почувствовала жжение в глазах. Замахала рукой.

- Ой, Евка. Если честно, я сразу заподозрила подмену, но виду не подавала.

Сомневалась, И даже попыталась внушить себе, что это плавает та самая моя приболевшая неонка. Здорово вы с Фаиной подобрали похожую. И потом: вы же хотели сделать как лучше.

- Эх, дура я, что вылезла со своим длинным языком. Теперь ты будешь думать, что я нарочно, из-за Юрия Большого?

- Ладно. Чего уж там? Ты сказала - я забыла.

- Я и говорю. Я бы, может, сроду тебе ничего не сказала, но решила - нельзя скрывать от тебя правду в такой час.

- В какой час? - Бро присела на подушку - не хотелось услышать то непонятное, что всё время стреляло в висок.

- Я же и говорю. Я ходила в твою поликлинику. Разговаривала с твоей лечащей врачихой, та сказала: «У вашей подруги - серьёзная «четвёрочка». Я, правда, не знаю, хорошо это или нет, но, если по школьным оценкам, подумала: четвёрочка - почти пятёрочка - значит, хорошо.

- Скорее всего, мой диагноз оценивается всего четырьмя баллами,- усмехнулась Бро, -но врачи тоже ошибаются или перестраховываются. Мне сказали - у меня не самая серьёзная болезнь. Я сама себя сейчас, как мне сказали, чищу и голову уже очистила. Ты не поверишь, Евка, я вижу свои внутренности. Они тёмные, и мне чуть - чуть не хватает сил, чтобы их осветлять. Но меня в Москве кое -чему научили. И Майка здорово меня накачивает энергией. Я буду жить, не плачь, Евка. Юрия Большого люби. Его любить надо больше, чем себя. Я на тебя надеюсь.

- Я и говорю - надежда всегда умирает последней, даже после самого худшего. Твоя врачиха так и сказала: «Теперь, - говорит - надо надеяться на Бога». И я подумала, кто знает, как всё обернётся? Может, у тебя последний шанс поговорить с Юрием Большим? Надоумить его, чтобы не бросал меня. Тут не до шуток. Вот пощупай...

Евка схватила руку Бро и вдавила в свой живот. Бро попыталась отдернуть руку и заплакала: не хватило сил вырваться из потных пальцев Евки.

- Я и говорю. Там его сын или дочь. Твоё утешение на старости лет. Так что,

давай, молись, выкарабкивайся во что бы то ни стало. И не вздумай нас покидать. Всё будет хорошо. Подумай хотя бы, о тех, кто тебя любит. А тебя любят все, без исключения. И я больше всех. Клянусь жизнью, это тебе любой подтвердит. Подумай, как мы без тебя останемся? Я первая, точно этого не переживу. Без тебя мне не жить. Ты же моложе нас всех: по духу, по сути, по-женски. А мы, сволочи, тебя при жизни недооценивали. Ты же всю себя нам отдавала! Может, чего надо, какое-нибудь сверхновое лекарство, скажи, не стесняйся - закажу, через того же Лёвчика, займу денег, куплю, сколько бы это ни стоило, приду, принесу. А я -то, дура, Юрия Большого ругала. Не волнуйся. Он с тобой побудет, сколько надо. Ты как раз его вразумишь. Я же его люблю не меньше, чем ты, как мать, только ещё и как женщина. Всё образуется -будет хорошо. Я и говорю - всегда есть шанс.

Бро перевела взгляд на Евку. У той по щекам текли неподдельные ручьи чёрных слёз.

- Бро, чего ещё тебе скажу? Главное. Я же была у одной великой колдуньи - она обнадёжила. «Пусть пьёт, мол, святую воду по сорок грамм каждый час. И ест только варёную ядрицу». Не бойся: схуднёшь, но зато потом пойдёшь на поправку. И ещё колдунья сказала: «Если твоя подруга сможет прийти ко мне на своих ногах, я ей помогу!» Ты уже не сможешь? Да? Эх, зря от меня всё скрывали. Я бы жизнь свою не пожалела, но тебя бы вытащила.

Бро увидела, как к кровати подошёл Юрий Иванович. По его лицу поняла - он кое-что слышал. Тот набрал в лёгкие воздуха. Бро поморщилась и сделала знак рукой.

- Не ругай Евку, Юрий Иванович. Она же - не со зла. Евка, успокойся - у нас есть всё, что надо. А нет - достанем.

Юрий Иванович кивнул. Евка уткнулась в платок.

- Бронечка, прости меня, дурищу. Я буду за тебя молиться. Мы тебя вытащим. Мы - любовью.

Юрий Иванович вцепился в руку Евки - та взвизгнула и затихла.

Бро отвернулась к стене, чтобы не видеть, как отдаляется от неё Юрий Иванович в сцепке с Евкой.

- Юрий Иванович, пожалуйста, отпусти её.

Она такая, какая есть, как все мы. Мы все, посвоему, всех любим, и нас тоже все любят. Я в это верю, верю, верю!

* * * * *

После разговора с Евкой не хотелось никого видеть. Да и видеть Бро стала, как в тумане. Поэтому попросила Юрия Ивановича и появившегося после ухода Евки сына.

- Ко мне никого из подруг не пускайте, ладно? Пока я не очищусь и не поправлюсь. Сил нет им улыбаться, глаза болят на них смотреть, уши вянут их слушать. Только вы двое пусть будете со мной: мои Юрии.

* * * * *

Никого Бро не напрягала, никому не жаловалась на свои боли. Она поняла, почему её не лечат. И поняла, что все об этом тоже узнали или догадались. Но они не знали главного: она очищается и ещё будет очищаться полгода, а потом резко пойдёт на поправку. Как же тогда все удивятся!

Бро всё замечала. Юрий Иванович начал худеть быстрее неё. Почти не спал. Угадывал все её прихоти. Чего она говорила - тут же покупал и ставил на столик у

кровати. Спал чутко - на каждый её вздох и стон откликался - не надо ли чего? Никогда она не думала, что Юрий Иванович так истово будет беспокоиться о ней.

...Пришёл тот самый священник, который ей так понравился молодой, кроткий, с редкой бородой. Все вышли, и он закрыл дверь изнутри.

Ну, раба Божья, внимлю тебя. И не только я - Бог тоже внимлет.

- Вот она - я, - тяжело вздымая грудь, кивнула Бро.- Вся перед Богом и перед вами, Батюшка отец Николай. Ничего я плохого никому не делала. Всем всё прощала. Всех любила. Но, конечно, грешила.

- Все мы грешны. Я вижу, знаю, - сказал отец Николай и осенил её крестом.- Поплачь, не стесняйся. Ты у Бога велика.

Он ещё что-то говорил. А она слушала, не вслушиваясь, смотрела на священника, не вглядываясь, ощущала рядом Бога, который там где-то смотрел в свою мудрую книгу, где уже значились восемь миллиардов землян, и подыскивал её место поближе к себе.

Бро крестилась, улыбалась, и слёзы текли по её втянувшимся щекам. Батюшка разрастался и принял очертания призрачного Деда Мороза в рясе. Она чего-то начала говорить, но губы не слушались. Бро была почему-то уверена - Батюшка её слышит, и она даже увидела слезу в уголке его глаза. Потом он неоднократно окрестил её серебряным крестом, и ей показалось - пожал руку.

После исповеди ей стало так хорошо, легко и даже весело. Как всё просто. Вот ушёл Батюшка отец Николай. Вслед за ним последовал Бог. И она вскорости уснёт и проснётся где-то там, где ничто и никто не будет её беспокоить и она никого не обременит. Она не умела болеть, не знала, как это болеют? И вот теперь -первый раз в замужней жизни, среди бела дня, лежала в постели, не «на ногах». И это постельное состояние её умиляло. Появлялась медицинская сестра и делала уколы, от которых не становилось лучше. Все за ней ухаживали. Её кормили как маленькую, как не было - ни в каком её детстве, ложечки, за ней выносили, как она называла сооружение, «урну». То Юрий Иванович, то Юрий Большой подходили и спрашивали, не надо ли чего? Она улыбалась и отрицательно мотала головой: «Нет. Всё хорошо». К ней пришло неодолимое убеждение, что всё образуется лучшим образом, она ещё обязательно выздоровеет, Майка сживётся с кем-нибудь из своих Жориков, а Юрий Иванович будет только с ней. Юрий Большой познакомится со студенткой «Колориткой», даст Бог женится и у них родится сын, а Бро позволят назвать внука как-нибудь звучно, по-русски, например, Дорми-донтом.

Вот и начнётся новый виток её жизни, в котором она не будет лишней, а, наоборот, будет всем нужна, просто даже необходима. И конечно, любима.

В эту ночь она проснулась от ощущения ясности и света. И действительно - на тумбочке в её изголовье стоял аквариум и в нём плавали все её семь рыбок, а юрче всех плавала её Неонка, не подменная, а самая настоящая, наконец адаптировавшаяся среди других. Бро только не поняла: во сне это или наяву? Но ей стало до слёз хорошо. Слёзы выкатились из её глаз и на мгновение затмили всё вокруг. Вот сейчас - стоит только открыть глаза и всё будет прекрасно. Или уже не открывать? Бог сам знает как лучше: он так и сделает. Наверное, Бог отправит её в новый виток распрекрасной жизни. Только вот, кем она будет в этом новом витке, она не знала, а ведь кто-то чего-то сказал ей или ещё скажет: «Куда торопиться и чего опасаться - если жизнь вечна»!

Бро вдруг увидела свои собственные похороны. Неужели она же уже перешла в иной мир и ей отсюда - туда показывают?

Вот Юрий Иванович склонился над ней, чего-то шепчет. Разобрать бы. Похоже: «Жди меня на девятый день, в крайнем случае - на сороковой». Боже, как ему сказать, чтобы не наделал глупостей? Без неё здесь обойдутся, Майка её подменит, от Майки Юрию Ивановичу будет больше пользы. А на его учёную голову Бог возложил особую миссию. Бро мысленно повторяла; «Юрий Иванович, повремени. Маечка, прошу, умоляю, сбереги моего Юрия Ивановича для земной жизни. Бог ещё многие тайны раскроет через его мозги с десятипроцентным коэффициентом полезного действия».

Бро чувствовала чистое свечение, стоявшего чуть поодаль Юрия Большого. Он шевелил желваками, бледный. Вот он нагнулся, поцеловал её в лоб, зашевелил губами, чтобы чего-то сказать. Нет, не скажет. Но она поняла - он пообещал сдержать данное ей слово. Какое же слово и когда он его давал? Наверное, он понял её мысль. Да, она хотела внука или внучку. Пусть её уже не будет, но теперь она уверена - её уход подстегнёт Юрия Большого к мужеству. Его дети будут походи на бабушку всем добрым, а злого в них не окажется вовсе.

Кто это там за Юрием Большим? Батюшки! Целая очередь из её подруг, друзей, знакомых, сослуживцев, заводчан и просто соседей, из всех тех, кого она любила, кому, во всяком случае отдала свою энергию, ауру, добро, тепло, жизнь - всё то, чем наделил её Бог и мама, да, и отец, конечно. Скоро она и с ними свидется. Хотя нет, не скоро. Она ещё поживёт.

...Вот кто-то целует её в холодный лоб, кто-то роняет слезу, кто-то шепчет «Прости», какая-то группа женщин в чёрных косынках поют прощальную молитву, неостановимо рыдает неразлучная «четвёрочка»: Майка, Дочка Лю, Евка. А кто же четвёртая? Это же она сама, Бро. А это кто нагнулся над её лицом? Да это же её Первенец- Севка Косой. Он же умер?! Неужели пришёл из другого мира? Или она сама уже там?

Стоит гул, заглушаемый тихой музыкой, а лица, знакомые и мало знакомые, продолжают склоняться над её лицом. Вот лицо Вовеньки - художника склонилось над ней. Пусть живёт и творит - он талантлив, ему бы кого-нибудь, кто бы в него поверил. Поцеловал её горькими мокрыми от слёз губами в губы. Он хороший, но не сложилось в художестве. Дай Бог, сложилось бы в профессии... Нескончаемый поток. Не меньше, чем показывали по телевизору на отпевании преподобной Тётки Терезы. Ой, откуда взялась такая гордыня!? Сравнила тоже: она и Тереза. Что же это - все пришли с ней проститься и пожелать, чтобы земля была ей пухом? Рано, дорогие мои, я ещё поживу, вот увидите.

В голове Бро сгустился туман. Вот и Майка приблизила лицо. Поцеловала. Чего это она подсунула под её саван? Ясно: её портрет!? Она как раз теперь стала похожа на Вовенькин карандашный силуэт. Спасибо, что запечатлел соитие их душ. Это посильнее несостоявшегося соитие плоти .

А это кто? Неужели родственница Юрия Ивановича, обвинившая её в спекуляции? «Бро, прости, я узнавала - ты меня не обманула, наоборот, продала дешевле, чем купила. Бог меня наказал за навет - сын в аварию попал. Виновата я перед тобой. Прости. Христа ради».

А вот и Батюшка - отец Николай осеняет её крестом.

«Все мы в грехе живём. Но ты Бронислава -канонизировала себя. Смотри, сколько народу пришло. Если на мои похороны придёт хотя бы половина, я буду считать, что не зря прожил жизнь».

«Благодарю вас всех, любимые мои. Дай вам Бог подольше прожить!»! Бро верила - её слова слышат все.

Все, кто любил, любит или хотя бы будет любить после того как.... Она торопилась

вы-молчатся:

«Помните. Я любила вас. И поняла, что главное -не это. Не то внушал мне столичный профессор- экстрасенс. Если он и спасся от неизлечимых болезней, то не потому, что всех любил и освещал, а потому, что ничем не болел, или потому, что любил сам себя и чужие деньги. Пусть себе живёт. Как бы это сказать ему на прощание? Любить всех- это пара плюнуть. А вот прожить, чтобы тебя все любили-это можно только выстрадать, это дано не многим, это - куда труднее.. Жаль, поздно узнала, что была любима многими и, значит, нужна. Глядишь - Бог веку бы продлил или наоборот. У Бога тоже, поди, семь пятниц на неделе. Некогда ему. Это какой же нужен компьютер, чтобы за всеми землянами уследить? Чего особенного с ней случилось? Это так мудро придумано: миг - и о неё только: «Хорошо или ничего»! Жаль - ей не хватило силы света и любви, чтобы чуть -чуть осветлиться и продлиться. Или?...

Бро закрыла глаза и почувствовала на своём лице узнаваемые губы Укрейки, Дочки Лю, Фаины, Юрия Большого: вот и - «четвёрочка» !?

И, напоследок, пятые, самые любящие, губы Юрия Ивановича, пригубившие её прощальные слёзы.

Теперь ничего было не страшно. Самое время прерваться, когда ты всеми Любима! Любима! Любима!

Чего ещё можно желать в этой жизни?!

18.06.2007

В ПАМЯТЬ О ТЕБЕ...

БЕЛАЯ ПТИЦА

Вавилин Виталий



...Черный вакуум, космическая Чёрная дыра пожирала Её, с каждой минутой засасывая и поглощая клетки истрадавшегося тела.

Лишь в недолгие минуты забытья становилось вдруг легко и свободно, словно Она уже не на Земле...

Казалось, что Её остаётся всё меньше и меньше. Словно растворяясь в холодном бесконечном пространстве, Она чувствовала, знала тот день, когда Она закончится совсем. Обезболивающие уколы возвращали Её к жизни, но помогали ненадолго и слабо.

И вновь Черная дыра заглатывала и растворяла, растворяла...

И вдруг Ей показалось, что это огромная Чёрная Крыса, грязная и голодная, с безумными глазами, со слюнявой окровавленной пастью набросилась, вскрыла острыми зубами брюшину и теперь поедает Её кишечник, отрывая и заглатывая всё новые и новые части тела.

...Она помнила эту Чёрную Крысу.

Тогда, в детстве, в деревне, Ей было всего-то лет пять. Однажды, прогуливаясь по дворику, Она забрела в хлев «посмотреть на курочек». Что-то тёмное шмыгнуло в дальний угол, как только Она зашла в помещение, и там затаилось. Ей захотелось подойти поближе и посмотреть. Детское любопытство - есть ли что-то наивнее и чище?! Там, зажата в угол неожиданным визитёром, рядом с большим деревянным ящиком сидела огромная Чёрная Крыса. Лишившись путей отступления, она не отрываясь в упор смотрела на Неё, готовая в любой момент напасть. То ли от безысходности, то ли в поисках путей отступления, она мгновенно запрыгнула на ящик и теперь находилась на уровне Её лица, да так близко, что можно было протянуть руку и потрогать.

Но дальше произошло то, чего не могла предположить даже Чёрная Крыса - вместо того чтобы испугаться, Она улыбнулась. Это была светлая улыбка любви и сострадания, именно эти чувства переполняли Её по отношению к этому, казалось бы, страшному животному. Она понимала и чувствовала, как Чёрной Крысе плохо, Ей захотелось помочь, и Она протянула к животному руку.

И Чёрная Крыса, потеряв всю свою агрессию, не бросилась на Неё, а аккуратно и неспешно спрыгнула на землю.

«Я тебя напугала. Не бойся, иди к себе домой, там у тебя детки», - проговорила Она.

Дома действительно ждали дети.

Чёрная Крыса не спеша пробежала мимо Неё к норе и через мгновение скрылась из вида.

С этого дня Она почти ежедневно носила к норе еду: то кусочек хлеба, то ломтик колбаски, пока это не заметили взрослые.

...Прошло много лет.

У Неё родился Ребёнок. Первый и, как оказалось, единственный. Вместе с Ребёнком что-то поселилось и у Неё внутри - светлое и тёплое. Мир стал другим. Ей постоянно хотелось улыбаться. Чувство счастья и любви переполняло,

возвращая что-то полузабытое.

У *Ребёнка*, ещё совсем маленького, грудного, были уже своя комнатка и кровать. Ночью Она проснулась от совершенно нового для Нее щемящего чувства тревоги. Первое, что пришло в голову: что-то происходит с Ребёнком. Она вскочила, ворвалась в детскую и увидела: на самом краю кровати, в упор рассматривая *Ребёнка*, сидит огромная *Чёрная Крыса*.

Чёрная Крыса вернулась.

Казалось, ещё мгновение и животное прыгнет на перепуганного малыша.

«Не бойся её, и она не сделает тебе ничего плохого», - прошептала Она. «Я тебя очень люблю. Я тебя так сильно люблю, что с тобою ничего не может случиться. Не надо пугаться. Твой испуг кормит её гнев».

Почувствовав мать, Ребёнок неожиданно улыбнулся.

«Это мой *Ребёнок*. Иди к себе домой, там у тебя свои детки».

Чёрная Крыса, оторвав взгляд от Ребёнка, посмотрела на Нее, на Её светящееся любовью лицо и исчезла незаметно, словно испарилась...

...И теперь *Ей* казалось, что *Чёрная Крыса* живёт в Ней, медленно и неумолимо поедая. Больше всего на свете Она боялась застонать или закричать. Ей казалось, что с этим стоном или криком *Чёрная Крыса* вырвется на свободу. Её нельзя было выпускать. Она знала: никто *Чёрную Крысу* кроме Нее не остановит, Она должна уйти вместе с ней.

А ещё Она не кричала и не стонала потому, что не хотела расстраивать родных и близких.

...Итак, Она знала день, когда уйдёт.

Жизни оставалось всего шесть дней. Она уже не могла говорить. Голос не слушался, не подчинялся Ей.

Она подозвала Мужа, и с трудом подбирая слова, очень тихо попросила пригласить к ней знакомого Батюшку. Муж удивился - Батюшка был молодым человеком, совсем ещё юношей, худеньким, нескладным, с детским, виновато-улыбающимся, прыщеватым лицом. Удивился, но тут же понял: Батюшка удивительно чист, наивен и светел. Именно его просила Она позвать, именно этот мальчишка должен исполнить, возможно, последнюю просьбу в Её Жизни.

Батюшку привезли на следующий день. Он подошёл к кровати и Она сразу его почувствовала. Что-то изменилось в комнате - воздуху стало больше, светлее стало, чище. Она приоткрыла глаза и одними губами попросила его подойти поближе.

Батюшка приблизился и молча взял Её обессиленную руку.

«Помоги мне...»

Батюшка прикрыл глаза, слегка запрокинул голову, обмяк телом, и из уст его потекла Молитва.

...Она сначала почувствовала, а потом всё яснее и яснее увидела медленно приближающийся к ней искрящийся Белый Свет. Чувство любви и благодарности к людям, ко всем живым существам наполнило Её. Она купалась в этом Свете Божественной защиты и любви. Лучи искрящейся рекой пронизывали Её исстрадавшееся тело, проникая, очищая и наполняя исцеляющей силой каждую клеточку.

«Спасибо...Спасибо... Спасибо тебе, Господи...»

Ей казалось, что Она птица, большая Белая Птица, что безмятежно парит в Белом Свете, поднимаясь всё выше и выше...

Очнувшись, задумалась: а что если это не Сон? А Сон - вся Её человеческая

Жизнь?

«Как прекрасен и удивителен был это Сон, сколько эмоций и чувств породил он во мне. Как жаль, ах, как жаль...»

И земная Жизнь калейдоскопом эмоций и событий пронеслась в Её сознании.

А ещё Она поняла, что именно Белой Птицей суждено ей остаться в Свете Святого Духа, поднимаясь всё выше и выше.

«Я вернусь! Я скоро вернусь!»

...Через пять дней Она ушла.

Не сказав больше ни слова, не приоткрыв глаз, безмятежно улыбаясь словно ребёнок во сне.

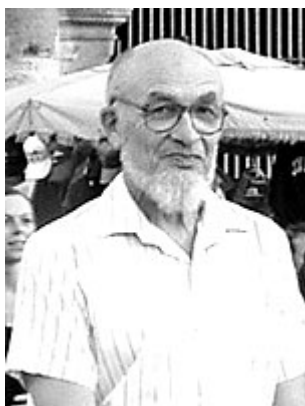
Лишь с последним Её вздохом пробежала по щеке и упала на подушку большая, чистая, переливающаяся в утреннем лучике солнца, слеза...

В ПАМЯТЬ О ТЕБЕ...

ТАТЬЯНА МАЗАНОВА И МАРИАННА...

Иосиф Письменный

От автора



Так уж сложилось, что большинство людей воспринимает в качестве художников только живописцев (пейзажистов, портретистов, маринистов) и еще, хотя намного реже, скульпторов. А между тем роль этих художников в нашей обыденной жизни, по сравнению с художниками, занимающимися прикладным творчеством, намного слабее. Мы ведь намного реже бываем в музеях и на выставках, чем в магазинах или на рынке. Покупая на рынке (не в сувенирном киоске, а именно на рынке!) деревянную игрушку, глиняную свистульку, кружевную накидку, вязаные тёплые носки, мы редко понимаем, что все эти вещи сделаны художниками, которые так и называются - прикладные художники.

Пользуясь вещами, сделанными прикладными народными художниками, мы, к сожалению, редко знаем их имена. Но иногда все же знаем.

Вот уже много лет я изредка надеваю свой любимый свитер, дизайнером которого была художница Татьяна Мазанова. И каждый раз при этом вспоминаю тёплыми словами его автора. Я расскажу об этой покупке подробнее, потому что в этом частном случае отразилось одно из главных достоинств Татьяны - забота о друзьях.

В ателье, где Татьяна Мазанова работала художницей, в одном из свитеров, сделанных по Таниному эскизу, был маленький дефект, настолько незначительный, что если не знать об этом заранее, то и не заметишь. Однако пускать товар с дефектом в продажу было нельзя. В таких случаях работники ателье имеют право сами приобрести некондиционный товар по значительно сниженной цене. Таня предложила моей жене выкупить для меня этот свитер. Жена, конечно, согласилась. И теперь у меня есть память о Тане не только, как нашей подруге, но и как о талантливом прикладном художнике.

* * *

В мой приезд в Самару летом 2005-го года мы вчетвером - Люся Андреева, Таня и Саша Рудые и я - пошли на городское кладбище посетить дорогие для нас могилы Сани и Вадика (сына Люси и Сани) Андреевых, Оли и Володи Ульяновых. Потом поехали в гостеприимную квартиру Рудых и помянули ушедших от нас друзей. Таня Мазанова (Рудая) была самой молодой в нашем коллективе (мы никогда не называли себя по-другому - не компания, а именно коллектив, ибо мы были вместе не только в праздники, но и в трудные минуты и даже в горе). И никто не мог предположить, что уже в следующем году Татьяны не станет.

Я бы мог многое вспомнить и рассказать о ней - о прекрасном человеке, отзывчивом товарище, гостеприимной хозяйке, верной супруге, любящей матери. Я прежде всего должен был бы рассказать, как я заболел, а лучший специалист по моему заболеванию работал в железнодорожной больнице. И Таня Мазанова через свою кузину, тоже Татьяну, устроила меня туда, в железнодорожную больницу, на исследование. Причем, все это по собственной инициативе, без

всяких просьб или намеков о необходимости такого исследования. Мы даже не подозревали о такой возможности.

Но я хочу рассказать о Тане и Саше Рудых с такой стороны, о которой мало кто знает.

Я расскажу о них, как о прототипах моих персонажей - Марианны и Сугубова. Рассказы, которые вы здесь прочтете, написаны давно, и я не хочу в них ничего менять, чтобы сделать их героев более похожими на реальных Таню и Сашу Рудых. («Таковыми я их вижу»- как любил говаривать своим критикам в подобных случаях мой приятель, московский живописец Аркадий Бух.)

Только предупреждаю заранее, что не надо отождествлять Татьяну и Марианну, Сашу Рудого и Сугубова.

В моем рассказе Сугубов, например, забрел в праздник к нашему столу по ошибке. («То ли перепутал номер дома, то ли номер квартиры. А может быть, и название улицы. Но зайдя в квартиру и немедленно получив положенную опоздавшим штрафную рюмку, он не стал ничего уточнять, а уверенно уселся поближе к тамаде и тут же овладел тарелкой с холодцом и всеобщим вниманием.» Это я сам себя цитирую). А вот реальный Саша Рудой не мог себе позволить такую бесцеремонность, как усесться за чужой, уставленный яствами стол, - Саша утверждает (и я ему верю), что он пришел к нам, потому что его пригласила в наш коллектив Татьяна.

И защита Рудого (а не Сугубова) происходила не у нас в городе, а в столице Башкирии Уфе. Но она ведь происходила! И объявления о ней с грубыми ошибками в тексте тоже были.

Может быть кому-то покажется, что в рассказе «Защита Сугубова» Марианна мало присутствует. Позволю себе с этим не согласиться. Ведь главное в нашей жизни - это надежный тыл. Надежный тыл - это самая главная наша защита. Как Марианна у Сугубова, как Татьяна у Рудого.

Так что все было так, как здесь написано, но немного по-другому. Все здесь полнейшая правда, но правда художественная. Читайте и делайте выводы сами.

МАРИАННА И СУГУБЫЙ

Я уже упоминал в своих рассказах о том, что наш друг Володя подрабатывал, занимаясь оформлением праздничных номеров стенных газет различных предприятий бытового обслуживания и общественного питания. Наибольший успех имел (по-крайней мере в нашем коллективе) первомайский номер стенгазеты Пионерских бань, занявший первое место на очередном городском смотре стенной печати. Пионерские бани получили свое название от Пионерской улицы, на которой были расположены, и на первый взгляд представляли собой обычную районную баню. Но только на первый взгляд, ибо это был клуб интересных встреч со своими традициями и постоянным контингентом.

В выше упомянутом номере стенгазеты все мужские персонажи были нарисованы с Саньки, Славки, Рафика и меня. Не забыл Вовик и самого себя. Особенно потешало нас Вовкино умение, изображая нас всех в голом виде, тем не менее выбрать такой поворот тела, такое положение шайки, мочалки или веника, чтобы не показывать в явном виде главный отличительный признак мужчин.

Однако когда Вовка захотел изобразить в этой газете и наших жен, то встретил неожиданный отпор со стороны своей супруги. Вовикова заявила примерно следующее: она ни минуты не сомневается в эстетических достоинствах как своей собственной богатой натуры, так и остальных дам из нашего коллектива, но не позволит помещать все это богатство на всеобщее обозрение в таком малоэстетичном месте, как вестибюль районной бани. Пришлось нам всем за

компанию с Вовиком сделать внеочередную вылазку в баню и провести лишний час в вышеназванном вестибюле, пока Вовик не набрал там должное количество прототипов женского полу для своих рисунков.

(Замечу в скобках, что, когда Бовина говорила об эстетическом богатстве своей натуры, она была абсолютно права. Когда Бовина в купальном костюме и халате нараспашку разгуливала по дачному участку, возле их забора обязательно застывали с разинутыми ртами прохожие мужики, и дольше других - выходцы с Кавказа, отслеживая восторженными взглядами все ее перемещения по участку.) Бовина победа на этом областном смотре неожиданно имела два важных последствия для всего нашего коллектива. Первое из них проявилось самым непосредственным образом: директор бани расплатился с Володькой довольно оригинальным способом. Вовик получил право бесплатного прохода в мужское отделение нашей бани до конца календарного года. Да не один, а вместе с сопровождающими лицами, то есть с нами.

- А чем же еще он мог с тобой расплатиться? - философски прокомментировал это Славик. - Свободным проходом в женское отделение? Да его бы за это тут же поперли с работы!

Второе последствие сказалось на нашем коллективе опосредственно. Оно выразилось в том, что наши встречи и застолья стала посещать Марианна. Появление Марианны было вызвано возросшим количеством заказов со стороны мелких предприятий, желающих прославиться в областном масштабе. Именно это побудило Владимира перейти на метод создания художественных шедевров, широко применяемый как советскими, так и западными художниками, скульпторами и даже писателями. Я имею в виду групповой метод, когда труд целого коллектива выставляется под фамилией одного единственного, но именитого автора. Короче, Вовик стал искать помощника и таким образом вышел на Марианну.

Трудились Вовик и Марианна над стенными газетами за большим обеденным столом на квартире у Вовиков, обычно по вечерам после основной работы. Поэтому нет ничего удивительного, что в один из праздников Марианна осталась сидеть за вышеназванным столом, когда мы стали прибывать к Вовикам, чтобы отметить этот праздник должным образом. После этого случая Марианна стала регулярно приходить на все наши собрания (как мы скромно называли свои застолья).

Как-то раз, пригласив Марианну на танец, я откровенно сказал ей примерно следующее:

- Ну чего тебе ходить в наш коллектив, где все мужики лет на десять старше тебя и давным давно разобраны? Неужели нет подходящей молодежной компании? Глядишь, и жениха найдешь стоящего. А здесь тебе ничего не светит. Кроме тени отца Гамлета...

Насчет тени отца Гамлета это я пошутил так, чтобы скрасить свои назидательные речи.

Марианна не обиделась и ответила тоже откровенно, хотя и закончила весьма туманно:

- Да ну их, молодежные тусовки. Там скучно. А сюда я хожу, потому что мне интересно здесь. Что касается жениха, то кто знает, где его найдешь, а где потеряешь...

ЗАЩИТА СУГУБОГО

... Однажды на наши пиршества забрел Сашка Сугубый. Он был наш ровесник, но вечно вращался с молодежью, или она вокруг него. Впрочем, не важно... Еще в

студенческие годы Сугубый опубликовал сборник юмористических рассказов «Телега». Эта телега была не целиком его, ему там принадлежало только одно колесо, так как в этом сборнике было представлено четыре автора, по замыслу издателей, четыре колеса. Но трое остальных колес лично нам не были знакомы. Поэтому мы всегда признавали Сугубого единственным автором этой веселой книги. Такой удаче - стать автором книги в студенческие годы - Сугубов был обязан очередному комсомольскому съезду, к которому наш обком комсомола вздумал подготовить столь нестандартный подарок.

Думаю, излишне говорить о том, что, как только стала формироваться областная команда КВН, туда немедленно был приглашен Сугубый в качестве одного из авторов. Областная команда веселых и находчивых, особенно группа поддержки, постоянно подпитывалась молодежью из числа студенческой молодежи, но костяк ее, в который на правах мэтра входил Сугубый, оставался неизменным. Благодаря девочкам из группы поддержки, и сами мэтры оставались неизменно молодыми. Правда, из-за этих девочек ломались многие семьи, но мэтров это, похоже, не очень беспокоило.

К нашему столу, я думаю, Сугубый забрел по ошибке. То ли перепутал номер дома, то ли номер квартиры. А может быть, и название улицы. Но зайдя в квартиру и немедленно получив положенную опоздавшим штрафную рюмку, он не стал ничего уточнять, а уверенно уселся поближе к тамаде и тут же овладел та-трелкой с холодцом и всеобщим вниманием. Один из его рассказов я помню до сих пор, хотя больше никогда не слышал.

- ... Мамадя, сука буду, не пей вина, мамадя!... А Полоний, а Полоний!.. А Офелия, Офелия!... Уйди, говорит, уйди! Немедленно убирайся отсюда в монастырь! Кому говорят, уходи в монастырь!... Не пей, мамадя!... Сукабуду, не пей! ... Бедный Иорик ... Бедный Иорик! - и Сугубый искренне зарыдал.

Сугубый несколькими фразами создал яркий образ малообразованного парня, случайно попавшего в театр на «Гамлета» и потрясенного великим Шекспиром. Придя к себе в цех, этот парень восторженно пересказывает содержание пьесы своим друзьям за кружкой пива или бутылкой водки.

- Ну вот и тень отца Гамлета, - заговорщицки улынулась мне Марианна.

... Через год они расписались и родили сына. Сугубый распрощался с КВН'ом, а Марианна перестала помогать Вовику в оформлении праздничных стенгазет. Но в нашем коллективе Марианна и Сугубый остались.

Я уже неоднократно говорил о том, как образуются женские имена в нашем коллективе. (У Вовика жена Бовина или Вовикова, у Сани - Санина, у Славика - Славикова.) Но Марианна пришла в коллектив самостоятельно, а не как жена Сашки Сугубого. Поэтому она навсегда осталась Марианной. А вот с самим Сугубым вопрос оказался сложнее. Называть его по имени жены, скажем Марианнин, мы не стали. Зачем обижать мужика? По имени его тоже нельзя было называть - имя Саня навечно принадлежит Андрееву. Саша, Шура - все это как-то не прижилось. Так и остался Сугубый Сугубым, по псевдониму в его единственной книге рассказов «Телега».

Моя многообразная супруга говорит, что, согласно Далю, СУГУБЫЙ означает двойной, удвоенный, и, следовательно, человек, выбравший себе такой псевдоним, тем самым предсказал свою судьбу и свой второй брак.

Порастеряв после защиты диплома изрядное количество времени на участие во всяческих КВНах, Сашка Сугубый в научном плане засиделся на старте и решил заняться кандидатской диссертацией тогда, когда большинство его сверстников уже успели забыть, что они там понаписали. Тем не менее настал тот день, когда должна была состояться и его защита.

Мы с Вовкой, облачившись в праздничные костюмы, пришли, как было оговорено

заранее, к Саньке Андрееву в лабораторию, чтобы оттуда всем вместе направиться в зал заседаний Ученого совета. Еще входя в вестибюль, мы увидели треногу, на которой был установлен щите приколотым к нему листом ватманской бумаги. Это было объявление о защите диссертации. Мы подошли поближе и стали читать.

Все, как положено:

Такого-то числа и такого-то месяца.
В таком-то корпусе
и в такой-то аудитории.
Состоится защита диссертации на тему
**«Системный анализ транспортировочных
свойств тяжелых парафинов»**
соискателем ученой степени
кандидата технических наук
Сугубовым А.Д.

- Володя, - спросил я. - Тебя ничего не смущает здесь?

- Нет, а что?

- Кто будет защищаться-то?

- Как кто? - начал Володька и осекся. - О черт! Надо ведь не Сугубовым А.Д., а Сугубым А.Д.!

- Да ни так, ни так неверно. Сугубый ведь его прозвище, а настоящая-то его фамилия другая! Припоминаешь?

- Здорово! - пришел в восторг Володя. - А я сразу и не сообразил!

Я уже как-то упоминал, что когда-то один из наших Санек публиковал свои рассказы под псевдонимом Сугубый. Все так привыкли к этому прозвищу, что стали забывать его настоящую фамилию. И вот сейчас институтский художник, которому поручили написать объявление, очевидно без всякой задней мысли, написал это прозвище на официальном объявлении, да еще зачем-то проявил инициативу и скорректировал окончание.

- Ну и порядочки у вас здесь в институте, - заявили мы с Вовкой Саньке Андрееву, заходя в его лабораторию.

- А что такое?

- Можешь пойти полюбоваться, какое объявление установили в вестибюле! И много таких объявлений вы тут поразвесили?

- Вечно ты, Джо, со своими придирками! И ты, Володька, хорош! Идешь у него на поводу, - заявил Санька, но все же пошел с нами полюбоваться на текст.

- А что? Вполне на уровне! - солидно заявил он. - Раньше все больше на автоматические и автоматизированные системы упирали, затем стало модным защищаться по информационным системам. Помню период, когда работы без слов «оптимизация» или «оптимальный», «оптимальная» в заголовке посылать в ВАК было бесполезно. Зарубят! А вот сейчас «системный анализ» или «системный подход» требуются. Или еще лучше - «некоторые аспекты системного подхода». Так что у нас в вузе все на современном уровне - не подкопаешься!

- Да мы не о том! Кто защищаться будет?

- Как кто? Сугубый! - и тут Санька осекся. - Мда, сколько инстанций проверяли текст: и кафедра, и деканат, и профком, и местком, и Обллит, и отдел аспирантуры, и первый отдел. И не углядели! Вот уж воистину - у семи нянек дитя без глаз!

Он тут же провел нас в какую-то комнату, где на столе лежали листы ватмана, а в шкафу имелся богатый выбор чертежных перьев, туши, красок и кистей.

Вовка немедленно снял пиджак и стал переписать текст заново.

Санька тем временем принялся куда-то звонить, выясняя сколько таких объявлений успели развесить. Оказалось, что не так-то много - всего три: в административном корпусе, в котором находился ректорат и в котором происходили все защиты (студенты и преподаватели называли его Старым корпусом), в Новом корпусе, где находились большинство новых кафедр и лабораторий, и на факультете, где Сугубый числился среди соискателей. Саня и я обсудили с Володей кое-какие детали и оставили его заново переписывать злополучные объявления, а сами поспешили в зал заседаний Ученого совета...

Должен сказать, что наиболее ответственными моментами на любой защите, моментами, в которых всегда присутствует элемент неожиданности, являются следующие: момент, когда диссертанту начинают задавать вопросы, и момент, когда ему начинают делать замечания. Чтобы свести риск к минимуму, некоторые диссертанты специально заранее договариваются с друзьями, какие вопросы те им зададут. Вопросы должны быть не трудными, но выглядеть позаковыристей. И задать их надо во-время, пока тебя не опередил какой-нибудь нахал из противной команды, желающий поставить диссертанка в неловкое положение. Но мы с Санькой заранее ни о чем с Сугубым не договаривались и поэтому чувствовали себя свободно и непринужденно.

Впрочем мы, не менее чем остальные, были удивлены, когда в зале поднялся плотный мужчина в погонах и строго спросил:

- Темой Вашей диссертации является системный анализ свойств тяжелых парафинов.

Как известно, парафины являются горючим материалом. Меня, как представителя пожарного ведомства, интересует такой вопрос: Вы ограничились системным анализом сугубо транспортировочных свойств этого горючего материала или рассмотрели также различные аспекты противопожарной защиты при транспортировке?

Слово «аспекты» в устах Пожарника нас с Санькой особенно умилило.

- Весьма существенный вопрос, - тут же поддержал Пожарника старейший член Ученого совета, завкафедры техники безопасности, который, согласно студенческому фольклору, помнил еще пожар Москвы в 1812 году. - Какую противопожарную защиту Вы предусмотрели в своих исследованиях?

В зале послышались смешки - вопрос явно выходил за рамки диссертации. Что ответил диссертант Пожарнику, мы с Санькой не расслышали, так как нас отвлек Володька, только в этот момент сумевший пробраться в зал. Он сообщил нам, что все сделал в лучшем виде.

Напрасно потом и Сашка Сугубый, и Сашка Пожарник доказывали Саньке Андрееву, Вовке и мне, что они заранее ни о чем не договаривались, что у Пожарника просто сработал профессиональный рефлекс. Еще долго после этого, напивая спиртное в рюмки, мы интересовались у них, какую сугубую - хо-хо-хо! - противопожарную защиту надо предусматривать при транспортировке - хе-хе-хе! - рюмок ко ртам.

Выслушав результаты голосования и приняв поздравления, Сугубый, сопровождаемый друзьями, по институтской традиции пошел срывать объявления о собственной защите. Подошел к тому, что висело в вестибюле Старого корпуса, и обомлел. Там было написано:

Сняв это объявление и свернув его в трубку

Такого-то числа и такого-то месяца. В таком-то корпусе

и в такой-то аудитории.
Состоится защита диссертации на тему
**«Системный анализ транспортных
средств древних ПАРФЯН»**
соискателем ученой степени кандидата
технических наук
Сугубовым А.Д.

на память, группа товарищей во главе с диссертантом направилась в Новый корпус. Там они увидели следующее объявление:
Когда группа во главе с Сашкой Сугубовым

Такого-то числа и такого-то месяца.
В таком-то корпусе
и в такой-то аудитории.
Состоится защита
кандидатской диссертации на тему
**«Системный анализ защиты Нимцовича
в свете новейших транспортных
исследований профессора кислых щей
Су-Гу-Боя»**
Защитник сам Су-Гу-Бой (КНР)

пришла на его родной факультет, то там объявление было еще похлеще:
Три буквы БЕС к названию были добавлены

Такого-то числа и такого-то месяца.
В таком-то корпусе
и в такой-то аудитории.
Состоится защита
Ученым Советом института
ученой степени кандидата технических
наук от домогательств соискателя
Сугубого А.Д.
Тема защиты:
**«БЕС-Системный анализ тяжелых
транспортных средств ПАРЫ ФИННОВ»**

фламастером, судя по всему, уже после того, как объявление вывесили.
Но самая неожиданная афиша, даже для нас с Санькой Андреевым, была
установлена возле входа в малую институтскую столовую, где проходят все
банкеты после защиты диссертаций:
Вовка потом клялся и божился, что он здесь

Такого-то числа и такого-то месяца.
В таком-то корпусе и в таком-то зале.
Состоится товарищеский суд
над вымогателем

ученой степени кандидата тех еще наук

Рыжим А. Д.

Суд состоится при закрытых дверях.

Вход только по пригласительным билетам.

Пригласительные билеты в деканате.

Сегодня в связи с судом

деканат не работает.

не при чем. Наши половины, которые во время защиты помогали Марианне в оформлении столов, тоже утверждают, что это не их проделка.

Мы склоняемся к мысли, что это работа Марианны, жены Сугубого. Для этого имеются сильные аргументы: во-первых, она тоже художница, как и Вовик, и во-вторых, только на этом объявлении фамилия диссертанта была написана правильно.

... В настоящее время все эти объявления можно увидеть среди семейных реликвий у Миши, сына Марианны и Сашки Сугубого, -тьфу ты! - Марианны и Рыжего А.Д.

НО ЧТОБ ЗВЕЗДА ТВОЯ НА НЕБЕ СИЯЛА ЯРКОСТЬЮ СВЯТОЙ

Татьяна Бобкина



Века проходят, звезды гаснут и зажигаются опять.
И чередой проходят судьбы сквозь толщъ веков, чтоб
созидать.
И всякий, кто прожил здесь, знает, тернист и труден
путь земной
И каждый путник, побывав здесь, вновь возвращается
домой.

И ты пришел из ниоткуда, из прошлых жизней,
прошлых лет

Проделав путь совсем не легкий, чтобы оставить в мире след.
Пройдешь ты этот путь и снова, звезда на небе заблестит,
И что же ты оставишь миру? Открытий кучу иль обид?

Но чтоб звезда твоя на небе сияла яркостью святой
Одной прожитой жизни мало: придется вновь пройти путь свой
И встретить вновь друзей по жизни, и занять опять врагов
И в мире снова след оставить. Круговорот - закон таков!

И ангел смерти прилетит вновь, и заберет тебя с собой
И там ты дашь отчет о жизни, что была прожита тобой

И если снова не доделал земные скучные дела
Тебе придется вновь вернуться не раз, а может и не два.

И вновь закаты золотые с друзьями будешь коротать
Забудешь прожитые жизни и снова будешь созидать
И вновь пересекутся судьбы твоих друзей, твоих врагов
И только любящее сердце с тобою тысячи веков.

СТИХОДРОМ

МЫ ВМЕСТЕ ПОЗНАВАЛИ НЕПОЗНАННОЕ...

Наталья Яковлева



Когда в Божественные двери открываешь,
То удивляет только простота,
Пусть радость жизни сердце заполняет
И помыслов высоких чистота!

Странички из дневника, посвященные Татьяне Мазановой

Торопишься ли ты, дорогая моя, как и раньше, жить,
творить, дерзать...

Древние тропы были нами хожены - перехожены.

Дерево - символ очень древний.

Еще первобытные люди верили, что дерево отделяет Небеса от Земли и в тоже время служат мостом между ними.

Мы вместе с тобой познавали непознанное, шаг за шагом отвоевывая у забвения сознания судьбоносные озарения.

Становясь Древом, корни опускали, вращались в Землю, а ветви вдруг доставали до Небес.

Сердце просыпалось в радостном трепете: в человеке заключены оба рода энергии, а между ними безмерное пространство для духовного совершенствования.

*Чтобы понять происходящее,
Отправляемся в путешествие по Древу Сефирот.
Путешествие не в лодке и не в автобусе,
Оно позволяет сделать фазовый переход.
Мыслью - инструментом сейчас мы управляем,
И открываем радость, и в Душу Мир вливаем.
Смысл жизни - не в страдании, не в жертвоприношении,
А просто в человеческом и чистом отношении.
Не для борьбы приходят все люди изначально.
Лишь искажая суть свою, окончат путь печально.
Свет радости включайте и чудо ощущение,
Свой Дух преображайте - познайте превращенье.
Здоровье к вам вернется, коль очи не потухнут,
А если самость сбросить, то все барьеры рухнут!
Лишь сами создаем мы любые все проблемы.
Включайте радость творчества и выйдете из плена!
Не избегайте радости здесь жизненных уроков,
Тогда освободитесь от всех земных пороков!
Тебе - строителю пространства любви*

Мир удивительный, волшебный открыт любому для любви, Всегда с прекрасным настроением идешь ты к людям. В наши дни должны мы с чистыми сердцами дорогу жизни проложить. Порой я восхищаюсь вами не просто мудрым в жизни быть. Дневная суета стремится заставить нас остановить Свое стремление к

миру, к свету, но как нам без него прожить, Без этого чудесного стремления нести добро и радость вновь. Пусть будет много в жизни счастья и вечно юная любовь!

Юля Чеснокова
(крестница Тани)



Я сегодня поплачу немного,
Посижу у окна в темноте.
Посмотрю сквозь стекло на дорогу,
Утонувшую в жёлтой листве...

Будет дождь в унисон со мной плакать,
Будет он о беде вспоминать,
Без зонта, в осеннюю слякоть
Будет нас погулять приглашать...

Согласимся - была не была,
Растворилась лишь ты в темноте.
Я заплачу, ведь ты уплыла

В неизвестность на жёлтом листе...

ЛЮБИМЫЕ РЕЦЕПТЫ

В этом разделе мы публикуем рецепты из Тониной рукописной кулинарной книги. Мы постарались разделить рецепты на разделы, чтобы в них было удобнее ориентироваться. Но один рецепт не подходил ни к одному разделу и мы решили начать с него, ТАК КАК ИМЕННО ЭТИМ Танюша увлекалась в последние годы жизни.

ТАНЮШИНЫ ЛЮБИМЫЕ РЕЦЕПТЫ

БАЛЬЗАМ ЖИВОТВОРЯЩИЙ



100 листьев вишни, 100 листьев малины, 100 листьев смородины залить 2,5 литрами воды. Кипятить на медленном огне 2 часа. В охлаждённый раствор добавить 600 гр. сахара, вскипятить быстро и охладить. Добавить 1 ст. сока черноплодной рябины и 0,5 л водки.

СОЛЕНЬЯ -ВАРЕНЬЯ

Желе смородиновое

7 стаканов воды вскипятить, 9 стаканов смородины (1,5 кг) варить 3 минуты, засыпать 3-мя кг сахара и с момента закипания 12 минут варить. Горячую массу в банки.

Огурцы в банках

Огурцы замочить на 10 - 12 часов. Банки промыть и ошпарить кипятком.

На дно банки: укроп, чеснок, листья вишни, смородины, кипятком залить, стоят пока не остынут.

1 ст. ложка соли, 1 ст. ложка сахара, на 1 литр воды.

Добавить на 3 литровую банку огурцов 1 чайную ложку столового уксуса.

Салат «Балатон»

5 кг. помидор, 3 кг огурцов, 1 кг. перца, 1 кг. лука, 150 - 350 гр. зелени (укроп, петрушка, киндза), 1 ст. масла, 1 ст. сахара, 3 ст. ложки соли, 1 ст. ложку уксусной эссенции развести в масле. Всё перемешать, разделить на 3 части и каждую кипятить 10 мин. Закатать в стерилизованные банки.

Баклажаны

2 кг. баклажан, 1 кг. перца, 1 кг. помидор, 3 головки чеснока, 1 ст. масла, 150 гр. 9% уксуса. Уложить слоями, тушить 30 минут, закатать в стерилизованные баки.

Зелёные помидоры

4 кг резанных зелёных помидор, засыпать 100 гр. соли, сок слить через 3 часа.

Добавить 1 кг резанного колечками лука, натереть 1 кг моркови, 5-6 штук болгарского перца, 0,5 стакана сахара, 1 ст. подсолнечного масла.

Варить 40 минут, в конце варки добавить зелень (укроп, чеснок, петрушка).

Закатать в стерилизованные банки.

Соленое сало

1 стакан воды, 1 стакан соли, лавровый лист, перья лука. Вскипятить рассол, положить сало, накрыть тарелкой, кипятить 10 минут и оставить на 10 часов в рассоле. Вынуть и заправить чесноком.

Огурцы консервированные

На 6 литров воды 8 столовых ложек соли, 6 столовых ложек сахара, 3 чайные ложки эссенции. 2 раза обдать кипятком, на 3-ий раз -залить рассолом и закатать.

Огурцы особенные

На 3-х литровую банку 3 куста укропа, головка чеснока, 3-4 гр. хрена очищенного, веточку чёрной смородины, 10 листов вишни.

Огурцы плотно уложить в банки, пересыпать листьями, так огурцы стоят ночь, на утро залить рассолом: 10 литров воды, полпачки соли, закрыть стерильными крышками и поставить на холод.

Маринованные опята

1 кг. грибов, 1 стакан воды, 1½ стакана уксуса, 1½ ст ложки соли, 2 чайные ложки сахара, 5-6 горошинок чёрного перца, 4 гвоздики, кусок кориандра, укроп.

Прокипятить с луком грибы (если лук посинел, то их есть нельзя), откинуть на сито, промыть холодной водой и час кипятить с маринадом.

Переложить в стерильные банки, залить растительным маслом и под пергаментную бумагу в холод.

Перец болгарский

3 кг перца (порезать пополам), 4 крупные моркови, 5 луковиц, 3 столовые ложки сахара, 1 столовую ложку соли, 600 гр. томатного сока.

10 минут кипятить, туда кладём перец, головку чеснока, чайную ложку перца горошком, пучок зелени, 1½ ложка корицы, 1 чайная ложка эссенции. Банки стерилизовать.

САЛАТЫ

Салат из курицы с грибами

Курица отварная, 300 гр. грибов с 2 головками лука, прожарить, 100 гр. чернослива, 3 яйца, Свежий огурец, майонез.

Укладывать слоями и промазывать майонезом:

1. чернослив;
2. курица;
3. грибы;
4. яйца;
5. прямо на майонез натёртый отжатый огурец.

Салат с ананасами

Обжарить куриное филе, добавить дольки ананаса, листья салата порвать руками. В йогурт добавить кордамон, карри, киндзу. Всё перемешать. Сверху положить курагу с ананасами и салатом. Залить подогретым коньяком.

Салат «Царский»

Солёная рыба, кальмары, мясо криля, при-копчёная рыба, яйца, зелёный салат, свежие огурцы, оливки, майонез.

На салат выложить морепродукты, резаный огурец, оливки, посыпать тёртым яйцом, полить майонезом.

Салат из курицы

Курица маринованный лук, чернослив, свёкла, майонез, сверху орехи.

Салат из фасоли

Фасоль, пассированный лук, чернослив, грецкие орехи, чеснок (отжатый), майонез.

Королевский салат

Говядина отварная, маринованный лук, сыр, яйца, орехи, майонез.

Салат из печени

Пассированный лук и морковь, печень прожаренная, майонез.

ДЕССЕРТЫ



Куличи

15-12 желтков, 1 ложка молока, 1 пачка маргарина, 1 пачка сливочного масла, 200 гр топлёного масла, 2 стакана сахара, 1 стакан подсолнечного масла, 1 чайная ложка соли. Желтки взбить с сахаром, а белки взбить и ввести в тесто

Ватрушка

Тесто: 3 стакана муки, 100 гр. масла, 100 гр. сметаны, 2 яйца, около стакана сахара, сода.
Начинка: 0,5 кг, творога, 1 - 2 яйца (если жидко - добавить манки). 1 ст. сахара.

Пирог с яблоками, вишней, клубникой

750 яблок или вишен, неполный стакан муки, неполный стакан сахара, 2 яйца, 75 гр. сливочного масла, 10-15 гр. орехов, 0,5 чайной ложки соды, гашёной уксусом, 3 ст. ложки сахарной пудры.

Форму смазать маслом, засыпать фруктами - ягодами. Выпекать в умеренно нагретой духовке, остудить, перевернуть, посыпать сахарной пудрой.

Тесто для пиццы

Дрожжи 1¼ пачки - 25 гр., стакан молока (кефир, простокваша, сметана), соль, сахар по вкусу, 250 гр. маргарина, 3 полных стакана муки.

ГОРЯЧИЕ БЛЮДА

Чанахи

На 500 гр. баранины 750 гр. картофеля, 200 гр. помидор, 300 гр. баклажан, 200 гр. стручковой фасоли, 1 головка лука.

Баранину кусочками положить в кастрюлю или горшок. Туда же положить мелко нарезанный лук, картофель, помидоры половинками, стручковую фасоль, баклажаны мелкими кубиками, зелень. Посолить, поперчить, залить 2-мя стаканами воды, тушить в духовке 1,5 часа.

Блинчики

2 ложки майонеза, 2 столовые ложки сахара, 1 - 2 яйца, соль, сода, 1 ст. ложка подсолнечного масла, 1,5 стакана воды или молока, 7-8 ложек муки.

Оладьи из печени

1 кг фарша печени, 2 яйца, соль, перец, головка лука. Печь на медленном огне.

ДЕТИНЕЦ



Кристина 12,5 лет

- Это был её дневник (двойник)
- Мама, спой мне песню про хомяка и мальчика! (Песнь Людвига Ван Бетховена «Сурок», догадалась мама)
- Мне приснился кошмар, а потом из зала раздались звуки, которыми хомяки не шевелят!
- Баба Тома, ну почему же ты за них, а не за меня, я ведь уроки за ради тебя делаю!
- Беля: «Я хочу приручить Шушу (шиншиллу)». Кристина «Ты её не переисправишь!»
- Как я не люблю этот роп и рек!
- Мама, не наркадай (не накаркай)!
- Карибы пиратского моря...
- У Джона Деппа дочка болеет стриптизом! (сепсисом)
- А кто будет баллотироваться на Путина?
- Сейчас я буду нудой! (предостережение).
- В Америке один артист умер от ракомании!
- По радио песня: «22 на поле вышли бугая...» «Что, что? 22 на поле вышли пукая?»
- Когда мне исполнится 18 лет я сдам права на машину!
- Мама, сделай мне фотографию в полный рост и в лицо!
- Сейчас я сделаю у Таечки на голове шахер (хаер)
- Я хочу научиться рулить машину!
- Меня балдеет, какой он белый и пушистый! (Похоже, русскому языка для нашей девочки не родная).
- В нашем дворе надо сделать такую же подставку под машины, как в соседнем (имеется ввиду стоянка).
- «Когда выпишут Уткина?» «Откуда?» «Из тюрьмы!»

- Ленин лежит в саркофаге в Асдобане (тюрьма для волшебников из Гарри Поттера)
- Скверчки поют (задумчиво).
- Играя в рулетку: «Я буду курьер!» (имеется-ввиду - крупье)
- «Площадь Свободы» символично переименована Кристиной в «Площадь Вечности».
- У нас у всех возвышенная самооценка! (повышенная)
- Наелась, как на мамеиней свадьбе.
- Мы со школой пойдём на экскурсию в ботанический сад. Потом надо диссертацию написать (доклад).

Белла, 9,5 лет



- Мама, сори сюда!
- Животных надо дрессировать, чтобы они с помощью голоса могли поднять лапку, тренироваться...
- Мама, Котя отпустился (собака убежала).
- Мама, ты же знаешь, я очень быстро стесняюсь!
- Криса, я не могу делать математику без транспортёра (транспорта).
- У нас в школе сейчас ветрянка по краснуре!
- Когда родился? 23 февраля? Ну, это год свиньи!
- Какая рыба рулька?
- Бывает картофель «фри», а у меня картофель «жри»!
- Папа: «Я в детстве очень любил молоко!» Белла: «И я люблю молоко. Это ты в меня попал!»
- Мама потрогала Белле лоб, проверяя температуру, следом подошёл дед Саша и поцеловал лоб, с той же целью. Белла: «Ты не тут целуй! Тут уже мама охладила...»
- Показывая на плавник сушёной рыбы: «Дайте мне этот жабр!»
- Сломался телевизор. Белла: «А папа вызовет сантехника?»
- У нас уже были невыходимые выходы...

- Читает вслух: «Разливное пиво в кедах!»
- Мама, смотри, как у меня волосы распуши-рились!
- Глядя на голенького малыша в бассейне: «А это у вас кто, мальчик или девочка?»

Давид 9,5 лет



- Гоша Вере про банку варенья: «Это не малина!» Давид, думая, что отец отвечает на его вопрос «Можно ли пойти в компьютерную», говорит: «Ну почему, папа, вполне малина!»
- Болеющий пап сморкается. Проходящий мимо Давид философски: «Ну по сравнению с этим, моё хрюканье - это хрюканье дилетанта!»
- Бабуля похвалила Белю и Давида за то, что они перестали ссориться. «Это потому, что мы научились проигрывать!»
- Давид из Теплицы звонит Вере в Тольятти: «Папа купил машину. Но просил никому про это не говорить!» «Почему?» «Еврей... (снисходительно)»
- Гоша с Давидом играют в фамилии. Давид заказывает: «Писатель, первая буква «А»!» Гоша перебрал несколько фамилий сдаётся. «Анегин», - поясняет Давид.

Алиса 2,5 года



- Алиса, кем ты будешь, когда вырастешь?
- Бандидой!
- Алиса, скажи бабуле два слова.
- Бабуля, два слова...

На выход отца из ванной: «Вот он, Змей Горыныч!»

В поезде папа спит на верхней полке. Алиса:

- Мама, мы с тобой девушки.
- А папа кто?
- А папа - человек! Видишь как он высоко над нами!

Алиса не хочет убирать игрушки. Давид её шлёпнул. Сквозь слёзы:

- Это не вежливо!

Папа пьёт кофе с молоком. Алиса:

- Что пьёшь, чай?
- Нет, посмотри
- Кофе
- Правильно, а с чем?
- С солем.

Если Алиса в положении лёжа на что-то обиделась, она поднимает ножки коленками к лицу, а восстановив хорошее настроение, раскидывает их шпагатом.

Давид:

- Дай я тебя поцелую.

Алиса «театрально»:

- Нет, не позволю!

Пришёл в гости Никита (1 год) с родителями:

- Посиди с Никитой.

Через минуту Алиса выходит из детской и сообщает:

- Всё, посидела!

Беседа отца с дочерью:

- Когда ты вырастешь большой, у тебя дети будут?

- Будут и они будут сосать бидоны (так мама называет грудь).

- А кто у тебя будет? Мальчики или девочки?

- Мальчики!

- А как ты их будешь звать?

- Гады!

- Алиса, давай я помогу убрать тебе игрушки.

- Не надо, у меня руки смелые!

- Я хочу на ручки к Вифт... к Вифт... Вифталию!

Стоит перед холодильником с магнитиками.

- Дайте мне коровку.

Никто не реагирует.

- Дайте мне коровку... Дайте мне коровку, ё-моё.

Гоша поёт: «Море, ты слышишь море, твоим матросом хочу я стать...»

Алиса вторит: «Море, ты слышишь море, с твоим матросом хочу я спать...»

- Алиса, кого ты больше любишь, Кристину или Белю?

-Олю!

Оля, 46 лет

Читает в лифте инструкцию: «В случае остановки между этажами проворно нажмите кнопку нужного вам этажа». В оригинале значится: «повторно».

Читает книгу интеллигентнейшего писателя Кира Булычёва и вдруг натывается взглядом на название главы «Сталкер Жопа». Внимательно вчитывается, то же самое и лишь на третий раз до неё доходит, что она читает русскую «Эр», как английскую «Пи».

РЕКВИЕМ



Пришла на «рандеву»,
А вышло всё иначе:
Он песню мне про «крошечку» завёл
И сердце у меня заняло: стонет, плачет...
Грустит оно о том,
Что трудно передать словами,
Что женщины, которую любил, уж нет,
И что теперь - лишь реквием стихами...
Что крошечки вниманья и признанья
Теперь другая спросит...
Как странен этот мир,
А время всё уносит...

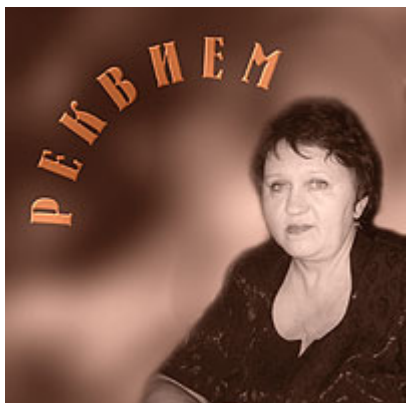
Ирина Денисова

РЕКВИЕМ по ТАТЬЯНЕ...

МУЗЫКА МАРКА ЛЕВЯНТА



1. ТАНЕ, слова А. Рудого, исполняет Марк Левянт
2. РОМАНС, слова А. Жигулина, исполняет Валентина Пономарёва
3. МОИ ДРУЗЬЯ, слова В. Ерицева, исполняет Сосо Павлиашвили
4. ДЕКАБРЬСКИЙ ДОЖДЬ, слова Б. Иткина, исполняет Марк Левянт
5. КОЛЫБЕЛЬНАЯ, слова В. Ерицева, исполняет Марина Архандеева
6. ДАВАЙ ПОМОЛЧИМ, слова А. Дементьева, исполняет Марк Левянт
7. НЕ СУДИТЕ, слова Б. Свойского, исполняет Юлия Денисова
8. ОЖИДАНИЕ, музыка из спектакля «Опасный поворот»
9. Я ЖДУ ЗВОНКА, слова С. Капутикян, исполняет Марина Архандеева
10. ПАРИЖ, слова В. Ерицева, исполняет Марк Левянт
11. УТОЛИ МОИ ПЕЧАЛИ, слова И. Кашежевой, исполняет Марк Левянт



К печатному изданию прилагается диск

© Вавилина О.А.